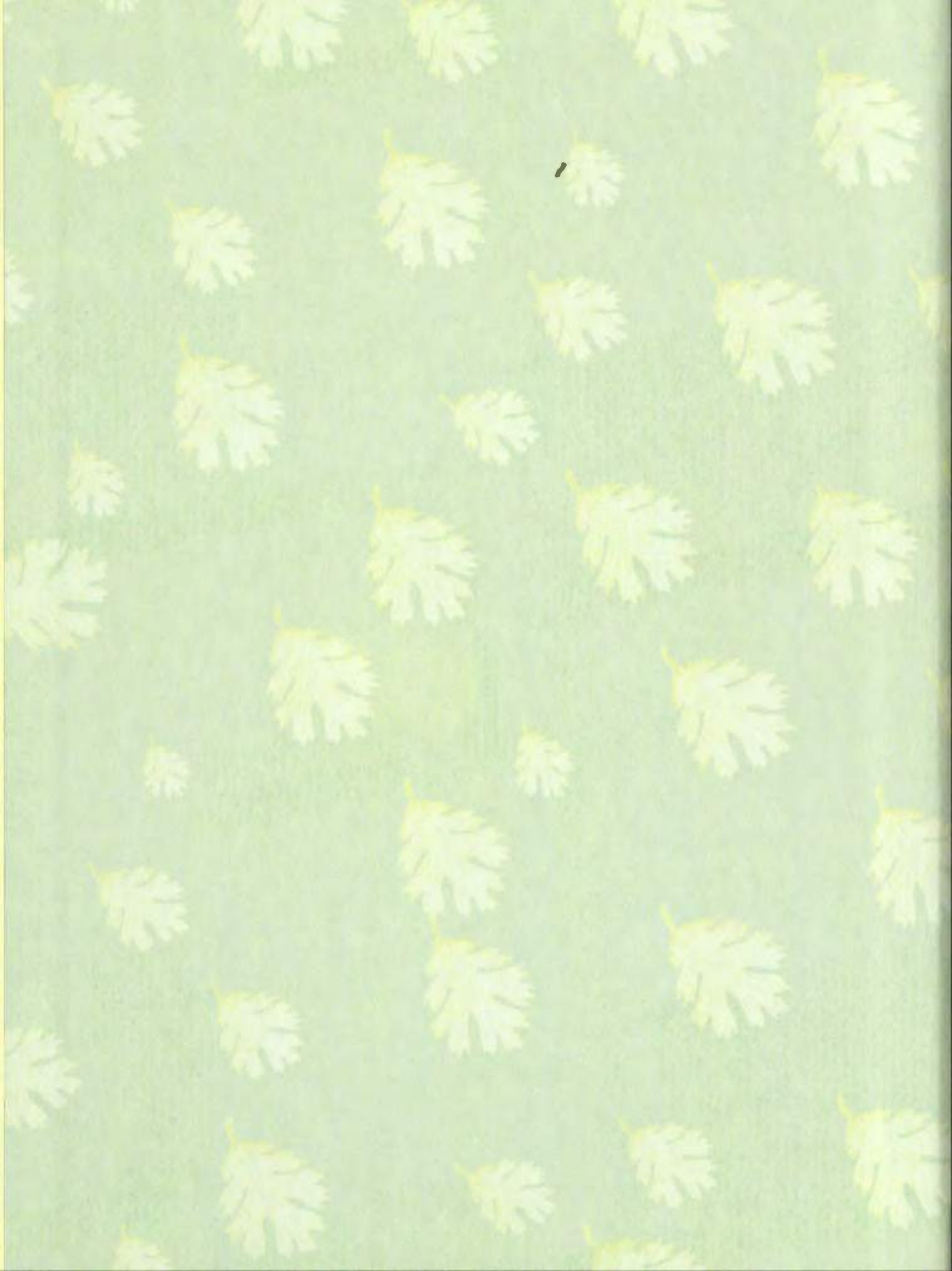
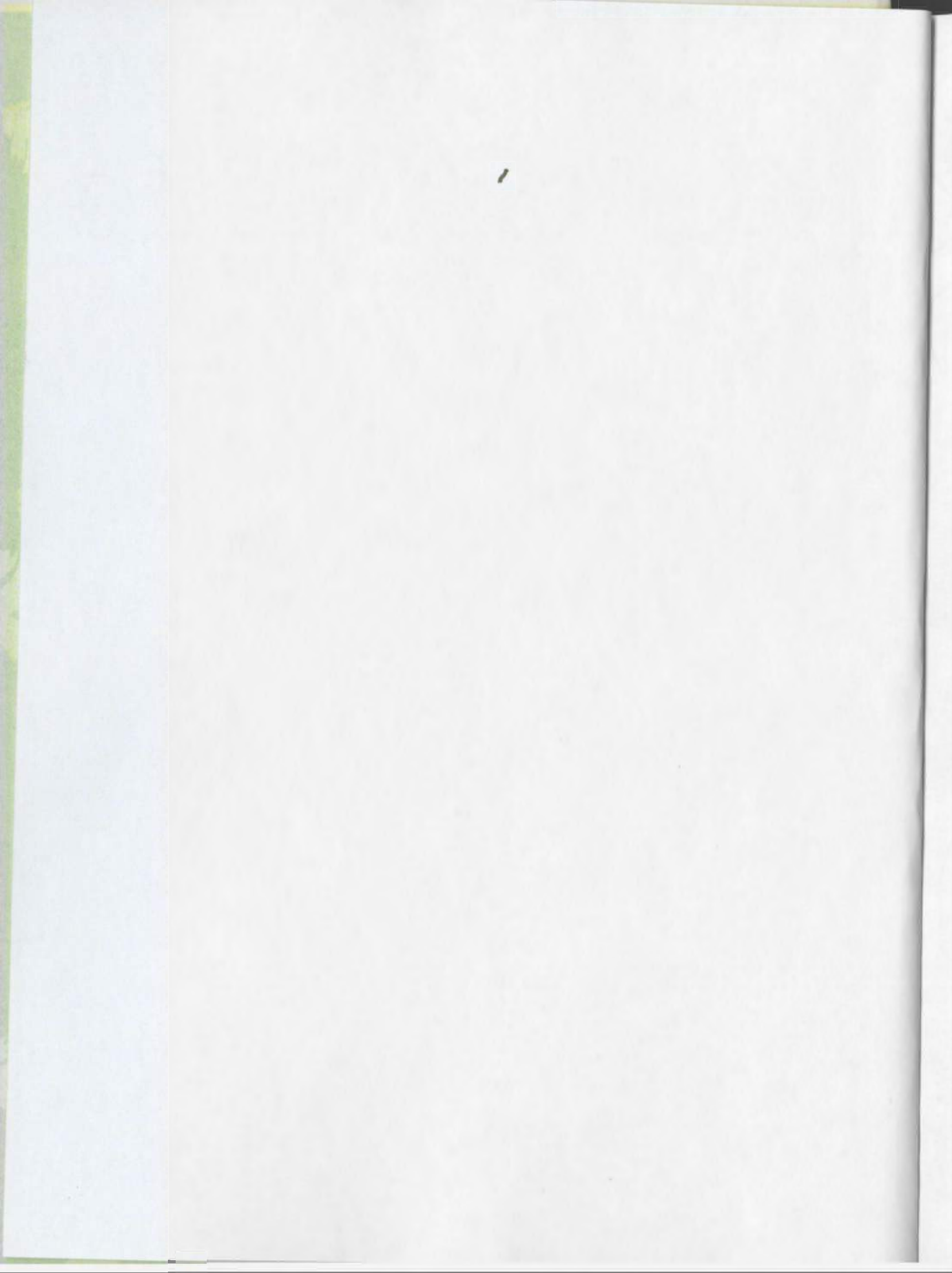

БеАтрис Поттер™

Всё о кролике Питере

Beatrix Potter™

THE TALE OF PETER RABBIT
THE TALE OF SQUIRREL NUTKIN
THE TAILOR OF GLOUCESTER
THE TALE OF BENJAMIN BUNNY
THE TALE OF TWO BAD MICE
THE TALE OF MRS. TIGGY-WINKLE
THE TALE OF THE PIE AND THE PATTY-PAN
THE TALE OF MR. JEREMY FISHER
THE STORY OF A FIERCE BAD RABBIT
THE STORY OF MISS MOPPET
THE TALE OF TOM KITTEN
THE TALE OF JEMIMA PUDDLE-DUCK
THE TALE OF SAMUEL WHISKERS
OR THE ROLY-POLY PUDDING
THE TALE OF THE FLOPSY BUNNIES
THE TALE OF GINGER AND PICKLES
THE TALE OF MRS. TITTMOUSE
THE TALE OF TIMMY TIPTOES
THE TALE OF MR. TOD
THE TALE OF PIGLING BLAND
THE TALE OF JOHNNY TOWN-MOUSE

Беатрис Поттер™

Всё о кролике Питере

Иллюстрации Беатрис Поттер

МОСКВА
РОСМЭН
2018

- THE TALE OF PETER RABBIT
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1902
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1902.
- THE TALE OF SQUIRREL NUTKIN
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1903
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1903.
- THE TAILOR OF GLOUCESTER
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1903
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1903.
- THE TALE OF BENJAMIN BUNNY
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1904
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1904.
- THE TALE OF TWO BAD MICE
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1904
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1904.
- THE TALE OF MRS. TIGGY-WINKLE
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1905
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1905.
- THE TALE OF THE FIE AND THE PATTY-PAN
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1905
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1905.
- THE TALE OF MR. JEREMY FISHER
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1906
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1906.
- THE STORY OF A FIERCE BAD RABBIT
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1906
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1906.
- THE STORY OF MISS MOPPET
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1906
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1906.
- THE TALE OF TOM KITTEN
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1907
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1907.
- THE TALE OF JEMIMA PUDDLE-DUCK
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1908
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1908.
- THE TALE OF SAMUEL WHISKERS
OR THE ROLY-POLY PUDDING
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1906
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1906.
- THE TALE OF THE FLOPSY BUNNIES
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1909
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1909.
- THE TALE OF OINGER AND PICKLES
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1909
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1909.
- THE TALE OF MRS. TITTMOUSE
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1910
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1910.
- THE TALE OF TIMMY TIPTOSS
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1911
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1911.
- THE TALE OF MR. TOD
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1912
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1912.
- THE TALE OF FIDDLING BLAND
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1913
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1913.
- THE TALE OF JOHNNY TOWN-MOUSE
First published in Great Britain by Frederick Warne & Co. 1915
Original copyright in text and illustrations © Frederick Warne & Co., 1915.
- New reproductions copyright © Frederick Warne & Co., 2002
Produced under licence from Frederick Warne & Co., 50 Strand, London, WC2R 0HL, UK
Frederick Warne & Co. is the owner of all rights, copyright and trademarks
in the Beatrix Potter character names and illustrations.

Перевод с английского Михаила Гребнева
Стихи в переводе Дины Крупской

Поттер Э. В.

П64 Всё о кролике Питере : сказки / Э. В. Поттер; Пер. с англ. М. Н. Гребнева. Пер. стихов Д. В. Крупской. — М. : РОСМЭН, 2018. — 320 с. : ил.

«Всё о кролике Питере» — это наиболее полное издание произведений Беатрис Поттер, которое впервые выходит на русском языке. Сказки знаменитой английской писательницы давно вошли в сокровищницу детской классики и уже более ста лет покоряют сердца маленьких читателей всего мира. Секрет успеха в том, что писательница не только придумала милые, трогательные истории из жизни забавных зверушек, но и создала к ним прекрасные иллюстрации. И произошло чудо — возник удивительный, чарующий мир сказок Беатрис Поттер.

ISBN 978-5-353-06115-1 (рус.)
ISBN 978-0-7232-5804-9 (англ.)

УДК 821.111-34-93
ББК 84(4Вел)

© М. Н. Гребнев, перевод, 2013
© Д. В. Крупская, перевод стихов, 2013
© ООО «РОСМЭН», 2016

Сказка
про
Питера Пуша

1902

Написано для маленького Ноэля Мура.

Жил да был непослушный крольчонок Питер Пуш. А сестричек его звали Пышка, Плюшка и Пампушка. Все они жили со своей мамой на пригорке, под корнями большой мохнатой ели.

— Ну, детишки, — сказала однажды утром мама, старушка миссис Пуш, — идите погуляйте куда хотите — в лес, в поле, только не ходите в сад мистера Мак-Грегора.

Там с вашим папой случилась большая неприятность: миссис Мак-Грегор запекла его в пирог.

Так что ушки на макушке!
А я — в булочную.

Послушные крольчата — Пышка,
Плюшка и Пампушка — пошли в лес
собирать ежевику.

С этими словами миссис Пуш
взяла корзину и зонтик и отправилась
через лес в булочную. Там она купила
пшеничного хлеба и пять ватрушек.

А непослушный Питер Пуш
поскакал в огород мистера Мак-Грегора!

Калитка была закрыта, но он
пролез под ней.

Он поел там салата, пожевал фасоли
и взялся за редиску...

Вскоре от этого у него раздуло живот, и Питер Пуш потопал искать петрушку. Он знал, что петрушка помогает от тошноты.

Но вдруг за углом огуречного парника блеснули очки мистера Мак-Грегора!

Стоя на коленях, мистер Мак-Грегор возился с капустой, но, заметив кролика, мигом вскочил и бросился за ним.

— Держи вора! — крикнул он, грозно потрясая граблями.

С перепугу Питер Пуш забыл, где калитка, и отчаянно заметался по огороду.

Он потерял башмачки: один — в капусте, другой — в картошке.

Конечно, босиком да на четырёх лапах Питер Пуш бегал гораздо быстрее. К несчастью, он налетел на сетку вокруг крыжовника и застрял: зацепился пуговицей. На Питере была новенькая голубая курточка с блестящими медными пуговицами.

Из глаз его брызнули слёзы. Услышав всхлипы Питера, прилетели взволнованные воробы.

— Не хлопай ушами, Питер Пуш! — зачирикали они. — Бросай курточку и беги!

Тут подскочил мистер Мак-Грегор и накрыл Питера огромным ситом. Питер Пуш выскользнул, но без курточки. Она осталась под ситом.

Он влетел в сарай и прыгнул в лейку. Но вот беда: она оказалась полной, и Питер Пуш погрузился по уши в холодную воду.

Мистер Мак-Грегор понял, что Питер в сарае.

«Ясно, спрятался под цветочным горшком», — решил он.

Горшков было много. Стояли они пустые, вверх дном. Мистер Мак-Грегор принялся быстро-быстро переворачивать их один за другим.

А Питер Пуш так продрог, что у него зачесалось в носу.

— Алчхи! — чихнула вдруг лейка.

Мистер Мак-Грегор бросился к ней, однако Питер успел выскочить.

Мистер Мак-Грегор яростно топнул и носком башмака прижал кроличий хвостик, но Питер вырвался и выпрыгнул в окошко, опрокинув три горшка с цветами. Для мистера Мак-Грегора окошко было узковато... Да и устал он от беготни.

— Ох, — сказал мистер Мак-Грегор, прекратил погоню и занялся делами.

А Питер Пуш, весь мокрый, присел перевести дух. Он запыхался, дрожал от страха и не знал, куда бежать дальше.

Чуть отдышавшись, Питер Пуш тихонько запрыгал, пугливо шевеля ушами и озираясь по сторонам: где же калитка?

Он наткнулся на какую-то дверь в кирпичной ограде, но дверь оказалась заперта, а под ней толстячку Питеру было не пролезть.

Бабушка-мышь сновала под дверью туда-сюда, таскала бобы и горох внучатам в лес. Питер Пуш спросил её, где калитка, но мышь держала в зубах такую громадную горошину, что не могла вымолвить ни слова. Лишь мотнула головой.

Бедный кролик опять расплакался.

Потом Питер Пуш поскакал через огород напрямик и совсем заблудился. Он выбежал к пруду — сюда мистер Мак-Грегор обычно ходил за водой. На берегу стояла пустая лейка, а рядом замерла белая кошка, хищно глядя на золотых рыбок и изредка поводя хвостом. Питер Пуш решил не тревожить её: про кошек он слышал достаточно от своего кузена — Олли Кроллета. Олли рассказывал, какие у них острые когти.

Питер Пуш вернулся к сараю, но вдруг совсем рядом услышал звук тятки: бряк, тят-тят, бряк. Питер спря-
тался под кустом.

Однако всё вокруг было спокойно, и он вскоре вылез, потом прыгнул в тачку и осторожно выставил уши над бортиком. И тотчас увидел мистера Мак-Грегора, который пропалывал грядку с луком. Мистер Мак-Грегор стоял спиной к Питеру, а прямо за ним виднелась калитка!

Питер Пуш тихонько спрыгнул с тачки и пулей пронёсся по садовой дорожке за кустами смородины. Мистер Мак-Грегор заметил его у калитки слишком поздно: Питер прошмыгнул под ней и скрылся в лесу.

А мистер Мак-Грегор подобрал его курточку и ботинки и сделал из них пугало — отпугивать чёрных дроздов.

Питер Пуш ни разу не остановился и не оглянулся, пока не влетел в норку под большой мохнатой елью.

Он так устал, что сразу плюхнулся на мягкий песок и закрыл глаза.

Тем временем миссис Пуш тушила морковные котлеты.

— Ах, Питер, какой ты растеряха! — ворчала она. — И недели не прошло, а ты уже посеял вторую курточку и вторую пару башмаков!

Вечером Питер совсем за-
немог — у него заболел живот
и начался жар. Миссис Пуш уло-
жила его в постель и заварила
ромашку. И дала Питеру — как
велел доктор — «одну столовую
ложку на ночь».

А Пышку, Плюшку и Пампуш-
ку ждали на ужин горячие плюш-
ки, пышки, пампушки и сладкие
ватрушки. Пышка ела плюшки,
Плюшка — пампушки, а Пампуш-
ка — ватрушки... Но кто же тогда
съел все пышки? Долго крольчата
не гадали, они быстро запутались
и уснули.

Сказка
про
бельчонка Тресси
и его хвост

1903

Посвящается маленькой Норе.

Жил да был рыжий бельчонок Тресси. У него было много сестриц и ещё братик Чоппи. Жили они в лесу, у самого озера, посреди которого был остров, густо поросший орешником.

Там в дупле Большого дуба жил урюмый филин — мистер Гук. Он был хозяином острова: днём дремал, а по ночам ухал и гукал.

Однажды осенью, когда листья стали золотыми и орехи созрели, Тресси и Чоппи с сестрицами вышли из леса на берег.

Из прутьев они построили маленькие плоты и столкнули их на воду. Затем взяли мешки, вооружились длинными вёслами и, подняв пушистые хвосты как паруса, поплыли на остров Старого Филина за орехами.

Причалив к острову, белки тотчас направились к Большому дубу. Они несли мистеру Гуку подарок — трёх толстых мышей.

— Позвольте набрать орехов у вас на острове, дедушка! — низко кланяясь, обратились к старику сестрицы и братик Чоппи.

В знак согласия филин закрыл глаза.

А Тресси без всякого почтения принялся скакать, помахивая хвостом, и громко петь:

Летом он приходит
К нам издадека.
Круглый человечек,
Веточка — рука,
Красная одёжка,
Камешек внутри.
Если ты не понял,
Снова повтори!

Угрюмый Гук не собирался разгадывать загадки, даже такие простые, как про вишенку. Он решительно зажмурил глаза и задремал, не обращая ни малейшего внимания на Тресси.

А белки набили мешки орехами, перетащили их на плоты и вечером пустились в обратный путь.

Но поутру они снова приплыли на остров Старого Филина. В этот раз белки привезли вкусного жирного крота и положили его на камень у дверей хозяйского дома.

— Мистер Гук, можно нам ещё пособирать орехов? — вежливо попросили сестрицы и братик Чоппи.

А Тресси всё шалил — без малейшего уважения к старику. Он щеко-тал сонного мистера Гука *кративой* и напевал, приплясывая:

Злюка Колюка сидит за забором,
Злюка Колюка гуляет за бором.
Лучше Колюку не трогай рукой,
Даже если ты смелый такой!

Мистер Гук очнулся, втащил крота в дом и захлопнул дверь перед самым носом Тресси. Вскоре из верхнего дупла пошёл дым; угрюмец развёл огонь в очаге. Он решил зажарить крота на обед. А Тресси тем временем подглядывал в щёлку и напевал:

Он лохматится над крышей,
Он и там, и сям, и выше.
Набери его в ладошки —
Не увидишь в них ни крошки.

Белки бегали по веткам и ссыпали орехи в мешки. А Тресси насобирал круглых чернильных орешков и, расположившись на берёзовом пне, стал играть в шарики. И приговаривал: цок-цок-цок!

На третий день белки встали до рассвета, отправились на рыбалку и поймали семь отменных пескарей для утрюмого деда!

Затем все погрузились и с попутным ветром поплыли на остров Старого Филина. Вскоре они причалили под кривым каштаном.

Каждая из сестриц несла по пескарю. И братик Чоппи — тоже. А озорник Тресси не приготовил подарка. Он скакал впереди, напевая:

В пустыне спросил меня странный попутчик:

«Много ли в море клубники,
голубчик?»

Сказал я, убив комара на носу:

«Столько же, сколько селёдки
в лесу».

Но утрюмый Гук любил во всём ясность — загадки и прочая чепуха его только раздражали.

На четвёртый день белки принесли утрюмцу Гуку шесть чёрных жуков, похожих на спелые сливы. Жуки были тщательно завернуты в листья щавеля, и каждый листок был сколот сосновой иголкой.

А Тресси завёл новую песенку:

Чёрные, как сливы, летят-гудят,
Идут-бредут куда глаза глядят.
Чёрные, как сливы, сели на крылечко.
Разгадай загадку — подарю колечко!

Это было глупо: ведь Тресси не принёс старику никакого кольца!

Белки трудились в орешнике, а Тресси развлекался — втыкал сосновые иголки в ягоды шиповника, приговаривая: цок-цок-цок!

На пятый день белки привезли мистеру Гуку мёд, который они украли у пчёл на горе. Вот только потом сестрицам пришлось вылизывать себе липкие лапы.

А Тресси всё скакал и напевал:

На лесной опушке
Приземлились хрюшки,
Жёлтые брюшки,
Дидл-дин-дон!

В поле у тропинки
Прожужжали свинки,
Жёлтые спинки,
Дидл-дин-дон!

Полосаты брюшки,
Полосаты спинки.
Что это за хрюшки?
Что это за свинки?

Мистер Гук угрюмо отвернулся
от шалуна. Зато мёд сразу съел.

Братик Чоппи и сестрицы белки хлопотали в орешнике — набивали мешки орехами.

А Тресси играл в кегли — выстраивал в ряд зелёные еловые шишки и сшибал диким яблоком, приговаривая: цок-цок-цок!

На шестой день, в субботу, белки приплыли в последний раз. Сестрицы и братик Чоппи несли плетёную корзину, в которой лежало крутое яйцо — прощальный подарок утрюмцу.

А Тресси скакал впереди с песенкой:

Кокни Бок скатился в ручей.
Собралось пятьдесят врачей.
Приговор докторов таков:
«Три минуты — и он готов!»

Тресси скакал и плясал, как солнечный зайчик, а мистер Гук хранил утрюмое молчание.

Тресси пел:

Тёплый мистер Труляля
Спал на троне короля,
На ковровой на дорожке,
На спине придворной кошки,
На портрете королевы,
На стене — на той, что слева.
И на той, что справа, — тоже.
Ну на что это похоже?
И вскричал король: «Доколе?!»
И «Оставь меня в покое!»
Засмеялся Труляля:
«Нет такого короля,
Чтобы мной повелевал!»
Но под вечер он пропал.

Много-много песенок-загадок помнил Тресси:

Тень-Вертедь сорвал плетень,
Куролесил целый день.
Не сдержать его напор
Королю шотландских гор!

Пронзительно, как *ветер*, свистнул Тресси и вдруг прыгнул деду на макушку!

— Ух! — сказал мистер Гук и хлопнул крыльями.

Кто-то жалобно пискнул...

А сестрицы и братик Чоппи спрятались в кустах.

Несколько минут спустя они с опаской выглянули — угрюмый Гук преспокойно дремал у себя на пороге, будто ничего и не было.

Но куда подевался Тресси?

А Тресси сидел в жилетном кармане мистера Гука!

Но на этом сказка не кончается.

Угрюмый Гук приволок Тресси домой и — ух! — ухватил бельчонка за хвост, чтобы содрать шкуру.

Но Тресси вырвался, взлетел по лестнице и выскочил через дымоход. Вот только его рыжий хвост остался в когтях угрюмца.

С той поры Тресси не поёт больше песен.
И если увидите на ветке Тресси, не загадывай-
те ему загадок. А то сорвёт он тяжёлую шишку
и ка-ак треснет вас по макушке!

Глостерский портной

1903

Нет, надо будет зеркало добыть
Да приискать десятка два портных.
Ричард III*

Дорогая Фреда!

Я знаю, что ты любишь сказки и была больна. Поэтому я сочинила для тебя новую сказку — ещё никто её не читал.

И вот что удивительно — историю эту мне рассказали в Глостере, и всё в ней правда, по крайней мере про портного, жилет и что «кончился гарус!».

Рождество, 1901 год

* В. Шекспир. «Король Ричард III**». (Перевод А. Дружинина.)

** Ричард III — английский король, ранее герцог Глостер. (Примеч. пер.)

Давным-давно, во времена шпаг, париков и камзолов, расшитых цветами и украшенных галунами, — в ту пору, когда благородные господа носили кружевные жабо и жилеты из тафты с золотым шитьём, — в Глостере жил портной.

От утра до темна он сидел на столе, поджав под себя ноги, у окна маленькой мастерской на Вестгейт-стрит.

Весь день, пока было светло, он шил и кроил — кроил атлас, помпадур и люстрин — ткани в те времена имели странные названия и стоили очень дорого.

И хотя он обряжал соседей в шелка и бархат, сам был очень беден: сухонький старичок в потёртой одежде — острое личико в очках и скрюченные пальцы.

Он кроил камзолы точно по выкройке, без остатка, — на столе оставались только крохотные лоскутки и обрезки.

— Эти обрезки ни на что не годятся, разве что на жилеты для мышей, — приговаривал портной.

Однажды, в студёный день под Рождество, он приступил к важной работе. Сам мэр Глостера заказал ему тёмно-вишнёвый шёлковый камзол, расшитый розами и анютиными глазками, и кремовый атласный жилет, отделанный газом и зелёным шерстяным шнуром — синелью.

Портной работал и работал и разговаривал сам с собой. Он отмерял шёлк,

переворачивал его и так и эдак и вырезал точно по выкройке большими портновскими ножницами. Стол был весь усыпан обрезками тёмно-вишнёвого шёлка.

— Ни на что не годятся эти обрезки, больно мелкие. Разве что для мышей на пелеринки и чепчики. Да, на мышиные пелеринки и чепчики! — повторил Глостерский портной.

Когда снежинки, затемняя свет, стали лепиться на маленькие стёкла в оконных рамах, портной закончил дневную работу. Шёлк и атлас были скроены и лежали на столе.

Всего было двенадцать кусков ткани на камзол, четыре куска на жилет, клапаны для карманов, обшлага и подбор пуговиц. Для камзола на подкладку лежала тонкая жёлтая тафта, а для обмётки петель жилета были приготовлены кручёные шёлковые нитки — гарус. Всё было вымерено и всего хватало. Оставалось прийти с утра и всё сшить. Только не было одного мотка тёмно-вишнёвого гаруса.

В мастерской портной обычно не ночевал. Он закрыл ставни, запер дверь и положил ключ в карман. Спускались сумерки. В мастерской никого не осталось, кроме бурых мышей. Впрочем, им ключи были ни к чему. Они входили и выходили, когда хотели.

Ведь в стенах всех домов в Глостере скрывались потайные дверцы и маленькие лестницы. Мыши перебегали из дома в дом по длинным подземным ходам, не выходя на улицу.

Падал снег. Темнело. Портной заковылял домой. Он жил рядом, в маленьком домике в переулке Колледж-Корт. Он был так беден, что не мог платить даже за этот маленький дом и снимал в нём только кухню.

Вместе с ним жил кот, которого звали Мурвел. Когда утром портной уходил на работу, дом оставался под присмотром кота. И хотя Мурвел очень любил мышей, он не позволял им утаскивать атласные обрезки на камзолы!

— Муррр? — спросил кот, когда портной открыл дверь. — Муррр?

— Послушай, Мурвел, — сказал портной, — очень скоро мы станем богаты. Нынче же я беден как церковная мышь. Гляди — вот серебряная монета. Это четыре пенса — всё, что у нас осталось. Держи. Купи на пенс хлеба, на пенс молока и на пенс — сосисок. А на последний пенс купи мне моток тёмно-вишнёвого гаруса. Смотри не потеряй последний пенс, Мурвел. Потеряешь — мне конец, и мы помрём с голоду. Потому что у меня КОНЧИЛСЯ ГАРУС.

— Муррр! — пообещал Мурвел, взял монету, фаянсовый горшочек для молока и вышел на тёмную улицу.

Портной ужасно устал, и ему нездоровилось. Он сел у камина, поближе к огню, и забормотал:

— Глядишь, и вправду разбогатеет, будем кроить по косой, у мэра свадьба рождественским утром, мэр заказал камзол и жилет с шитьём, будет ему и подкладка из жёлтой

тафты — да, тафты хватило в самый раз, в обрезках не больше, чем на мышинные пелеринки...

Вдруг портной вздрогнул. Из кухонного буфета донёсся тихий звук: «Чик-тук, чик-тук, чик-тук!»

— Это ещё что такое? — воскликнул Глостерский портной и вскочил со стула.

Буфет был уставлен горшками, тарелками с китайским рисунком, чашками и кружками. Портной подошёл к буфету и замер, напряжённо прислушиваясь. Через минуту из-под перевёрнутой чайной чашки снова раздался тот же забавный звук:

«Чик-тук, чик-тук, чик-тук!»

— Очень-очень странно, — сказал Глостерский портной и приподнял перевёрнутую чашку.

Под ней оказалась — в светлом платье, переднике и чепчике — настоящая мышинная леди. Она тут же сделала портному реверанс! Потом соскочила с буфета и скрылась за плинтусом.

— Ну и ну, — промолвил портной. — Значит, мыши и впрямь одеваются в мои обрезки. И притом отлично шьют!

Он опять сел к огню и стал греть застывшие пальцы, бормоча про себя:

«Кроим персиковый атлас на жилет, вышиваем розы тамбуром — понадеялись на кота, дали ему последнюю монету на тёмно-вишнёвый гарус, — гарусом обметаем двадцать одну петлю...»

Тут из буфета опять раздался тихий звук:

«Чик-тук, чик-тук, чик-тук!»

— Просто чудеса! — воскликнул Глостерский портной и приподнял ещё одну перевёрнутую чашку.

Из-под неё в голубом камзоле и треугольной шляпе выглянул маленький мышиный джентльмен и изящно поклонился портному.

И вот уже на всех полках буфета зазвучал целый оркестр, словно забарабанили, перекликаясь друг с другом, крохотные барабанчики:

«Чик-тук, чик-тук, чик-тук!»

Из-под чашек, ваз и мисок появлялись мыши, облачённые в камзолы и шляпы, платья и пелеринки. Они спрыгивали на пол и скрывались за крохотной дверцей в стене.

— Да-да, шьют мышки отлично, и притом со вкусом, — признал портной. Он опять сел в кресло у камина и запричитал: — Сегодня вторник, в субботу утром всё должно быть готово. Осталась двадцать одна петля, двадцать одна, двадцать одна... Загляделся на шляпы и пелеринки, всех мышей упустил! Сплоховал, не поймал ни одной для Мурвела. А может, и хорошо, что не трогал мышек. Но они — собственность кота. Жить нам не на что... Беда, беда... Кончился гарус!

Мыши снова вышли и прислушались к бормотанию портного. Они увидели выкройку прекрасного камзола и зашептались про подкладку из тафты и про лоскутки на пелеринки и чепчики.

Потом они все бросились к потайным дверцам и с пискom понеслись по мышиным ходам. Когда хлопнул дверью Мурвел, на кухне уже не осталось ни одной мыши!

— Мурр-брр! — сбрасывая сапоги и шубу, проворчал Мурвел, как ворчат кошки, когда бывают чем-то недовольны. Мурвел ненавидел снег, а сейчас снег забился ему в уши и за шиворот. Хлеб и сосиски он положил на буфет и чихнул.

— Мурвел, — с тревогой спросил портной. — Где мой гарус?

Кот ничего не ответил. Он поставил на буфет горшочек с молоком и особенно тщательно обнюхал подозрительные чайные чашки. Он хотел на ужин жирную мышку!

— Мурвел, — уже со страхом повторил портной, — где мой ГАРУС?

Однако Мурвел незаметно спрятал какой-то свёрточек в заварочном чайнике и проворчал:

— Мыр-мырр, мыррш!

Если бы Мурвел умел говорить, он спросил бы: «Где моя МЫШЬ?»

— Мне конец! — только и сказал Глостерский портной, горестно вздохнул и пошёл спать.

Всю ночь напролёт Мурвел искал на кухне мышей, он заглядывал в шкафы, за плинтус и в тот чайник, в который упрятал гарус, но не нашёл ни мышонка.

Когда портной заговаривал во сне, Мурвел отвечал ему:

— Пшш-мриа! — Мурвел испускал и другие странные и ужасные звуки, какие издают кошки по ночам.

Бедный портной совсем расхворался, у него был жар, он кашлял и ворочался в постели и бормотал во сне:

— Кончился гарус, кончился гарус!

Весь день портной провёл в постели, и другой день, и ещё один. А как же вишнёвый камзол? На столе в мастерской на Вестгейт-стрит лежали скроенные шёлк с шитьём и атлас — и двадцать одна петля под пуговицы. Кто же придёт и сошьёт их, когда на окне ставни и дверь заперта на ключ?

Но запоры на окнах и дверях — не помеха для бурых мышек; они без всяких ключей заходят во все старые дома в Глостере!

По заснеженным улицам люди спешили на рынок покупать гусей, индеек, всё для рождественского пирога. А у бедного Глостерского портного не было денег на рождественский обед ни для себя, ни для Мурвела.

Три дня проболел портной. Наступил сочельник. Был поздний вечер. Над крышами и печными трубами взошла луна и заглянула в Колледж-Корт. Ни в одном окне не горел свет, крепко спал в тишине укрытый снегом город Глостер.

А Мурвел никак не мог поймать ни одной мыши. Он подошёл к постели больного и сердито мяукнул.

В старинных сказках звери и птицы разговаривают в ночь на Рождество. Только люди их не слышат, а если кому и случалось услышать, то ничего понять не удалось.

Когда соборные часы пробили полночь, что-то отозвалось в воздухе, будто эхо прокатилось.

Мурвел услышал и тотчас выбежал за дверь — побродить по заснеженным улицам.

На всех крышах и чердаках, в столетних деревянных домах в Глостере тысяча весёлых голосков затянула старинные рождественские песенки — которые я знала — и ещё много других.

Первыми проснулись петухи и громче всех закричали:

Кукареку, красотка,
Пеки нам пироги!

— Ой-ля-ля! — вздохнул Мурвел.

Оконце одной каморки под крышей было ярко освещено, оттуда доносилась музыка — там танцевали, и из подворотни туда сбегались кошки.

Мурвел опять вздохнул:

Тру-ля-ля, тра-та-та,
Скрипка в лапах у кота!

Все уже празднуют, а меня не пригласили...

Под самыми крышами скворцы и воробьи пели про рождественские пироги, на башне собора проснулись галки, и, несмотря на полуночный час, пели дрозды и малиновки, воздух был наполнен птичьими трелями.

Но всё это только раздражало голодного Мурвела.

Особенно его сердили пронзительные голоса за решётчатыми ставнями. Это, видно, пищали летучие мыши, в сухие морозные ночи они всегда тихонечко попискивают — бормочут во сне, как Глостерский портной.

Они бормотали что-то загадочное:

Кто таскал из кухни сало,
У того хороший слух.
— Зу-зу-зу! — пчела сказала.
— Жум-м! — ответил синий мух.
— Где вы, где вы, миссис Маус? —
Окружал жужливый звон.
— Кто вас слопал, миссис Маус?
— Он! Он! Он!

Мурвел встряхнул ушами, отгоняя назойливое жужжание.

Из окна мастерской на Весттейт-стрит шёл свет. Мурвел подошёл к окну и осторожно заглянул. В комнате горело множество свечей, щёлкали ножницы, громко и весело пели мышинные голоса:

Вышли на битву
С ужасной улиткой
Портные всего городка!
Но прыгнули с рёвом
В бурьян за калиткой:
ОНА ПОКАЗАЛА РОГА!

Закончив одну песню, мыши сразу начали новую:

Зёрнышко овсяное, зёрнышко корицы,
Семечко подсолнуха, зёрнышко пшеницы
Измельчу, как в ступке,
в ореховой скорлупке —
То-то будет каша для малютки нашей!

— Мур-мур! — громко сказал Мурвел и стал скрестись в дверь. Открыть он не мог: ключ остался у портного под подушкой.

Мыши только хохотнули и принялись за другую песню:

Три маленькие мышки
Сели шить штанишки.
Миссис Пусси-кошка
Глянула в окошко.

— А чем это вы заняты,
Милые друзья?

— А очень мы тут заняты,
И к нам сюда нельзя.

— Мяу-мяу! — крикнул Мурвел.
— Дили-дидл! — ответили мыши.

Надели все торговцы блистающий наряд,
Как brave солдаты, шагают на парад.
Шёлковые фалды, ворот золотой,
Вот и стал героем лавочник простой!

Они пели и отбивали такт напёрстками, но ни одна песня не

понравилась Мурвелу. Он сердито фыркал и шипел под дверью мастерской.

Купил я на полпенни
 / Овсяного печенья,
 Копчёную корейку,
 Сиреневую лейку,
 Горшочек и хлопушку,
 Половник и петрушку,
 Полковника и пушку
 И домик у реки.

И всё запрятал в чайник! — нахально крикнули мышки.

— Мяу! — хрипло сказал Мурвел и поскрёбся в окно.

Мыши вскочили на ноги и все разом заверещали:

— Кончился гарус! Кончился гарус! — и закрыли ставни на запоры.

Но сквозь щели всё равно было слышно, как постукивают напёрстки и мышинные голоса напевают:

— Кончился гарус! О-о-о!
 Кончился гарус! О-о-о!

Мурвел призадумался и пошёл домой. У бедного портного жар прошёл, и он мирно спал.

Мурвел на цыпочках подошёл к буфету, из заварочного чайника вынул свёрток с шёлковым гарусом, оглядел его в лунном свете и положил в изголовье

спящему. Ему стало стыдно за свой нехороший поступок — куда ему до добрых мышек!

Утром портной проснулся и сразу увидел моток тёмно-вишнёвого гаруса на лоскутном одеяле. А на стуле, виновато склонив голову, стоял раскаявшийся Мурвел.

— Я беден как церковная мышь, — вздохнул Глостерский портной, — но зато теперь у меня есть гарус.

Портной встал, оделся и вышел на улицу. Мурвел бежал впереди.

Снег искрился на солнце. Насвистывали скворцы, щелбетами дрозды и малиновки. Но слов разобрать уже было нельзя.

— Увы, — сказал портной, — теперь у меня есть гарус, но нет ни сил, ни времени даже на петлю под пуговицу, наступило рождественское утро! Мэр Глостера женится в полдень — и где же его вишнёвый камзол?

Он отпер дверь маленькой мастерской на Вестгейт-стрит, и Мурвел сразу же бросился внутрь, — как кошка в предчувствии добычи.

Но в мастерской никого не было! Ни одной бурой мышки!

Пол был тщательно подметён, обрывки ниток и лоскутки шёлка убраны.

Но на столе — господи, господи! — от радости портной даже вскрикнул, — там, где он оставил раскроенную ткань, теперь лежали невиданной красоты вишнёвый камзол и атласный жилет, о которых мэр Глостера мог только мечтать.

На камзоле сияли розы и анютины глазки, а на жилете светились маки и васильки.

Вся работа была завершена, кроме одной-единственной тёмно-вишнёвой петли. На её месте был приколот клочок бумаги, и на нём было написано крохотными буквами:

кончилась карьера.

С того дня к Глостерскому портному пришла удача. Он разбогател, а заодно и растолстел.

Он стал шить самые прекрасные камзолы и жилеты для всех богатых купцов в Глостере и для всех благородных господ в округе.

А какие чудесные делал он жабо, какие дивные узоры вышивал на обшлагах и отворотах! Но вершиной его мастерства были петли.

Стежки на петлях были такие мелкие, что даже не верилось, как они получаются у старика со скрюченными пальцами, да ещё в очках.

Очень мелкие были стежки на петлях, просто мышинные!

Сказка
про
Олли Кроллета

1904

*Детям деревни Сорей
от старого мистера Кроллета.*

Жил да был крохотный крольчонок. И звали его Оливер Кроллет.

Однажды утром Олли сидел на пригорке и настороженно поводил ушами: невдалеке цокали копыта маленького пони.

По дороге катилась двуколка. Правил мистер Мак-Грегор, а рядом с ним сидела миссис Мак-Грегор в своей самой лучшей шляпке.

Едва они проехали, маленький Олли спрыгнул на дорогу и поскакал в гости к родным, которые жили за садом мистера Мак-Грегора, в лесу.

Много-много норок вырыли кролики в том лесу! В самой чистой и уютной норке жила тётушка Оливера, её дочери Пышка, Плюшка и Пампушка и ещё её сын Питер. Питер Пуш приходился кузеном маленькому Олли Кроллету.

Старушка миссис Пуш была вдовой и зарабатывала на жизнь вязанием. Она вязала из кроличьей шерсти пушистые муфточки и варежки (как-то раз я тоже купила на рынке пару таких варежек). А ещё у неё была лавка под вывеской «ЧАЙ И ТАБАК». В ней она продавала травы, розмариновый чай и душистый кроличий табак, который мы называем лавандой.

Олли Кроллету не очень хотелось видеть тётушку. Он обежал дом миссис Пуш и за мохнатой елью чуть не свалился Питеру на голову.

Питер Пуш одиноко сидел и грустил,
зябко кутаясь в красный носовой платок.

— Питер, — прошептал маленький Олли, — а где же твоя курточка?

— Её теперь носит садовое пугало мистера Мак-Грегора, — печально ответил Питер Пуш и поведал, как едва унёс ноги от грозного мистера Мак-Грегора с граблями и как лишился курточки и башмачков.

Олли Кроллет присел рядом и рассказал кузену, что мистер Мак-Грегор вместе с женой укатали в двуколке — и, видать, на весь день, потому что на миссис Мак-Грегор красовалась её лучшая шляпка.

— Вот бы дождик пошёл, — вздохнул Питер, — и промочил бы их как следует!

Тут из норки раздался голос старушки миссис Пуш:

— Плюшка! Плюшка! Сбегай за ромашками!

— Теперь уже хорошая прогулка, пожалуй, и мне пойдёт на пользу, — сказал Питер Пуш.

Кузены взялись за руки и пошли по лесной тропинке. Вскоре они оказались у кирпичной стены, окружавшей сад и огород мистера Мак-Грегора. Крольчата влезли на ограду и увидели пугало в голубой курточке и башмачках Питера. А ещё на пугале был берет с помпоном, который прежде носил сам мистер Мак-Грегор.

— Джентльмены не лезят под калиткой, рвётся одежда, — заявил Олли Кроллет. — Если нужно попасть в огород, гораздо удобнее спуститься по старой груше.

Питер Пуш стал спускаться, но сорвался с груши и брякнулся головой оземь. Впрочем, ушибся не сильно. Земля под деревом оказалась мягкой, здесь рос зелёный салат.

Много-много крохотных следов оставили на грядке крольчата! И особенно маленький Олли — недаром он носил деревянные башмачки.

— Сперва надо забрать у пугала твою курточку, — сказал он Питеру. — А платок нам ещё пригодится.

Они сняли с пугала курточку и башмачки Питера. Но ночью шёл дождь, и в башмачках было полно воды, а курточка будто скукожилась.

— Да, беретик великоват, — заметил Олли, нацепив его на уши. — А в платок наберём луковок и отнесём в подарок тётушке.

Но Питеру было не по себе, ему то и дело чудились какие-то тревожные звуки.

А маленький Олли чувствовал себя замечательно и радостно уплетал салатный лист. Он сказал, что вместе с отцом, старым мистером Оливером Кроллетом, частенько заходит сюда за салатом для воскресного обеда. И в самом деле салат оказался необыкновенно вкусным.

Но Питер Пуш есть не стал.
— Мне ничего не хочется, —
грустно сказал он. — Хочется только
домой.

Уголок платка выскользнул из
кулачка Питера Пуша, и половина
лука просыпалась на землю.

— Ладно, — сказал маленький
Олли. — Пошли домой. Но с этим
луком мы не заберёмся на грушу.

И он храбро потопал напрямик,
в другой конец сада.

Олли Кроллет и Питер Пуш ша-
гали по дощатой дорожке под сте-
ной из красного кирпича, залитой
ярким солнцем.

На ступеньках мышкиного дома
сидели мышата и грызли вишнёвые
косточки. Они хитро перемигну-
лись, будто хотели скрыть от кроль-
чат какую-то тайну.

Уголок платка снова выскользнул из кулачка Питера Пуша, и лук опять рассыпался. Питер и Олли подобрали луковки и снова завязали в узелок.

Вскоре Питер Пуш и Олли Кроллет вышли к теплице, где стояли цветочные горшки, рамы и кадучки. Теперь тревожные звуки слышались Питеру ещё отчётливее. От страха глаза его стали круглыми и большими.

Питер Пуш шёл всего шага на два впереди кузена и вдруг замер.

За углом крольчата увидели
КОШКУ!

Питер с узелком и Олли тотчас
юркнули под большую перевёрну-
тую корзину...

А кошка почесала за ухом, вста-
ла, потянулась, подошла к корзине
и обнюхала:

— Муррлук!

Видно, ей понравился запах лука.
Во всяком случае, она уселась на
корзину.

Так она просидела *пять часов*.

Я не могла нарисовать Олли и Питера под корзиной, потому что там было темно — да ещё ужасно пахло луком, отчего у крольчат всё время текли слёзы.

Уже и солнце опустилось за лесом, близился вечер, а кошка всё сидела и дремала на корзине.

Вдруг послышался лёгкий топоток, и с кирпичной стены посыпалась извёстка.

Кошка подняла голову: по стене прохаживался старый мистер Оливер Кроллет.

Он нервно курил трубку душистого кроличьего табака. Мистер Оливер Кроллет искал сына. Он приготовил для Олли прутик, который держал за спиной.

Старый мистер Оливер Кроллет был весьма невысокого мнения о кошках. Докурив трубку, он решительно спрыгнул на кошку, сдёрнул её за хвост с корзины и пинком отшвырнул в теплицу.

Ошеломлённая кошка даже не успела выпустить когти.

А мистер Оливер Кроллет ловко защёлкнул замок на двери теплицы.

Потом мистер Оливер Кроллет вернулся к корзине, вытащил за уши своего сына Олли и высек прутиком.

Точно так же он поступил с племянником, Питером Пушем.

Потом Оливер Кроллет вытащил из-под корзины узелок с луковками и зашагал к выходу из сада.

А мистер Мак-Грегор, вернувшись домой, долго ещё ломал голову над загадками.

Ведь оставил кто-то множество маленьких следов по всему саду... Кто же был этот непрошенный гость в крохотных деревянных башмачках?

И ещё мистер Мак-Грегор гадал, как кошка, забравшись в теплицу, ухитрилась запереть дверь снаружи...

Когда Питер вернулся домой, мама его простила. Она обрадовалась, что нашлись башмачки и курточка. Питер с Плюшкой аккуратно сложили и убрали носовой платок, а старушка миссис Пуш связала тесёмкой луковки и подвесила к потолку среди пучков лесных трав и листьев душистого кроличьего табака.

Сказка
про
двух нехороших
мышей

1904

Посвящается Винифред, маленькой девочке,
у которой был кукольный домик.

Жили-были куклы Люсинда Кукль и Джейн Повари. У них был прекрасный кукольный дом с трубой — стены из красного кирпича и настоящие муслиновые занавески на окнах.

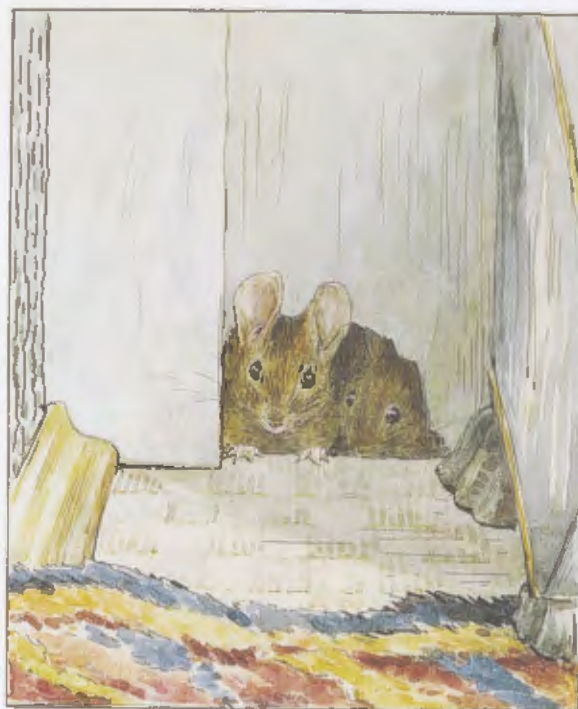
Джейн Повари была поварихой у Люсинды, но никогда не готовила. Она покупала готовые обеды в коробках со стружками.

В коробках — прямо на тарелках — лежали красные крабы, окорок с розовыми прожилками, рыба, круглые пироги, спелые груши и апельсины. К тарелкам эти яства были приделаны так прочно, что не оторвать. Но выглядело всё очень красиво.

Как-то утром Люсинда Кукаль и Джейн Повари отправились на прогулку в кукольной коляске. В детской никого не осталось. Вдруг в тишине послышалось шуршание у камина, там, где под плинтусом скрывался мышиный ход.

Из-под плинтуса показалась мышинная мордочка и скрылась. Это был Камамберри.

Чуть позже высунула нос его жена Скреберта. Увидев, что в детской никого нет, она прошмыгнула под ящик для угля.

Кукольный дом стоял с другой стороны от камина. Камамберри и Скреберта осторожно пробрались по каминному коврику и толкнули входную дверь домика — она была не заперта.

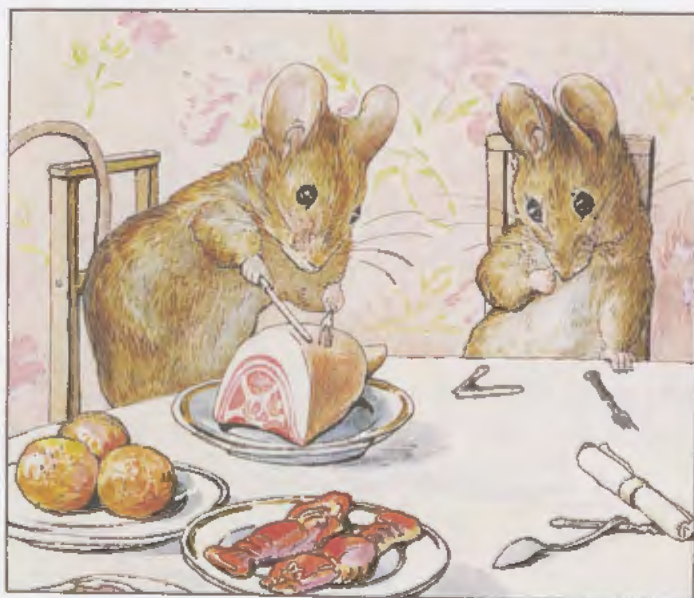

Поднявшись на второй этаж, они заглянули в столовую и радостно запищали: на столе было много всякой еды! И ещё на белой скатерти лежали крохотные оловянные ложки, вилки и ножи. А у стола стояли два кукольных стула. Здесь было так уютно!

Камамберри и Скреберта уселись за стол, Камамберри взял нож и вилку и начал резать окорок. Это был прекрасный бело-розовый окорок с нежными прожилками. К несчастью, нож соскользнул и полоснул его по пальцу. Камамберри пискнул и сунул палец в рот.

— Твёрдый какой-то окорок, видно, недоваренный. Сама попробуй нарезать, Скреберта.

Скреберта встала на стул и принялась резать окорок другим ножом.

— Совсем застарелый, — недовольно сказала она.

Тут окорок вылетел из тарелки и покатился под стол. Скреберта потянулась было за ним.

— Оставь его, — сказал Камамберри. — Дай мне лучше рыбы.

Скреберта пододвинула к себе рыбу и ткнула в неё оловянной ложкой — раз, другой, третий, но всё напрасно: рыба не желала отлипнуть от тарелки.

Камамберри рассердился. Он взял совок для угля, положил окорок на пол, размахнулся и что есть мочи ударил совком по окороку: бам! Бам! Хрясь! Хрясь!

Окорок разлетелся на мелкие кусочки — оказалось, он был сделан из гипса и лишь сверху покрыт блестящей розовой краской.

Камамберри и Скреберта ужасно разозлились. Они расколоти пи-рог, перебили крабов, раскрошили груши и апельсины.

Рыбу никак не удавалось ото-драть от тарелки. Тогда они пошли на кухню и положили тарелку прямо на плиту на огонь, сделанный из красной и жёлтой бумаги. Но рыба гореть не хотела.

Камамберри решил прове-рить, не забит ли дымоход в кух-не. Он поднялся по нему до са-мой крыши, но нигде не заметил сажу.

Пока Камамберри лазил по дымоходу, Скреберту постигло ещё одно разочарование. Она нашла жестяные коробочки с надписями «РИС», «КОФЕ», «САГО», но в них вместо крупы хранился белый и синий бисер.

Теперь мыши проказничали, как могли, особенно разошёлся Камамберри. Он вытаскивал одежду Джейн из шкафа в её спальне и выбрасывал в окно верхнего этажа.

Но Скреберта была бережлива от природы. Когда она стала вытряхивать пух из подушки Люсинды, ей пришло в голову, что мягкая постель пригодится и ей самой. Вместе с Камамберри они вынесли подушку из кукольного домика и поволокли по каминному коврику к плинтусу. С большим трудом им удалось пропихнуть её в мышиный лаз.

Потом Скреберта сбегала за стулом, книжным шкафом, клеткой с попугаем, зеркалом и другими мелочами. Книжный шкаф и клетка в мышиный лаз не проходили.

Тогда Скреберта оставила их за угольным ящиком и отправилась с Камамберри за детской люлькой.

Перетащив люльку, муж и жена взвалили на плечи последний стул и половую щётку. Вдруг снаружи послышались голоса. Мыши быстро юркнули под плинтус, и в детской появились куклы.

Какая удручающая картина предстала перед Джейн и Люсиндой! Люсинда опустилась на опрокинутую плиту, глядя перед собой стеклянными глазами. Джейн с грустной улыбкой прислонилась к буфету. Ни одна не проронила ни слова.

Книжный шкаф и клетка с попугаем нашлись за угольным ящиком, но Скреберта утащила люльку и кое-что из одежды Люсинды.

А ещё Скреберта унесла сковородки, горшки и прочую кухонную утварь — для собственных нужд.

— Я поставлю сюда куклу в мундире полицейского, — сказала девочка, которой принадлежал кукольный домик.

— А я — мышеловку, — сказала няня.

Вот и вся сказка про двух нехороших мышей. Впрочем, не такие уж они и нехорошие... Камамберри заплатил за всё, что переломал.

Под каминным ковриком он нашёл погнутую монетку в шесть пенсов, и в ночь на Рождество они со Скребертой положили её в чулок Люсинды — куклам в подарок.

И теперь по утрам, пока все ещё спят, Скреберта приносит свою щётку и совок и убирается в кукольном доме.

И скребёт,
и скребёт
сковородки
до блеска!

Сказка
про
миссис Туфф

1905

Посвящается маленькой Люси.

На ферме Крохтон жила девочка Джули. Джули была хорошая девочка, но то и дело теряла носовые платки.

Как-то раз Джули вышла во двор вся в слезах.

— Где мой любимый платочек? — хныкала она. — Куда подевались три платка и передник? Терри, киска, ты не видала моих платков и передника?

Киска Терри мыла свои белые лапки, и у неё не было настроения разговаривать.

Тогда Джули спросила у пеструшки:

— Энни-Пенни, тебе не попадались три платочка?

— Что мне твои платочки! — возмутилась Энни-Пенни. — Мне нечего надеть! Посмотри, как я хожу, — босиком! Боси-ко-ко-ко! — И обиженная Энни-Пенни скрылась в курятнике.

Тут Джули заметила на ветке дрозда Робина.

— Робин, тебе не попадались мои платочки?

Робин блеснул огромным чёрным глазом, взмахнул крыльями и улетел за каменную ограду, окружавшую ферму Крохтон.

Через ограду вёл ступенчатый перелаз. Джули поднялась на несколько ступенек, и перед ней открылся вид на высокую-превысокую гору — такую высокую, что вершина терялась в облаках. Ей почудилось, что на склоне, под самыми облаками, лежат какие-то белые вещицы...

Через две минуты Джули была у подножия горы. Вверх шла крутая тропинка. Быстро-быстро побежала по ней Джули. Когда она посмотрела вниз, ферма Крохтон показалась ей совсем маленькой, домики были далеко-далеко внизу, прямо под ногами у Джули.

Из горы выбивался и нежно журчал ручеёк. Кто-то подставил ведёрко, но оно уже переполнилось. А ведёрко то было не больше рюмочки для яйца! И ещё — на мокром песке виднелись следы какой-то очень маленькой особы.

Джули побежала дальше.

Тропинка заканчивалась под большой скалой. Здесь, на зелёной лужайке, стояли воткнутые в землю сучки с натянутой на них камышовой верёвкой и лежала целая куча крошечных прищепок. Но не было видно ни одного носового платка!

Зато здесь было ещё кое-что — дверь! Прямо в скале. И за дверью кто-то пел:

Белое, крахмальное,
В порошке стиральное,
Глажено-утюжено —
От зари до ужина!

Джули постучалась: тук-тук-тук... Песня прервалась, и тихий, испуганный голосок спросил:
— Кто там?

Джули толкнула дверь и оказалась в чистой, уютной кухне с деревянными балками под потолком и с кафельным полом — в общем, в самой обычной кухне, как на любой ферме. Только потолок был очень низкий — прямо над головой. И совершенно крохотные были кастрюли и сковородки, как, впрочем, и всё остальное.

Пахло горячим утюгом. И правда: у стола, с утюгом в руке, стояла низенькая полная особа с подоткнутым платьем и озабоченно глядела на Джули. Поверх полосатой нижней юбки у неё был повязан большой фартук; глаза её часто моргали, крохотный чёрный нос посвистывал и пофыркивал: туфф... туфф... туфф... А из-под чепчика маленькой особы торчали самые взаправдашные ИГОЛКИ!

— Кто вы? — спросила Джули. — Может, вам попадались мои платочки?

— А как же, барышня! Меня зовут, — маленькая особа сделала книксен, — меня зовут, уф... миссис Туфф, если позволите. А то как же! Я отличная прачка, если позволите! — Тут она вытащила что-то из корзины и разложила на столе для утюжки.

— Что это у вас? — спросила Джули. — Это не мой платок?

— Ах, нет, барышня. Это красный жилет дрозда Робина, если позволите!

Она отутюжила его, сложила и убрала в сторону.

Затем она сняла что-то с деревянной рамы для сушки белья.

— Это не мой передник? — спросила Джули.

— Ах, нет, барышня, это скатерть мисс Скворч, вся залита смородиновым вином, если позволите! Поди отстирай такую, уф!

Миссис Туфф взяла из очага второй утюг и брызнула на него водой. Глаза у хозяйки то и дело моргали, а чёрный нос свистел и пофыркивал: туф... туф... туф!

— Это мой платок! — воскликнула Джули. — А вот и мой передничек!

Миссис Туфф тщательно загладила складки и расправила по краям кружево.

— Замечательно! — ахнула Джули.

— А это что за чудо: длинные, жёлтые, с пальчиками как у перчаток?

— Да просто чулки Энни-Пенни, если позволите. Эта курица продрала обе пятки, знай себе скребёт землю. Скоро будет ходить босая! — сказала миссис Туфф.

— Ага, здесь ещё платок, но он красный, это не мой.

— Это платок старушки миссис Пуш, если позволите. Он так провонял луком, что пришлось стирать отдельно. Но запах лука остался.

— А вот мой второй платок, — сказала Джули. — А это что у вас? Такие смешные, беленькие...

— Это митенки мисс Терезы Коттер, я их только глажу — стирает она сама.

— Вот мой последний платок! — обрадовалась Джули.

— А что это вы макаете в миску с крахмалом?
— Манишки Чарли Чечилла. Привередливый мышонок, обряжается как лорд! — воскликнула миссис Туфф. — Ну, я всё погладила, теперь надо проветрить кое-какие одежки.

— Что это за пушистые вещицы? — спросила Джули.

— А... Это меховые курточки ягнят из Барандора.

— Значит, они снимают курточки? — спросила Джули.

— Да, барышня, если позволите. Видите, здесь на плече овечье клеймо или метка. На этой курточке стоит клеймо «Малкастер», а вот три куртки с метками «Крохтон». Овчину всегда клеймят перед стиркой, — объяснила миссис Туфф.

И она стала развешивать для проветривания самую разную одежду: мышьиные замшевые курточки, чёрный бархатный жилет мистера Кроттерли-Роя, рыжий бесхвостый фрак бельчонка Тресси, сильно севшую голубую куртку Питера Пуша и нижнюю юбку без метки, которая затерялась в стирке. Наконец корзина опустела.

Миссис Туфф заварила чай и налила чашечку себе и чашечку — Джули. Они сели у огня на скамейку — сидели, потягивали чай и поглядывали друг на друга. Левой рукой миссис Туфф держала на весу чашку, а правой размещивала сахар. Руки у неё были тёмно-коричневые от загара и ужасно сморщенные — от стирки. А сквозь платье и чепчик у неё везде торчали шпильки, острыми концами наружу, и Джули на всякий случай старалась сидеть подальше.

После чая они связали одежду в узлы, а платки Джули аккуратно сложили, завязали в чистый передник и скололи серебряной английской булавкой.

Затем они подложили в огонь сухого торфа, вышли и заперли дверь, а ключ спрятали под порогом.

Потом с узелками одежды в руках Джули и миссис Туфф побежали под гору.

Из зарослей папоротника им навстречу выходили самые разные лесные обитатели. Но прежде других на тропинку выскочили Питер Пуш и Оливер Кроллет.

Миссис Туфф принялась раздавать чистые одёжки. Все звери и птицы радостно благодарили замечательную прачку.

Когда миссис Туфф и Джули спустились с горы и оказались у каменной ограды, в руках у них уже ничего не было — только Джули несла свой крохотный узелок.

Джули влезла по ступенькам на ограду и обернулась — попрощаться и сказать прачке спасибо... Но что за странность! Миссис Туфф вовсе не ждала благодарности, не дожидалась она и платы за стирку...

Она уже мчалась по тропинке обратно в гору. Но куда делся её накрахмаленный чепчик? Куда делась шаль? Но, позвольте, где её платье? И где же её полосатая нижняя юбка? И какая она стала крохотная, и какая бурая — да сплошь колючая!

И бежит как лихо...

Оказалось, что миссис Туфф — ЕЖИХА!

Толкуют, что малютка Джули задремала на каменной ограде и всё это ей приснилось. Тогда откуда взялись три чистых платка, завязанные в передник и сколотые серебряной булавкой?

И ещё — я сама видела дверцу на той горе.
И ещё — я сама близко знакома с миссис Туфф!

Сказка
про
пирог с мясом

1905

Посвящается Джоан с надеждой,
что она прочитает эту сказку Бэби.

Жила-была кошка Мэри. Она дружила с Герцогиней — собачкой. Однажды Мэри решила пригласить подругу на чай — ровно к пяти часам.

О приглашении на чай Герцогиня узнала из письма.

«Дорогая Герцогиня! — писала Мэри. — Я хочу пригласить тебя на чай. Пожалуйста, приходи и не опаздывай. Тебя ждёт замечательное угощение. Я испеку пирог на особом блюде, том самом — помнишь? — с розовой каймой. Пирог будет такой, что пальчики оближешь. И весь достанется тебе! А мне ничего не надо: я пожую булочки, дорогая Герцогиня».

Герцогиня сразу же села писать ответ.

«Большое спасибо за приглашение, дорогая Мэри! Приду с превеликим удовольствием. Буду в четверть пятого. Но какое удивительное совпадение! Я как раз собиралась пригласить тебя на ужин и тоже приготовить что-нибудь *изысканное*.

Пожалуйста, не беспокойся, я приду вовремя, дорогая Мэри, — писала Герцогиня. А в конце прибавила: — Надеюсь, ты готовишь не мышатину?»

Поразмыслив, она решила, что так писать невежливо. Тогда она зачеркнула «мышатину» и сверху надписала другие слова. У неё получилось: «Надеюсь, что угощение будет замечательное». Письмо она отдала почтальону.

Но мысли о пироге, который собиралась испечь Мэри, не давали ей покоя. Снова и снова она перечитывала письмо подруги.

— Всё-таки я боюсь, что у неё *будет* мышатина! — пробормотала Герцогиня. — Мышиные пироги — *не переносу*. А что делать? Придётся съесть кусок-другой, раз позвали. Я-то собиралась испечь пирог с телятиной и ветчиной. Постой-ка, постой-ка... Ну конечно! Бело-розовое блюдо для пирога, у меня — такое же! Мы их купили в одном магазине. У мисс Терезы Коттер.

Герцогиня пошла в кладовую, достала свой пирог с полки и оглядела его.

— Тесто уже подошло. Остается только поставить пирог в духовку. А корочка будет — объеденье! Я подложила под низ жестяную форму для выпечки, чтобы тесто не расползлось. А посередине пирога проделала вилкой дырочки, чтобы выходил пар. Как бы я хотела съесть свой пирог, а не тот — с мышатиной!

Так рассуждала Герцогиня, в который раз перечитывая полученное письмо.

— «Блюдо для пирогов с розовой каймой... И *весь* достанется тебе!». Значит, Мэри даже не попробует свой пирог... Ах, это блюдо с розовой каймой! И конечно же, Мэри должна выйти за булочками... Да! Отличная мысль! Пока Мэри будет ходить за булочками, я сбегая за своим пирогом и поставлю его к ней в духовку.

Герцогиня обрадовалась своей находчивости.

Тем временем Мэри получила ответ Герцогини. Удостоверившись, что собачка придет на чай, она засунула в духовку свой пирог с мышатиной. Духовок было две — они располагались одна над другой. Мэри выбрала для выпечки нижнюю, хотя её дверца открывалась с трудом.

— Верхняя печёт слишком сильно, — бормотала Мэри. — А начинка в пироге из нежнейшей мышатины и копчёной свиной грудинки. Я даже все косточки вынула: в прошлый раз у меня за обедом Герцогиня подавалась рыбной костью и чуть не задохнулась. Пожалуй, слишком торопливо ест... Чрезмерно набивает рот. Впрочем, очень воспитанная и со вкусом одетая собачка. Принимать её гораздо приятней, чем мою кузину, Терезу Коттер.

Мэри подбросила в печь угля и подмела каминную плиту. Потом взяла бидон и вышла к роднику за водой.

Вернувшись, хозяйка принялась за уборку в комнате — та служила и кухней, и гостиной. Мэри вытрясла на улице ковры и аккуратно расстелила их на полу; коврик перед камином был сшит из кроличьих шкурок. Она смахнула пыль с каминных часов, протёрла столы и стулья.

Затем Мэри расстелила ослепительно-белую скатерть и достала свой парадный чайный сервиз — он хранился в стенном буфете слева от очага. Чашки были белые с розовыми цветами, а обеденные тарелки — с голубым узором.

Накрыв на стол, Мэри взяла кувшин и белую с голубым тарелку и отправилась через поле на ферму за молоком и маслом.

Вернувшись, она заглянула в нижнюю духовку — пирогу в ней было тепло и уютно.

Мэри накинула шаль, надела шляпку и снова вышла, на этот раз с корзинкой. Она поспешила в деревенский магазин: купить пачку чая, фунт кускового сахара и банку мармелада.

В это же самое время из своего дома на другом конце деревни вышла Герцогиня.

Подруги встретились на полпути к магазину. Герцогиня тоже несла корзину, накрытую салфеткой. Они только кивнули друг другу: ещё наговорятся за чаем.

Как только Герцогиня повернула за угол и подруга не могла её больше видеть, собачка бросилась бежать напрямик к кошкиному дому.

Мэри тем временем зашла в магазин, купила всё, что нужно, мило поболтала с кузиной Терезой Коттер и вскоре вышла. А Тереза Коттер очень рассердилась. Она потом часто вспоминала об этом случае и недовольно ворчала:

— Нашла кого приглашать! Собаку! Как будто в округе нет кошек! А к чаю ещё и *пирог*! С ума сойти!

А Мэри отправилась к булочнику Тимоти за булочками. Сделав покупки, она вернулась домой.

Когда Мэри открыла дверь, ей послышались какой-то шорох и фырчанье со стороны задней двери, выходящей во двор.

— Надеюсь, что это не пирог, — сказала Мэри. — Впрочем, серебряные ложки я заперла в буфете.

К счастью, воров не оказалось. Мэри не без труда открыла нижнюю духовку и взглянула на пирог. От него вкусно пахло печёной мышью.

А тем временем Герцогиня незаметно выскользнула через заднюю дверь.

«Как странно, что пирога Мэри в духовке *не было*, когда я ставила в неё свой! И нигде я его не нашла. Ну да ладно. Зато *мой пирог* теперь сидит в уютной верхней духовочке. Как много у этой печи всяких ручек, но, кроме верхней, ни одна не поворачивается. Наверно, они просто для красоты, — размышляла Герцогиня. — И всё-таки не пойму, куда она дела свой пирог с мышатиной. Надо было найти его... Но Мэри так некстати вернулась...»

Дома Герцогиня долго расчёсывала перед зеркалом свою прекрасную чёрную шёрстку. Потом она нарвала в саду цветов для Мэри. До четырёх часов ещё оставалось достаточно времени.

А Мэри у себя дома оглядела все углы и, не найдя никого ни в кладовке, ни в шкафу, отправилась наверх переодеваться.

Она надела лиловое шёлковое платье, вышитый муслиновый фартук и чепчик.

— Как странно, — пробормотала Мэри, глядя на комод. — Этот ящик почему-то выдвинут. Кому надо было примерять мои перчатки?

Она снова спустилась вниз, заварила чай и поставила чайник на горячую каминную полку. Потом опять заглянула в нижнюю духовку — пирог покрылся аппетитной золотистой корочкой, и от него так и шёл жар.

В ожидании гости Мэри присела у огня.

— Хорошо, что я выбрала *нижнюю* духовку, — размышляла она, — а то верхняя сильно печёт. Но почему же дверца буфета открыта? Может, и правда в доме кто-то был?

Герцогиня вышла из дома ровно в четыре часа. Она пробежала через всю деревню так быстро, что прибыла слишком рано, и ей пришлось немного подождать на дорожке к кошачьему дому.

— Интересно, вынула уже Мэри мой пирог из духовки? — беспокоилась Герцогиня. — И что же случилось с другим пирогом, мышиным?

Ровно в четверть пятого, минута в минуту, раздался деликатный стук в дверь:

— Простите, мадам дома?

— Ах, как я рада! Заходи, дорогая Герцогиня! — воскликнула Мэри. — Как здоровье?

— Вполне-вполне, спасибо, а как *твоё*, дорогая Мэри? — спросила Герцогиня. — Я принесла тебе цветы. Как вкусно пахнет!

— Какие чудесные цветы! Да, это пирог с начинкой из мышатины и грудинки.

— Давай не будем говорить о еде, дорогая Мэри, — сказала Герцогиня. — Какая прелестная скатерть!.. А он не подгорит? Он всё ещё в духовке?

— Ещё минут пять, — сказала Мэри, — ещё чуточку. А пока я разолью чай. Ты пьёшь с сахаром, дорогая Герцогиня?

— Да, спасибо, дорогая Мэри. Ты можешь положить мне кусочек на нос?

— С удовольствием, дорогая Герцогиня. Как прекрасно ты служишь! Как изумительно у тебя получается!

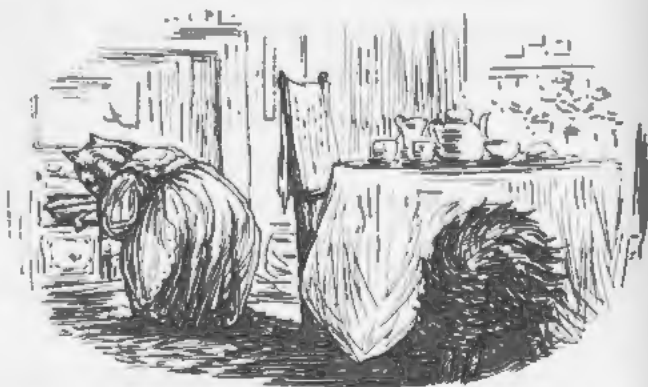
Герцогиня сидела с сахаром на носу и шумно втягивала носом воздух.

— Какой восхитительный запах! До чего люблю пироги с телятиной и ветчиной... то есть с мышатиной и грудинкой.

Смутившись, Герцогиня уронила сахар и полезла за ним под чайный столик. Поэтому она не видела, из какой духовки кошка достала пирог.

Мэри поставила пирог на стол — пахло очень вкусно.

Наконец Герцогиня отыскала свой сахар, выбралась из-под стола и уселась на стул.

— Сейчас нарежу для тебя пирог. А я съем булочку с мармеладом, — сказала Мэри.

— Ты в самом деле будешь только булочку? Осторожно, в пироге форма!

— Что ты сказала?

— Позволь передать тебе мармелад? — поспешно сказала Герцогиня.

Пирог и в самом деле оказался замечательный, и булочки были мягкие и горячие. Угощение быстро исчезало со стола, особенно куски пирога!

«Я думаю, — размышляла Герцогиня, — я думаю, что поступлю мудро, если буду брать пирог сама. Хотя Мэри, кажется, ничего не заметила, когда его резала. А начинка-то как хороша! Но мясо я так мелко не крошила — наверное, ужарилось. Видно, кошкина духовка печёт очень сильно».

«Как быстро Герцогиня уплетает пирог!» — думала Мэри, намазывая маслом пятую булочку.

Блюдо с пирогом быстро пустело! Герцогиня взяла сама и съела четыре куса и теперь, вооружившись ложкой, несколько раз зачем-то ткнула ею в блюдо.

— Может, ещё грудиночки, дорогая Герцогиня? — предложила Мэри.

— Спасибо, дорогая. Я только хотела проверить, где форма.

— Какая форма?

— Ну форма, чтобы тесто не расплзлось, — ответила Герцогиня и покраснела под покровом густой шерсти.

— Да нет там никакой формы, дорогая Герцогиня, — сказала Мэри. — Пирог с мышатиной всегда выпекают без формы.

Герцогиня, не слыша её, продолжала тыкать ложкой в блюдо.

— Никак не найду! — озадаченно сказала она.

— Да нет её там, — с недоумением возразила Мэри.

— Но, дорогая Мэри, куда же она тогда делась? — настаивала Герцогиня.

— Её нет и не было, дорогая Герцогиня. Я никогда не была сторонницей жестяных приспособлений в пудингах и пирогах. Это крайне нежелательно, — сказала она и тихо добавила: — Особенно когда гость запихивает в рот большие куски.

В тревоге Герцогиня продолжала исследовать блюдо.

— Сестра моего дедушки, её звали Сквинтина, она же бабушка ~~кузины~~ Терезы Коттер, умерла, подавившись напёрстком, запечённым в рождественском сливовом пудинге. Поэтому в свои пироги и пудинги я никогда не кладу ничего железного.

Герцогиня тем временем приподняла край пирога, заглянула под него и в недоумении посмотрела на хозяйку.

— У меня только четыре формы, и все они в буфете, — заметила Мэри.

Герцогиня жалобно заскулила:

— Ах, я умираю! Умираю!

Я проглотила форму! Ах, дорогая Мэри, мне так плохо!

— Это невозможно, дорогая Герцогиня. Никакой формы не было.

Герцогиня, словно не слыша её, продолжала стонать и скулить, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Мне так плохо, я проглотила форму!

— Да не было *ничего* в пироге, — уже строго сказала Мэри.

— Нет, *было*, дорогая Мэри. Я проглотила её, я уверена!

— Дай я подложу тебе подушку, дорогая Герцогиня. Ну, хорошо, если ты её проглотила, где она сейчас, в горле или в животе? Где она тебе мешает?

— Везде, дорогая Мэри. Эта гигантская форма всё нутро мне исколола своими острыми краями.

— Не сбегать ли за лекарем? Вот только ложки спрячу!

— Да-да! За доктором Сорокки: он знает сорок лекарств от всех болезней.

Мэри усадила Герцогиню в кресло у огня и опрометью бросилась в деревню за лекарем.

Она нашла доктора Сорокки в кузнице. Он складывал ржавые гвозди в пузырёк от чернил, который позаимствовал на почте. Гвозди он успешно применял при лечении некоторых недугов.

— Ветчина? Да-да! — сразу сказал лекарь, склонив голову набок.

Мэри объяснила ему, что её гостя по неосторожности проглотила форму для выпечки.

— Кошматина-поросятин! — воскликнул доктор Сорокки и решительно направился к кошкиному дому. Подпрыгивая, он передвигался так быстро, что Мэри едва поспевала за ним.

Вся деревня видела, что Мэри ведёт домой лекаря. А в деревне новости распространяются очень быстро.

— Ясно, объелись — я знала это заранее! — не преминула заметить Тереза Коттер.

Пока Мэри ходила за лекарем, несчастная Герцогиня сидела у камина, скуля и постанывая.

— Как же я её проглотила? Ведь она довольно большая!

Герцогиня встала, подошла к столу и опять поскребла блюдо ложкой.

— Нет, формы нет, а ведь я её положила... И никто, кроме меня, пирог не ел. Значит, всё-таки я её проглотила!

Она опять села и грустно уставилась на каминную решётку.

Плясали языки пламени, потрескивали дрова и что-то шипело... Герцогиня вскочила, бросилась к печи и решительно открыла *верхнюю* духовку — ей сразу ударил в нос вкусный запах ветчины и телятины.

В верхней духовке сидел великолепный пирог с румяной корочкой, а в середине пирога, в небольшом углублении, виднелась жестяная форма.

Герцогиня застонала.

— Значит, я ела мышатину!.. Теперь понятно, почему мне так плохо... Но если бы я проглотила форму, было бы ещё хуже! Может, рассказать Мэри всю правду? Нет, неловко... Неудобно. Отнесу-ка я *свой* пирог на задний двор и ничего ей не скажу. А на обратном пути прихватчу его с собой.

Герцогиня поспешно схватила пирог, вынесла его на задний двор, вернулась и, закрыв глаза, уселась опять у камина.

Когда Мэри явилась с лекарем, им показалось, что Герцогиня спит. Поэтому доктор Сороки громко спросил:

— Ветчина? Ветчина? Нет-нет? Да-да?

— Мне намного лучше, — ответила Герцогиня и открыла глаза.

— Ах, как я рада! Доктор Сороки принёс тебе пилюлю, дорогая Герцогиня!

— Спасибо, не надо, пусть доктор только пощупает пульс, — проговорила Герцогиня, отстраняясь от него. А тот решительно надвигался на неё, держа что-то в клюве.

— Это просто хлебная пилюля, её лучше принять с молоком, дорогая Герцогиня!

— Ветчина? Ветчина? — допытывался доктор Сорокки у закашлявшейся собачки.

— Замолчите! — воскликнула Мэри, потеряв терпение. — Вот вам хлеб с джемом и подите в сад!

— Кошматина-поросятина! — весело крикнул из сада доктор Сорокки.

— Мне намного лучше, дорогая Мэри, — снова сказала Герцогиня. — Я, пожалуй, пойду домой, пока не стемнело, ты не возражаешь?

— Наверно, это будет разумно, дорогая Герцогиня. Накинь мою тёплую шаль и дай мне руку.

— Пожалуйста, не провожай меня. Не надо беспокоиться, я чувствую себя почти хорошо. Пилюля доктора Сорокки...

— И в самом деле излечила от формы! Я зайду завтра утром справиться о твоём здоровье.

Мэри с Герцогиней сердечно распрощались, и Герцогиня отправилась домой. Но, пройдя несколько шагов, она остановилась и оглянулась: Мэри на пороге не было, и дверь была закрыта. Герцогиня проскользнула под забором, обежала вокруг кошкиного дома и из-за угла высунула нос во двор.

На крыше свинарника сидели три галки, а с ними и доктор Сорокки. Галки клевали корочку, а доктор Сорокки уплетал начинку прямо из формы.

— Ветчина, да-да! — крикнул он, заметив торчащий из-за угла чёрный нос Герцогини.

Герцогиня ничего не сказала и стремглав бросилась домой.

Когда Мэри вышла с ведром за водой для мытья посуды, она нашла посреди двора осколки блюда с розовой каймой. У колонки валялась жестяная форма для пирога — туда её предусмотрительно положил доктор Сороки.

Мэри была ошеломлена:

— Откуда же она здесь взялась? Значит, форма всё-таки была... Но *мои-то* все лежат дома, в буфете. Нет, случайно я не могла... В следующий раз, пожалуй, я приглашу на чай мою кузину Терезу Коттер!

Сказка
про мистера
Мак-Квакила

1906

Посвящается моей кузине Стефани.

Жил-был лягушонок. Звали его мистер Нил Мак-Квакил.

Он жил среди лютиков у самого пруда, в маленьком сыром домике.

В коридоре и кладовке на полу всегда стояла вода. Но мистеру Мак-Квакилу нравилось мочить ноги: никто ведь его не бранил и он никогда не простужался!

Как-то раз выглянул он в дверь и обрадовался: шлёп-шлёп — по пруду скакали огромные дождевые капли.

— Накопаю-ка червяков и пойду ловить пескарей на обед, — сказал мистер Мак-Квакил — Поймаю штук шесть, приглашу к обеду друзей: сэра Исаака Ньютона — тритона — и магистра Птолемея Черепаху. Магистр, однако, предпочитает зелёный салат.

Мистер Мак-Квакил надел макинтош, обул блестящие галоши, взял удочку, корзину и большими скачками запрыгал к лодке.

Лодка была круглая и зелёная, точь-в-точь лист кувшинки. Она была привязана к водяной лилии на середине пруда.

Мистер Мак-Квакил взял тростинку — она служила ему шестом — и вытолкнул лодку в открытые воды.

— Я знаю место, где много пескостей, — сказал он.

Отплыв немного, мистер Мак-Квакил воткнул шест в илистое дно и привязал к нему лодку.

Потом он сел, скрестил ноги и приготовил рыбачьи снасти. У него был замечательный красный поплавок, удочка из прочного травяного стебля, а леской служил белый конский волосок. К его концу он прицепил вертячего червяка.

Целый час сидел мистер Мак-Квакил, уставясь на поплавок. Дождик лил ему за шиворот.

— Что-то я притомился, — сказал он. — Самое время позавтракать.

Мистер Мак-Квакил снова взялся за шест из тростинки и, немного отплыв, спрятался от дождя под широким листом. Потом вынул из корзины припасы.

— Съем сандвич с бабочками, а там, глядишь, и кончится ливень, — сказал мистер Мак-Квакил.

Огромный водяной жук подплыл к кувшинке и уцепился за носок галоши. Мистер Мак-Квакил подтянул ноги повыше, чтобы из воды их было не достать, и снова принялся за сэндвич.

Вдруг послышался всплеск, и что-то прошуршало в тростнике.

— Как бы не крыса, — сказал мистер Мак-Квакил. — Самое время плыть отсюда.

Он снова отплыл на середину пруда и закинул удочку. Сразу же поплавок сильно дёрнулся — кто-то схватил наживку.

— Пескарь! Пескарь! Попался! — воскликнул мистер Мак-Квакил и резко дёрнул удилище.

Какой ужас! Вместо гладкого, толстого пескаря мистер Мак-Квакил вытащил Шипа Коллинза, трёхиглую колюшку с острыми шипами на спине и груди.

Шип Коллинз стал биться в лодке, покусал и исколол мистера Мак-Квакила.

Он кусался и кололся, пока ему не надоело. А когда надоело — взял и выпрыгнул в воду.

Несколько мелких рыбёшек высунулись из воды и стали смеяться над мистером Мак-Квакилом.

Расстроенный мистер Мак-Квакил сидел на краю лодки, зализывая исколотые пальцы и с тревогой вглядываясь в воду. И тут случилось кое-что похуже. А оказался он без макинтоша, не миновать ему *страшной беды!*

Из воды показалась огромная форель, широко разинула пасть и утащила мистера Мак-Квакила на дно!

Но макинтош был такой невкусный, что не прошло и секунды, как форель выплюнула мистера Мак-Квакила. Зато она проглотила обе блестящие галоши.

Мистер Мак-Квакил пулей вылетел на поверхность и быстро-быстро направился к берегу. Он выкарабкался на сушу и, чуть сожалея об испорченном макинтоше, запрыгал домой.

— Какое счастье, что это была не щука! — сказал мистер Мак-Квакил. —

Больше я ни за что не пойду на рыбалку. К тому же удочка и корзина всё равно пропали.

Он заклеил пластырем пальцы и стал поджидать друзей. Правда, обещанной рыбы не было, зато в кладовке удалось найти кое-что другое.

Тритон — сэр Исаак Ньютон — явился к обеду в новых панталонах и чёрном с золотом жилете.

Магистр Птолемей Черепаха принёс в сетке зелёный салат.

И вместо свежих пескарей на обед был подан
печёный кузнечик под соусом из божьих коровок.

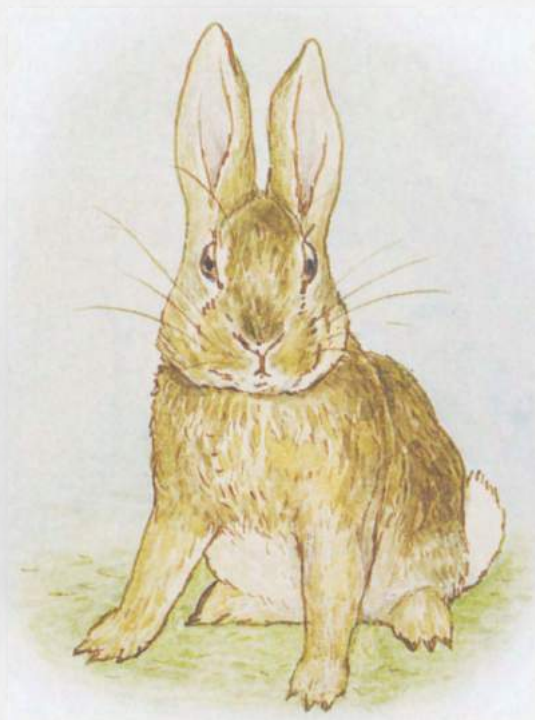
Для лягушек нет ничего вкуснее. А по-моему —
гадость!

Сказка
про злого-презлого
кролика

1906

Написано для маленькой Луи,
дочери Гарольда Уорнера.

Это — злой-презлой кролик.
Ух, какие у него страшные усищи!
И длинные-предлинные когти...
А как свирепо торчит хвост!

А вот — хороший кролик. Он
грызёт морковку: её дала ему
мама-крольчиха.

Но злой-презлой кролик
тоже хочет морковку.

Он не говорит: «Дай, пожалуйста». Он бросается на хорошего кролика и отнимает у него морковку.

Хорошему кролику больно —
его укусил злой и ужасный зверь.

Хороший кролик уползает
к себе в норку. Ему обидно и
грустно.

Тут появляется человек с ру-
жьём. Это охотник.

Охотник смотрит и видит: кто-то сидит на скамейке. Он думает: «Что за смешная птица?»

Он подкрадывается ближе...

И стреляет — ба-бах!

И случается вот что...

Охотник подбегает к скамейке, а на ней — лишь морковка да кроличий хвост...

А хороший кролик выглядывает из норки.

Мимо — без хвоста и без усов — проносится злой-презлой кролик!

Сказка
про
мисс Пусси

1906

Для моих самых маленьких читателей.

Это мисс Пусси, дочка миссис Терезы Коттер. Она насторожилась: не шуршит ли мышь?

И правда, из-за шкафа выглядывает мышонок и дразнит мисс Пусси. Он хихикает. Мышонок ничуть не боится котёнка.

Мисс Пусси бросается на мышонка, но налетает на шкаф. Она ударилась, и ей очень больно. А мышонок убежал.

«Какой твёрдый шкаф!» — думает мисс Пусси.

А мышонок сидит на шкафу и смотрит сверху на мисс Пусси.

Мисс Пусси повязывает голову платком и усаживается у камина.

Мышонок думает, что она заболела, и спускается по шнурку от звонка.

Кажется, ей становится всё хуже и хуже.

Мышонок подходит ближе и ближе...

Мисс Пусси держится лапками за голову и смотрит на мышонка сквозь дырку в платке. Мышонок думает: «Ей совсем плохо». Он подходит ещё ближе...

И вдруг мисс Пусси бросается на мышонка!

Мисс Пусси хочет проучить мышонка: не смей дразнить котят!

Она завязывает его в платок и играет с ним, как с мячом.

Но она забыла про дырку в платке. Мисс Пусси развязывает платок, а мышонка там нет!

Он убежал и весело-весело
отплясывает джигу высоко на шкафу!

Сказка
про
котёнка Тома

1907

Посвящается всем проказникам — особенно тем,
которые залезают на ограду моего сада.

Жили-были три котёнка — Джесси, Пусси и Том. День-деньской они весело носились по дому, собирая пыль по углам.

Однажды их мама, миссис Тереза Коттер, пригласила друзей к чаю. По этому случаю она решила вымыть котят и принарядить.

Миссис Коттер взяла таз, губку, поставила Пусси на стул и намылила ей мордочку. Братик и сестричка терпеливо ждали своей очереди.

Когда дети были вымыты и насухо вытерты, миссис Коттер взяла щётку и стала расчёсывать им шерстку. Первой была Джесси, затем — остальные.

Потом она взяла гребешок и привела в порядок хвосты и усики. Пусси и Джесси вели себя хорошо, а Том капризничал и царапался.

Миссис Коттер одела Пусси и Джесси в чистые платица с красивыми воротниками. Потом порылась в комодѣ и достала нарядный, но очень неудобный костюм — для Тома.

Том был толстым котёнком, да ещё и вырос за последнее время. И только он натянул свой синий костюмчик, как три пуговицы отскочили. Но мама сразу пришила их на место.

Нарядив котят, миссис Коттер неосмотрительно отпустила их погулять в саду.

— Не путайтесь под ногами, — сказала она, — я буду готовить горячие тосты. И смотрите не перепачкайтесь. Ходите только на задних лапках. Держитесь подальше от мусорной ямы, от свинарника, от Энни-Пенни и от Кряквудов.

Пусси и Джесси пошли по садовой тропинке, нетвёрдо держась на задних лапках. Вскоре обе запутались в собственных платьях и шлёпнулись на землю.

А когда поднялись, оказалось, что платья украсились зелёными пятнами!

— Давай залезем на стену и посидим там на солнышке, — предложила Пусси.

У стены, окружавшей сад, была устроена декоративная горка из камней. Вокруг камней росли цветы и папоротник.

Джесси и Пусси перевернули свои платья задом наперёд, чтобы не мешали, и стали прыгать с камня на камень. Когда Пусси забралась по каменной горке на стену, с её платья слетел воротник и мягко опустился на дорогу за садом.

Котёнок Том никак не мог запрыгнуть на стену, да и как — если ходить в брюках и притом на одних задних лапках! Он стал постепенно пробираться вверх по камням, ломая папоротник. Одна за другой от костюма отскакивали пуговицы и исчезали между камней.

Когда Том наконец добрался до самого верха, он уже не был таким нарядным, как раньше. Напрасно Джесси и Пусси хлопотали над его костюмом — все пуговицы остались на каменной горке, и ветер унёс его шляпу.

Пока сестрички пытались привести в порядок одежду Тома, на главной улице — плаух-плаух, шлёп-шлёп! — появились утки. Это были Кряквуды. Они шли гусиным шагом: плаух-плаух, шлёп-шлёп! Плаух-плаух, шлёп-шлёп!

Они остановились и удивлёнными крохотными глазками оглядели котят.

Каролина Кряквуд подобрала с земли шляпу Тома и примерила.

— Ну как? — спросила она.

— Красота! — ответила Клара Кряквуд и нацепила на себя воротничок Пусси.

Джесси так расхохоталась, что свалилась с ограды. За ней спустились и Пусси с Томом. При этом с сестричек сползли платья, а с Тома — истерзанный костюм.

Бочком-бочком селезень приблизился и подобрал с земли все одежки. Однако мистер Лезли Кряквуд всё натянул на себя! Костюм на нём сидел ещё хуже, чем на Томе.

— Ах, какой прекрасный день! — воскликнул мистер Лезли Кряквуд.

— Мистер Лезли Кряквуд, идите сюда! — позвала Пусси. — Помогите нам одеть Тома! И застегнуть пуговицы!

И все трое гуськом, мистер Кряквуд, а за ним Клара и Каролина, зашагали прочь по дороге: плюх-плюх, шлёп-шлёп! Плюх-плюх, шлёп-шлёп!

Когда миссис Тереза Коттер вышла в сад, она увидела на ограде своих котят — весёлых и без всякой одежды. Она стащила их вниз, отшлёпала и привела обратно в дом.

— На кого вы похожи? Вот-вот придут гости! Какой стыд! — отчитывала их миссис Тереза Коттер. — Ступайте наверх и не показывайтесь. А гостям я скажу, что у вас корь и вам надо лежать в постели.

Котята, однако, не желали лежать в постели! Куда там!

Пока гости чинно пили чай, из детской, сверху, доносились пронзительные, возмутительные звуки — котята весело резвились.

Когда-нибудь я напишу ещё одну — большую сказку про котёнка Тома!

С тех пор Кряквуды всё плавают, плавают — никак не найдут пропавшие наряды.

А Кряквуды пошли плавать на пруд. В воде они сразу растеряли все одёжки — пуговиц-то не было!

Сказка
про
Клару Кряквуд

1908

Посвящается Ральфу и Бетси.

Жила-была утка, и звали её Клара Кряквуд. Она очень огорчалась, что ей никак не удаётся высидеть утят: жена фермера забирала у неё яйца все до одного.

Золовка Клары, миссис Каролина Кряквуд, наоборот, мечтала, чтобы её малышей высиживала какая-нибудь другая наседка.

— Никакого терпения не хватит просидеть на одном месте двадцать восемь дней кряду ни у меня, ни у тебя, Клара. Отойдёшь на минутку — яйца уже остыли! Сама знаешь, как это бывает!

— А я хочу завести утят и высижу их! — прокрикала Клара.

Она пробовала прятать яйца, но тщетно: жена фермера непременно их находила.

Отчаявшись, Клара Кряквуд решила устроить гнездо где-нибудь подальше от фермы.

Однажды, в погожий весенний день, надев капор и накинув шаль, она вышла за ворота фермы и зашагала по просёлку. Она шла и шла, пока не поднялась на вершину холма.

Вдали показался лес. Клара подумала, что лес для гнезда самое подходящее место: там тихо и безопасно.

Она разбежалась под горку и подпрыгнула. Летать для неё было не слишком привычно, но, если удавалось взлететь с разбега, летала она не хуже других птиц.

Клара скользила над верхушками деревьев, пока посреди леса не увидела поляну, где кустарник и сосны были вырублены.

Она неуклюже приземлилась, и, переваливаясь с боку на бок, принялась искать сухое место для гнезда.

Ей приглянулся пенёк, вокруг которого росло множество рыжих лисичек.

Однако, к её удивлению, на пеньке сидел элегантно одетый джентльмен и читал газету. У него были чёрные острые уши и рыжие бакенбарды.

— Кря? — обратилась к джентльмену Клара. — Кря?

Джентльмен оторвался от газеты и с интересом поглядел на Клару.

— Мадам, вы заблудились? — спросил он.

Пень был сырой, поэтому джентльмен подложил под себя свой длинный пушистый хвост.

Джентльмен показался ей очень любезным и приятным. Она объяснила, что не заблудилась, а ищет подходящее место для гнезда.

— В самом деле? — воскликнул джентльмен с рыжими бакенбардами, с ещё большим интересом глядя на Клару. Он сложил газету и сунул её в боковой карман.

Клара стала жаловаться на легкомысленную золовку.

— Подумать только! Бывают же такие! Мне бы встретиться с этой птицей... Я бы отучил её совать нос в чужие дела!.. Что до гнезда, нет ничего проще. В моём деревянном сарае куча перьев. Нет, уважаемая мадам, вы никому не будете мешать. Сидите там сколько хотите, — сказал джентльмен с длинным пушистым хвостом.

Он проводил Клару к уединённому мрачноватому домику из хвороста и торфа. На крыше вместо трубы торчали два прохудившихся ведра, вставленных одно в другое. Вокруг было много грибов, а больше всего — лисичек.

— Это моя летняя обитель. Здесь вам будет намного удобнее, чем у меня в норе... Я так в шутку называю свой зимний дом, — пояснил гостеприимный джентльмен.

Позади домика стоял ветхий сарай из старых ящиков от мыла. Джентльмен открыл дверь, и Клара вошла внутрь.

Она удивилась, увидев огромные кучи перьев. Из-за них в сарае было душно, но зато уютно и очень мягко. Клара без особого труда устроила гнездо.

Когда она вышла из сарая, джентльмен с рыжими бакенбардами сидел на бревне, погрузившись в чтение. На самом деле он держал газету не читая и глядел на Клару поверх листа.

Его любезности не было предела. Он словно даже сожалел о том, что сегодня Клара будет ночевать дома. И обещал присматривать за гнездом до утра, пока она не придёт.

Джентльмен добавил, что любит и яйца, и утят и будет счастлив видеть в своём дровяном сарае славный утиный выводок.

— Дети — наша надежда, — сказал он.

Клара Кряквуд приходила теперь каждый день. Она отложила в гнездо девять яиц. Они были зеленовато-белые и очень большие. Обаятельный джентльмен не мог глаз от них оторвать. В отсутствие Клары он то и дело перекладывал их и пересчитывал.

Наконец Клара объявила, что завтра усаживается на яйца.

— Возьму зерна в мешочке. Проголодаюсь — поклюю. Ни на минуту не оставляю утят! А то ещё простудятся! — сказала будущая мать.

— Мадам, прошу вас, ничего не берите, у меня полно овса. Да, вам предстоит нелёгкое дело, высиживание утят... Но прежде я хочу пригласить вас на обед. Давайте приготовим что-нибудь вкусное! Не затруднит вас принести с фермы немного зелени для праздничного омлета? Шалфея, тмина, мяты, несколько веточек петрушки и пару луковиц. А у меня найдётся сало и утятница... то есть сковорода, особая сковорода для омлетов, — поправился гостеприимный джентльмен с рыжими бакенбардами.

Клара Кряквуд была простодушна — не встревожилась она ни из-за петрушки, ни из-за утятницы.

И она набрала в огороде зелени, которой обычно приправляют жареных уток.

Переваливаясь с боку на бок, Клара зашла на кухню и взяла из корзины две луковицы. У дверей она столкнулась с Фредом — шотландской овчаркой:

— Зачем тебе понадобился лук, Клара Кряквуд? И вообще, где ты целыми днями пропадаешь?

Клара боялась Фреда и поэтому всё рассказала.

Фред слушал, наклонив умную голову. А когда Клара стала описывать любезного джентльмена с рыжими бакенбардами, он рассмеялся.

Фред поинтересовался, в какой стороне лес и где домик с сараем.

Потом Фред побежал в деревню. Он хотел разыскать двух гончих щенков — молодых охотников на лис. Щенков он нашёл не сразу. Они ушли на прогулку со своим хозяином, деревенским мясником.

Стоял солнечный день, когда Клара Кряквуд в последний раз отправилась в дорогу. Ей было довольно тяжело тащить мешок с травами и луком.

Она перелетела через лес и опустилась перед домом джентльмена с длинным пушистым хвостом.

Он сидел на бревне, нюхая воздух и беспокойно озираясь. Как только Клара коснулась земли, он сразу же вскочил.

— Поглядите на ваши яйца — и быстро в дом. Дайте мне зелень для омлета. Поторапливайтесь!

Джентльмен говорил очень резко. Раньше он вёл себя по-другому.

Клара смутилась, ей стало не по себе.

Зайдя в сарай, она услышала торопливые шаги снаружи. Кто-то фыркнул, сунул чёрный нос под дверь и запер её на замок.

Тут Клара совсем перепугалась.

А между тем началось что-то ужасное: снаружи кто-то рычал и лаял, выл и визжал.

С тех пор джентльмена с рыжими бакенбардами больше не видели.

Фред отпер дверь и выпустил Клару. А щенки бросились в сарай и проглотили Кларины яйца. К несчастью, Фред не успел остановить их.

У Фреда было прокушено ухо, а оба щенка хромали. Всю дорогу домой Клара Кряквуд проплакала из-за съеденных яиц.

Но в июне она снесла новые, и на этот раз ей разрешили оставить их себе. Вылупилось, однако, только четыре утёнка.

— Это из-за волнений. Сами знаете, сколько мне пришлось пережить, — жаловалась Клара Кряквуд своим знакомым.

Впрочем, она никогда не была хорошей наседкой.

Сказка
про
Криса Усача,
или Рулет-мурлет

1908

В память о Сэме,
смышлёном представителе гонимого
(но неистребимого) племени, ласковом друге
и хитрющем воршике с розовыми глазками.

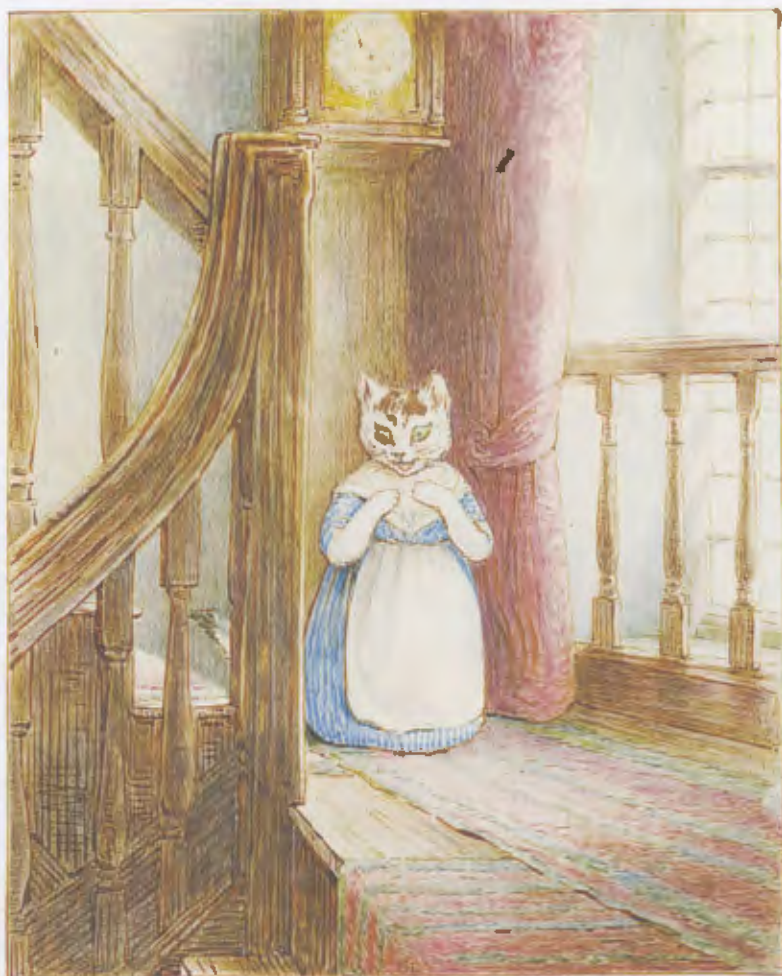
Жила-была старая кошка, и звали её миссис Тереза Коттер. У неё было трое котят — Джесси, Пусси и Том. Котята доставляли ей много хлопот. Они то и дело убегали от мамы и непременно попадали в беду. Тереза совсем не знала покоя.

Как-то раз миссис Коттер затеяла печь пироги, а котят решила запереть в шкафу, чтобы не путались под ногами. Джесси и Пусси попались сразу, а Том куда-то запропастился.

Миссис Коттер обыскала весь дом, заглянула в кладовую и под лестницу, обшарила комнату для гостей, где мебель стояла в чехах, и даже поднялась на чердак.

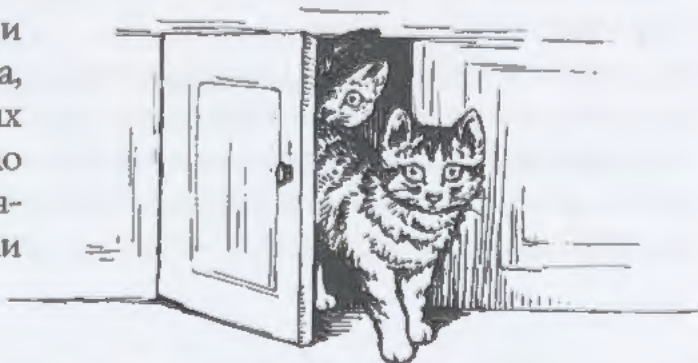
Дом миссис Коттер был старей-престарей, со многими коридорами и закоулками. Повсюду стояли шкафы и комоды. Бывало, из толстых стен раздавались загадочные звуки, словно внутри кто-то бегал по потайным ходам и маленьким лесенкам. А у самого пола кое-где виднелись дыры с неровными краями. Случалось, что по ночам исчезала какая-нибудь снедь, чаще всего — сыр или ветчина.

Не находя Тома, миссис Коттер стала громко мяукать — она не на шутку встревожилась.

Тем временем Джесси и Пусси выбрались из шкафа, который забыла запереть их мать, — направились прямо к миске с тестом и похлопали по нему своими мягкими лапками.

— Не налепить ли нам булочек? — предложила Пусси сестре.

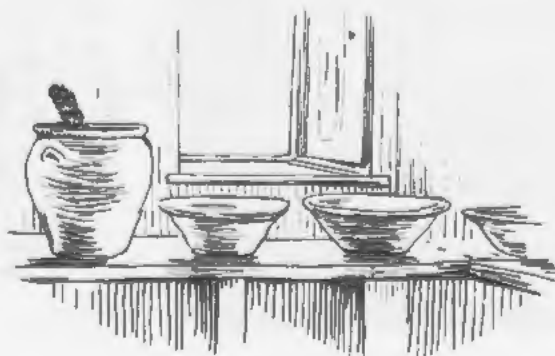

Но тут в дверь постучали, и Пусси со страху нырнула в бочку с мукой, а Джесси убежала в кладовку и спряталась в горшок для молока, что стоял на полке под окном.

Кто же стучал в дверь? Это пришла Мэри — кузина Терезы Коттер. Она хотела попросить дрожжей.

— Заходи, Мэри, присаживайся. У меня беда, — вытирая глаза краем фартука, пожаловалась миссис Коттер. — Пропал мой любимец, Том. Боюсь, как бы его не утащили крысы.

— Тереза, должна тебе сказать, твой Том — большой проказник. В прошлый раз, когда я приходила к вам на чай, он сделал качели из моей лучшей шляпки. Привесил за ленты. Ну да ладно. Ты его искала?

— Весь дом обегала. Как трудно с такими непослушными детьми! А тут ещё крысы! С этими тварями мне не справиться: их слишком много...

— Меня крысы не пугают, я помогу тебе найти маленького проказника и хорошенько его выпороть! Скажи-ка, отчего у очага столько сажки? Как она сюда попала?

— Да, пора прочистить дымоход... — рассеянно ответила Тереза. — Ах, совсем забыла, я же заперла в шкафу Джесси и Пусси. Надо глянуть, как они там... Час от часу не легче — сбежали!

Тереза и Мэри заново принялись обыскивать дом. Они пошарили зонтиком под кроватями, проверили

посудные шкафы и, взяв свечу, заглянули в старый сундук на чердаке. Но никого не нашли, только слышали, как хлопнула дверь и кто-то быстро сбежал по лестнице.

— Я же говорила, здесь полно крыс, — со слезами в голосе сказала миссис Коттер. — Лишь из одной дыры на кухне я выловила семь крысят, и мы съели их в субботу на обед. А как-то раз я видела огромного старого крысача. Я уже было схватила его, но он оскалил жёлтые зубы и удрал в дыру в стене. У меня на крыс не хватает сил, Мэри.

Мэри с Терезой продолжали поиски на чердаке. Вдруг из-под пола донёлся какой-то чудной звук, будто там что-то перекатывается. Они заглянули в щель, но ничего не увидели.

Тогда кошки вернулись на кухню.

Кузины бросились к миске с тестом — и в самом деле, теста стало меньше, и в нём отпечатались крысиные коготки.

— Куда она побежала, Пусси?

— Я не видела. Мне было так страшно, что я только раз выглянула из бочки.

Чтобы не терять малышку из виду, Мэри и Тереза взяли её с собой и снова отправились на поиски котят.

— Ну вот. Хоть одна нашлась, — сказала Мэри, вытаскивая Пусси из бочки.

Она стряхнула муку с маленькой Пусси и опустила её на пол. Пусси дрожала от страха.

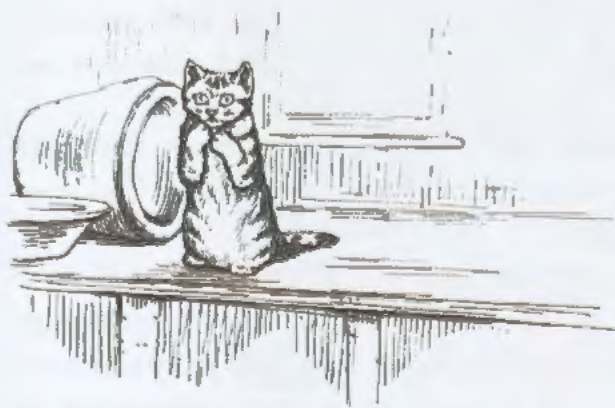
— Мама, мама, — сбивчиво проговорила она, — в кухню забегала старая крыса и украла кусок теста!

В кладовке, где хранился сыр, они отыскиали вторую дочку миссис Коттер — Джесси пряталась под пустым горшком.

— Мама! — воскликнула Джесси. — Сюда сейчас приходил громадный, страшный крысач! Он утащил кусок масла и скалку.

Мэри и Тереза переглянулись.

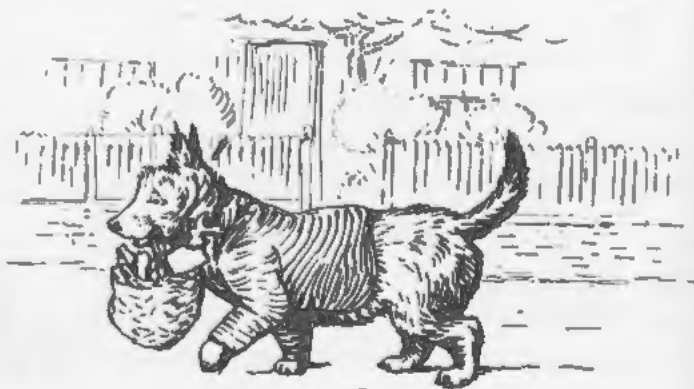
Мэри с Терезой снова бросились на чердак. Они прислушались и верно: под полом что-то катили.

— Скалку и масло! Ах, мой бедный сынок Том! — с горечью воскликнула миссис Коттер.

— Скалку? — задумчиво повторила Мэри. — Помнишь, когда мы открыли сундук на чердаке, то услышали, будто внизу что-то перекатывается?

— Дело нешуточное, Тереза, — сказала Мэри. — Беги скорее за Джоном Пинчером. И пусть возьмёт пилу. Дед и отец Джона — известные крысоловы. У них это в роду.

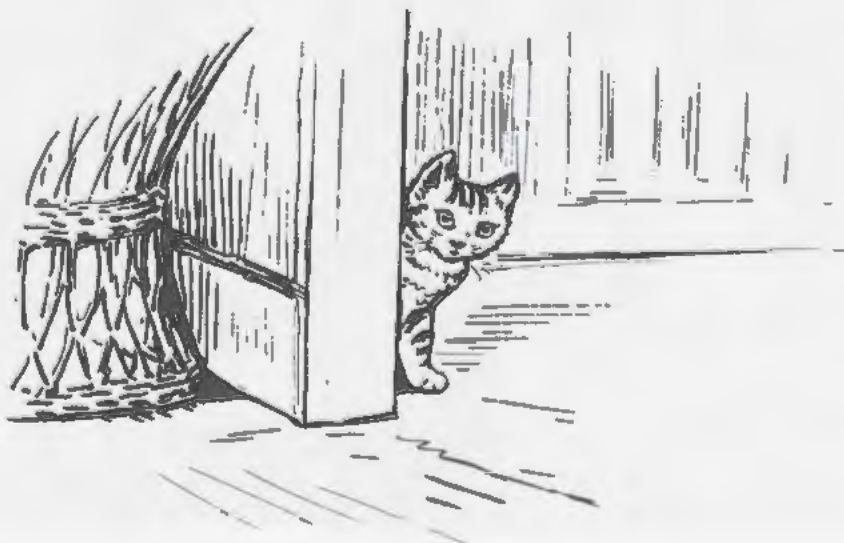
*

А вот что произошло с котёнком Томом. И случай этот наглядно показывает, что, не зная дороги, лазить по дымоходу в старом доме весьма неразумно. Тем более когда вокруг шныряют огромные крысы.

Видя, что мама затеяла печь пироги, Том решил спрятаться. Ему уже не раз случалось быть запертым в шкафу, когда Тереза готовила. Он огляделся в поисках укромного местечка.

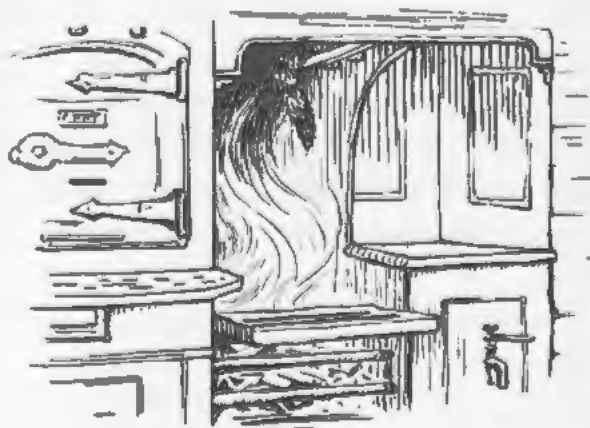
«Спрячусь-ка я в дымоходе», — подумал он.

Огонь только-только развели, и жара ещё не было, над сыроватыми дровами поднимался едкий белый дым. Том залез на приступку и поглядел наверх. Дымоход был широкий — в нём мог поместиться человек, не говоря уже о котёнке!

Недолго думая Том прыгнул на железную перекладину, на которую подвешивают чайник, а потом на кирпичный выступ в дымоходе. При этом на каминную плиту посыпалась сажа.

Между тем дрова начали потрескивать и разгораться. Дым попал Тому в нос, и он закашлялся.

— Обратно через дымоход не выбраться, — размышлял котёнок. — Можно сорваться и упасть прямо в огонь. И хвост обгорит, и курточка. — На Томе была красивая голубая курточка, и он ею очень дорожил. — Лучше уж я выберусь через трубу на крышу и половаю воробьёв.

Труба была высокая — такие ставили ещё в старое время, когда в очагах сжигали поленья.

Она возвышалась над черепичной крышей как каменная башенка, и яркий дневной свет пробивался внутрь через двускатный дымник, который защищал печную трубу от дождя.

Котёнок долго карабкался вверх, но до конца пути ещё было далеко. Он пугался всё сильнее и сильнее!

Том повернул в сторону и оказался в каком-то проходе, стены которого были покрыты толстым слоем жирной сажи.

— Как странно, — пробормотал Том. — Кому придёт в голову грызть кости в дымоходе? И зачем только я сюда полез! Да ещё этот запах! Вроде бы мышинный, но уж очень резкий. Сейчас чихну.

Котёнок так перемазался, что стал похож на маленького трубочиста.

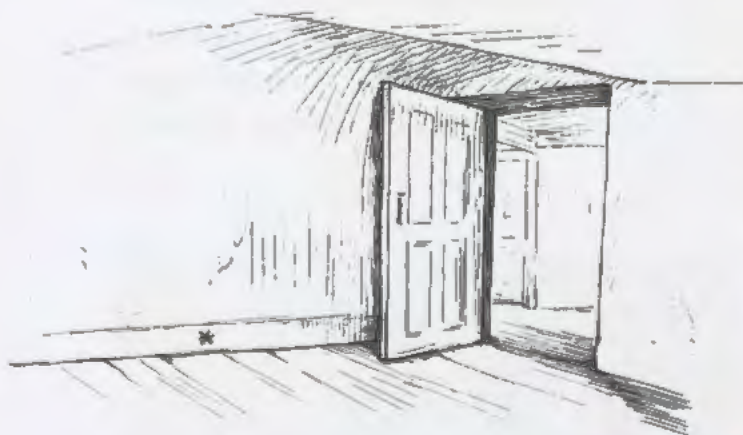
В темноте было трудно что-то понять — казалось, будто узкий боковой проход ведёт в какой-то другой дымоход.

Здесь было меньше дыма, но Том понял, что заблудился.

Он карабкался всё выше и выше; но, так и не добравшись до верха печной трубы, наткнулся на проём в стене — как будто кто-то намеренно сдвинул камень в кладке. Здесь лежали обглоданные бараньи кости.

Том протиснулся в проём и стал с трудом пробираться по тесному лазу, где почти не было света. Он осторожно прополз несколько ярдов — теперь он находился прямо за плинтусом... (Это место отмечено на рисунке звёздочкой.)

То была крохотная затхлая комнатёнка под самыми стропилами, затянутыми паутиной, с дощатым полом и обшарпанными стенами.

И вдруг в кромешной тьме кубарем полетел вниз и плюхнулся на кучу грязного тряпья. Когда Том пришёл в себя и огляделся, то понял, что никогда здесь не бывал, хотя в этом доме прожил всю жизнь.

Напротив него — в двух шагах — сидел огромный крысиный мистер.
— Как понимать? Свалился ко мне в постель да ещё весь в саже? — проскрежетал зубами Крис Усач: так звали крысиного мистера.

— Извините, сэр, — испуганно пробормотал котёнок, — я чистил дымоход.

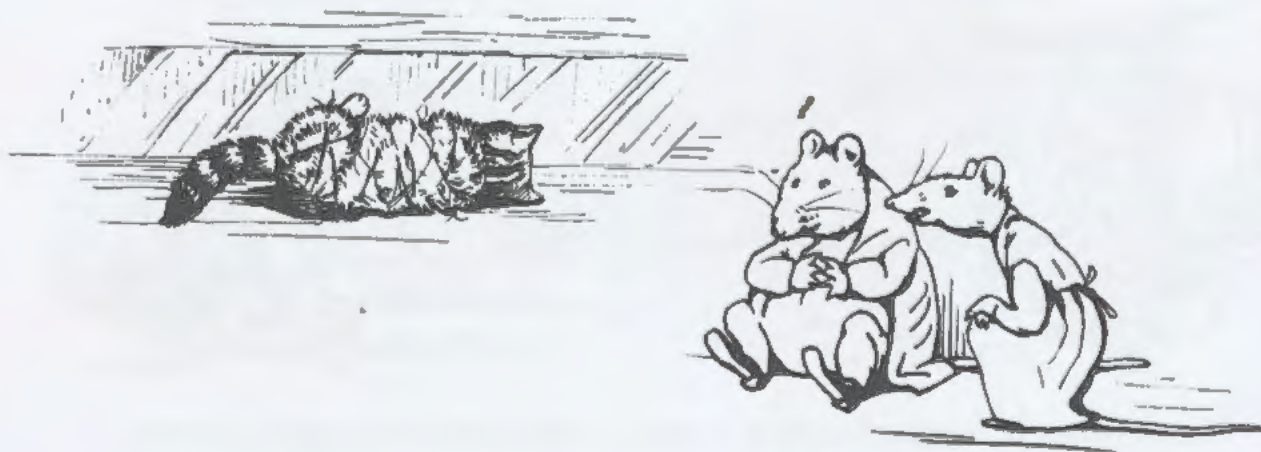
— Анна Мария! Анна Мария! — пронзительно крикнул Крис Усач.

Послышался топот, и пожилая крыса выглянула из-за стропил. Увидев Тома, она сразу же бросилась на него, и не успел котёнок опомниться, как она стащила с него курточку и крепко-накрепко связала верёвкой. Пока Анна Мария возилась с Томом, старый мистер нюхал табак. Потом она присела передохнуть рядом с мужем. Несколько минут они сидели, разинув пасти, шумно дыша и не спуская глаз с Тома.

— Анна Мария, — наконец сказал Крис Усач, — Анна Мария, испеки мне на обед рулет-мурлет с кошатиной.

— Для рулета нужно тесто, масло и скалка, — ответила Анна Мария, склонив голову набок и оценивающе оглядывая Тома.

— Нет, — возразил крысач. — Рулет-мурлет можно испечь из хлебных крошек. Нечего мудрить.

— Чушь! Нужно масло и тесто, — ответила Анна Мария.

Крысы пререкались ещё некоторое время и потом ушли.

Крис Усач пролез через дыру в стене к плинтусу и бесстрашно спустился по парадной лестнице — за маслом. По дороге ему никто не встретился.

Потом он отправился за скалкой. Крысач катил её лапами перед собой, прямо как пивовар пивную бочку. Он слышал голоса Терезы и Мэри, они как раз зажигали свечу, чтобы заглянуть в сундук. Но они его не видели.

Анна Мария просеменила вдоль плинтуса, спустилась по оконным ставням на кухню, взяла блюдо и наскребла немного теста из миски.

Пусси она не заметила.

Тем временем на чердаке под полом томился Том. Он извивался, пытаясь освободиться от пут, и жалобно мяукал.

Но рот был забит сажей и паутиной, а крепкие верёвки затрудняли дыхание. Поэтому его никто не слышал.

Кроме паука — тот спустился из трещины в потолке и оценивающе оглядел узлы на верёвках — с безопасного расстояния.

Он знал толк в узлах, опутывать невезучих мух было для него делом привычным. Паук не пожелал помочь Тому.

Бедный Том крутился, мяукал и стонал, пока не выбился из сил.

Вскоре крысы вернулись и принялись готовить рулет-мурлет. Вначале они обмазали всего Тома маслом, а потом закатали его в тесто.

— Анна Мария, а не повредит ли верёвка желудку? — спросил Крис Усач.

— Смотри, хвост торчит! Ты принесла мало теста, Анна Мария!

— Принесла — сколько смогла, — ответила жена.

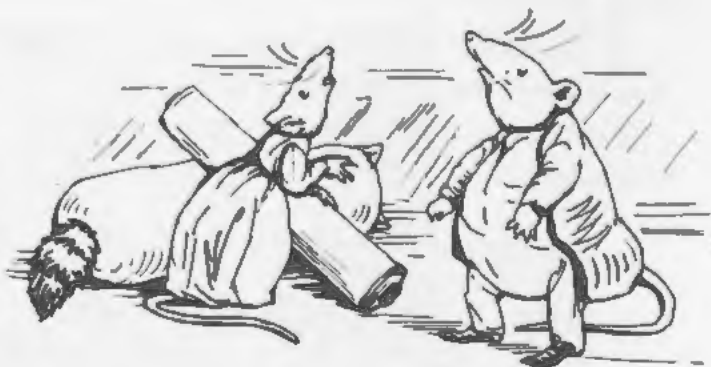
— Сдаётся мне, — заметил Крис Усач, прервав работу и ещё раз критически оглядев котёнка, — сдаётся мне, что рулет-мурлет у нас выйдет с дурным привкусом. Он пахнет гарью.

Жена ответила, что это не повод для беспокойства. И лучше бы начинка не вертела головой, а то тесто отваливается. С этими словами она крепко схватила Тома за уши. Котёнок кусался, мяукал и извивался, но скалка, которую крысы держали за оба конца, равномерно раскатывала тесто: рулли-мулли, рулли-мулли...

Анна Мария хотела возразить, но тут сверху послышались неожиданные звуки: жих-жих! — ходила пила. «Рыр-гав!» — скреблась и лаяла собака. Крысы выронили скалку и прислушались.

— Мы обнаружены, Анна Мария! Мы не сможем завершить начатое. Собираем вещи — свои и чужие — и отбываем без промедления.

— Боюсь, что при таких обстоятельствах рулет-мурлет нам придётся оставить.

— И всё-таки, по моему убеждению, верёвочные узлы опасны для желудка, как ты меня ни уговаривай.

— Быстрее собирайся, да помоги мне завязать бараньи кости в одеяло, — торопила его Анна Мария. — И ещё — в дымоходе я припрятала копчёный окорок.

К тому времени как мистер Пинчер выпилил половицу в полу на чердаке и заглянул вниз, там уже никого не было, кроме

скалки и котёнка, облепленного грязным-прегрязным тестом!

Но сильно пахло крысами. Ещё долго потом Джон Пинчер, повизгивая и виляя хвостом, бродил по дому, вынюхивая крыс, но ни одной так и не нашёл.

Наконец он заколотил дыру, сложил в ящик пилу, зубило и другие инструменты и спустился вниз.

Кошки-кузины уже почти успокоились и пригласили его пообедать с ними.

С котёнка соскоблили тесто и испекли пирог. А чтобы пятна сажи не были заметны, в пирог положили чёрную смородину.

Но вот от масла Тома пришлось отмывать горячей водой с мылом.

— Как чудесно пахнет ваш пирог! — воскликнул Джон Пинчер. — Я бы с удовольствием откушал, но не могу остаться на обед. Мисс Поттер завалила меня работой. Я мастерю для неё тачку, и ещё она заказала два новых курятника.

В три часа дня, когда я шла на почту, мимо пробежали Крис Усач с женой. Анна Мария толкала перед собой маленькую тачку с большими тюками. Тюки были точь-в-точь как мои собственные.

Я видела, как они свернули в ворота фермы мистера Патиссона.

Крис Усач тяжело дышал — он запыхался от бега, — а Анна Мария всё спорила с ним сварливым голосом.

Видно, дорогу она хорошо знала.

А тачка точно была моя, хотя тачку я ей не давала — уж поверьте!

Они забежали в амбар и сняли свою поклажу с тачки. Крис Усач вскарабкался наверх и при помощи верёвки затащил туда тюки.

С той поры в доме Терезы Коттер долго не было крыс.

Ну а фермер Патиссон... чуть не сошёл с ума! В амбаре у него — куда ни глянь — деловито снуют крысы! Они поедают корм для цыплят, воруют овёс и отруби, прогрызают мешки с провизией.

Это потомство Криса Усача — его сыновья, дочери, внуки, правнуки и праправнучки.

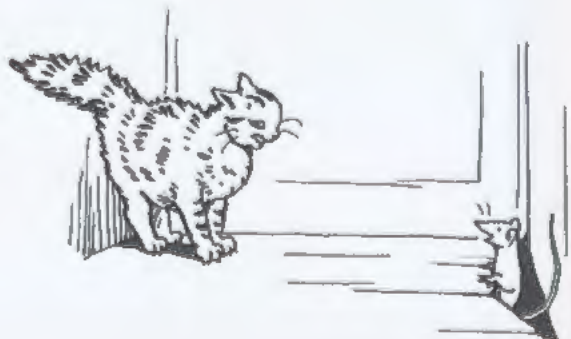
Их не счесть!

А котята — Пусси и Джесси — выросли и стали очень хорошими крысоловами.

Крысоловы в деревне нарасхват, работы хоть отбавляй. За десяток пойманных грызунов платят один фунт. Пусси и Джесси отлично зарабатывают; пучки трофейных хвостов они вывешивают на дверь, чтобы показать, как хорошо идут у них дела.

А котёнок Том так и не избавился от страха перед крысами, даже когда вырос. Он боится всякого, кто чуть больше...

МЫШИ.

Пампушата

1909

Посвящается всем маленьким друзьям
мистера Мак-Грегора, Питера Пуша
и Олли Кроллета.

Если верить молве, то листья салата действуют как снотворное. Однако меня зелёный салат не усыпляет. Может быть, потому, что я не кролик.

А вот для малышей-пампушат зелёный салат оказался очень сильным снотворным.

Когда маленький Оливер Кроллет возмужал, он женился на Пампушке. Вскоре семья сильно разрослась. Жили все радостно, не заботясь о завтрашнем дне.

Соседи, путаясь в именах, прозвали шестерых детишек Пампушки пампушатами.

Оливер с Пампушкой не были запасливыми, и у них часто кончался корм. Тогда Олли занимал капусту у Пампушкиного брата — Питера Пуша. У того был свой огород.

Но случилось и так, что у Питера не было лишней капусты.

— Ах, дружище, — разводил руками Питер Пуш. — Ничего мне не жаль для дорогого кузеца, но сегодня нам самим нечем обедать. Заходи-ка лучше на будущей неделе.

Тогда крольчата топали к канаве, куда мистер Мак-Грегор выбрасывал мусор из сада.

Здесь валялись баночки из-под джема, бумажные пакеты, громоздились кучи травы с привкусом машинного масла — она была скошена механической косилкой, а ещё гнилые кабачки и дырявый башмак. Но как-то раз — вот удача! — крольчата наткнулись на целую гору перезрелого салата.

Пампушата набросились на салат, наелись до отвала и один за другим уснули. Недаром говорят, что салат нагоняет сон.

Сморило заодно и их ушастого папашу, Оливера Кроллета. Он укрылся от мух бумажным пакетом и захрапел.

Солнышко припекало, и крольчата крепко спали. В саду мистера Мак-Грегора стрекотала механическая косилка. У садовой ограды жужжали синие мухи, и посреди мусора старушка-мышь возилась с банками из-под джема. У неё был длинный-предлинный хвост.

Она случайно вскарабкалась на бумажный пакет и разбудила Оливера Кроллета.

— Простите, что ненароком нарушила ваш сон, мистер Кроллет, — сказала старушка. — Кстати, я знакома с вашим почтенным кузеном мистером Питером Пушем. Ах да, я не представилась, меня зовут миссис Мыштон, миссис Маусина Мыштон...

— Весьма польщён, миссис Мыштон. Очень наслышан о вас...

Пока они раскланивались под садовой оградой, послышались тяжёлые шаги, и внезапно мистер Мак-Грегор высыпал на спящих крольчат целый мешок травы.

Оливер Кроллет съёжился под бумажным пакетом, а Маусина Мыштон забилась в банку из-под джема.

Крольчата не проснулись — вот как спится от салата! Им снилось, что мама укладывает их в соломенные постельки и укрывает пуховым одеялом.

И тут мистер Мак-Грегор заметил, что из травы торчат кончики ушей.

«Что бы это могло быть?» — подумал он.

На один кончик села муха — ухо вздрогнуло. Тут мистер Мак-Грегор понял, что под травой на мусорной куче — кролики.

— Раз, два, три, четыре-пять-шесть! Целых шесть крольчат! — радовался он, вытаскивая из травы и бросая мягкие комочки в мешок.

А крольчатам снилось, будто мама перекладывает их из одной кроватки в другую. Они пошевелили лапами, но не проснулись.

Мистер Мак-Грегор крепко завязал мешок и водрузил его на кирпичную ограду. А сам пошёл убирать косилку.

Тем временем Пампушка вышла из дома.

«Куда же запропалились ушастики?» — гадала миссис Кроллет, шагая по лужайке. Но вот она заметила какой-то странный мешок на кирпичной ограде и встревожилась.

Тут из-под бумажного пакета выполз Оливер Кроллет, а из стеклянной банки — Маусина Мыштон. Они и поведали Пампушке печальную историю.

Оливер с Пампушкой попытались развязать мешок, но узел был слишком тугой.

— Позвольте мне, — вдруг сказала Маусина Мыштон. — Немало мешков я повидала на своём веку.

И она быстро прогрызла дырку.

Крольчат вытаскивали по одному и щипали, чтобы они проснулись. Потом Оли с Пампушкой запихнули в мешок три гнилых кабачка, старую щётку для ботинок и две заплесневелые репки.

Мешок водрузили на прежнее место и спрятались под кустом.

Вскоре пришёл мистер Мак-Грегор, взял мешок и понёс к дому. Мешок оттягивал руку, словно в нём было что-то тяжёлое. А крольчата с папой и мамой незаметно бежали следом.

Они видели, как мистер Мак-Грегор вошёл в дом.

Кролики подобрались к окну и прислушались.

Мистер Мак-Грегор бросил мешок на каменный пол. Будь крольчата в мешке, им было бы ещё как больно!

Кролики слышали, как мистер Мак-Грегор волочил стул и, хихикая, приговаривал:

— Шестеро, их шестеро, шесть миленьких крольчат!

— Что? Чего ты бормочешь? Опять они у нас что-то сожрали? — спросила миссис Мак-Грегор.

— Шестеро, их шестеро, шесть жирненьких крольчат! — повторял мистер Мак-Грегор.

— Довольно морочить голову! Чего тебе надо, старый дуралей?

— Открой мешок и увидишь! — воскликнул мистер Мак-Грегор. — Шестеро, их шестеро, нежненьких крольчат!

Тем временем самый маленький пампушонок забрался на подоконник.

Миссис Мак-Грегор подняла мешок и ощупала.

— Похоже, и правда шесть, — сказала она. — Только кролики, видать, очень старые. Во-первых, твёрдые, а во-вторых, разные. Варить — не годятся, мясо выйдет жёсткое, а вот шкурки, пожалуй, пойдут на воротник моего старого пальто.

— На воротник? — с возмущением воскликнул мистер Мак-Грегор. — Как бы не так! Лучше уж я их продам и куплю себе табака!

— И думать не смей! Я зарежу их и сниму шкурки!

Миссис Мак-Грегор развязала мешок и сунула в него руку.

Вместо кроликов она достала гнилые кабачки, репки и щётку для ботинок.

— Ты нарочно всё это придумал! — закричала она в ярости. — Ты мне всю жизнь загубил! Зачем я только за тебя замуж вышла?!

Мистер Мак-Грегор тоже очень разозлился, потому что жена стала кидать в него гнилые кабачки и репу. При этом один кабачок вылетел в окно и больно ушиб самого маленького пампушонка.

Тогда уже Олли с Пампушкой рассудили: довольно приключений, пора домой.

Вот как вышло, что мистер Мак-Грегор остался без табака, а миссис Мак-Грегор — без нового воротника.

Зато миссис Маусина Мыштон получила на Рождество столько кроличьего пуха, что ей хватило на пелеринку, муфту да ещё и на варежки.

Терьер и Мурьер

1909

С самыми добрыми пожеланиями посвящаю эту сказку
старине Джону Тейлору, который полагает, что «сойдёт за соню,
которая днями напролёт дремлет в гнезде»!
(Вот уже три года он прикован к постели,
но ни разу не пожаловался на свою судьбу!)

Когда-то в деревне был магазин под вывеской «Терьер и Мурьер». Магазинчик был невелик, совсем крохотный. Куклы Люсинда Кукль и Джейн Повари всегда покупали здесь крупу и макароны.

Приходили сюда и ушастые, прилавков в магазине был низкий, удобный для кроликов. Терьер и Мурьер продавали им носовые платки в красный горошек — по пенсу штука.

Ещё они продавали сахар, нюхательный табак и галоши.

Хотя магазин и был совсем маленький, но продавалось здесь почти всё. Нельзя было купить только самое необходимое — то, что ищешь и не находишь, когда тебе некогда, — шнурки для ботинок, заколки для волос или бараньи отбивные.

Хозяевами магазина были Терьер и Мурьер. Терьер был терьером, а Мурьер — рыжим котом.

Когда за покупками заскакивали кролики, они всегда с опаской поглядывали на Терьера.

Частенько в магазин заглядывали мыши, вот только мыши очень боялись Мурьера.

Когда они приходили за покупками, Мурьер удалялся в заднюю комнату и просил Терьера обслужить их, а то «слюнки текут», — признавался он.

— Невыносимо, — говорил Мурьер, — невыносимо смотреть, как мыши забирают свои свёрточки с покупками и уплывают за дверь.

— Мне тоже нелегко, когда из-под носа уходят крысы, — отвечал Терьер. — Но это не дело — поедать наших покупателей — они уйдут от нас и перебегут к Терезе Коттер.

— Как раз наоборот, бежать им тогда будет некуда, — мрачно возражал Мурьер.

В деревне был ещё один магазин, его держала миссис Тереза Коттер. Но она ничего не продавала в долг.

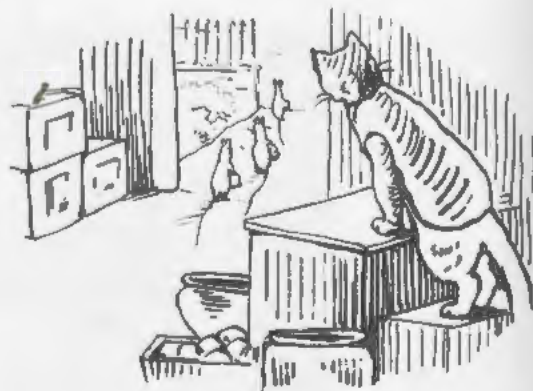
А Терьер и Мурьер предлагали покупателям неограниченный кредит.

Кредит — это когда какая-нибудь мадам покупает кусок мыла, но не платит: не роемся в кошельке, не ищет мелочь — а просто говорит, что заплатит в другой раз.

И тогда Терьер низко кланяется и отвечает:

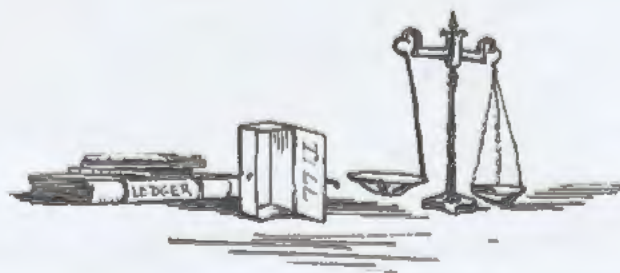
— Как вам угодно, мадам, — и записывает долг в тетрадь.

Вот почему покупатели приходили снова и снова и уносили множество покупок, несмотря на страх перед Терьером и Мурьером.

Но в ящике для денег было прискорбно пусто.

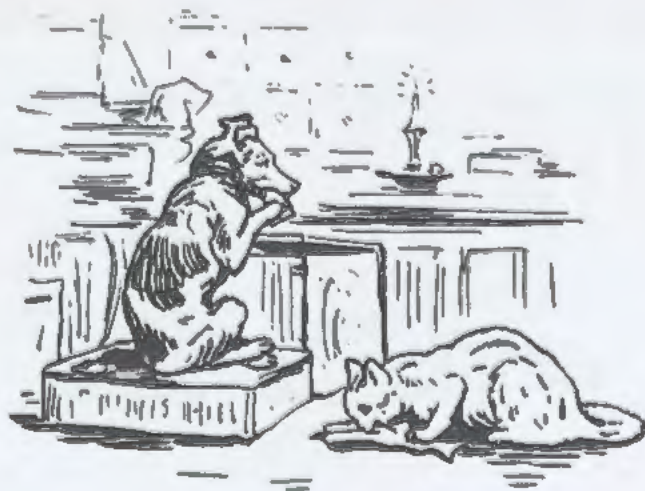
Зато покупатели набегали толпами и каждый день скупали всё, что могли, особенно карамель. Но денег никогда не платили. Если кто и платил, то разве какой-то жалкий пенс за кулёк мятных леденцов.

А товаров у хозяев уходило видимо-невидимо, в десять раз больше, чем в магазине Терезы Коттер.

Поскольку денег от продажи не было, Терьеру и Мурьеру не оставалось иного выхода, как поедать свои собственные товары.

Терьер уплетал печенье, а Мурьер — сушёную треску.

Ели они при свечах, когда магазин уже был закрыт.

Наступило первое января, начался новый год, но денег по-прежнему не было, и Терьеру не на что было купить разрешение на собаку¹.

— Не знаю, как жить дальше без разрешения. Очень неприятно. Страсть как боюсь полиции, — сетовал Терьер.

— Пеняй на себя, что ты терьер, — выговаривал ему Мурьер. — Мне вот никакого разрешения не нужно. И шотландским овчаркам, например Фреду, не надобно.

— Мне страшно. Что я скажу, если меня вызовут в полицию? Я ходил на почту, пытался купить разрешение на собаку в кредит. Не получилось. И всюду полно полиции. Мне встретился один полицейский по дороге домой. Послушай, Мурьер, давай ещё раз пошлём счёт Крису Усачу. Он задолжал нам двадцать два шиллинга девять пенсов за ветчину.

¹ В прежнее время англичанин, который хотел держать собаку, каждый год покупал разрешение за 7 шиллингов 6 пенсов. На ошейник он вешал бирку с номером из полиции.

— Пустое дело, ничего он не заплатит, — возразил Мурьер.

— А его жена, старая крыса Анна Мария, по-моему, просто ворует. Куда делись все сливочные крекеры?

— Да ты сам их слопал, — ответил Мурьер.

Терьер и Мурьер пошли в гостиную, сели за стол и принялись проверять счета. Они долго считали: складывали, умножали и снова всё пересчитывали.

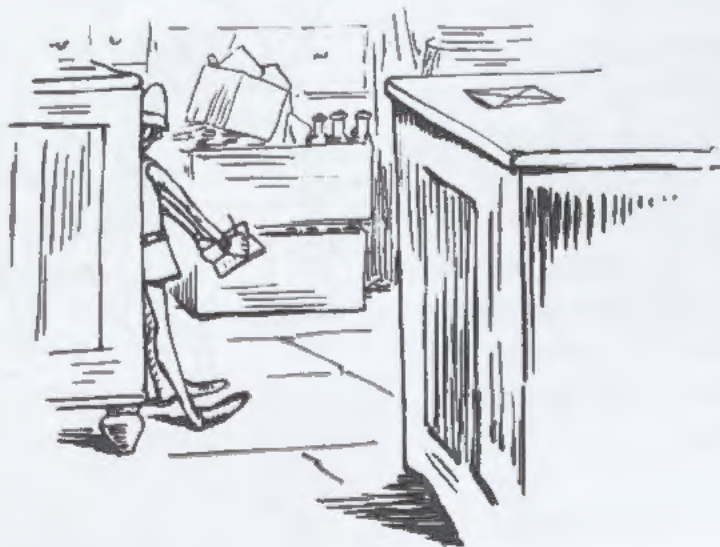
— У Криса Усача счёт — такой же длинный, как его хвост, — сказал Мурьер. — А с октября он набрал нюхательного табака — почти две унции.

— Сколько будет стоить семь фунтов масла по шиллингу и три пенса, брусок сургуча и четыре спички?

— Сейчас скажу... И вот что, пошли счета всем снова «с наилучшими пожеланиями», — ответил Мурьер.

Вдруг сильно хлопнула входная дверь. Терьер и Мурьер сразу выбежали из гостиной. Посередине магазина стоял полицейский и что-то записывал в блокнот. А на прилавке виднелся большой конверт.

Терьеру чуть не стало дурно. Он залаял и угрожающе оскалил зубы.

— Ату, Терьер, ату! Ку-сай его! — шипел Мурьер, спрятавшись за бочкой с сахаром. — Смелей, он всего лишь немецкая кукла!

Но полицейский невозмутимо продолжал что-то писать. Дважды он задумчиво облизнул кончик карандаша и дважды обмакнул его в джем.

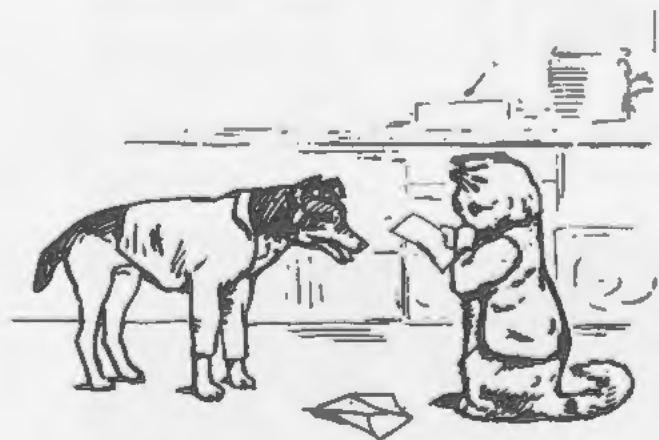
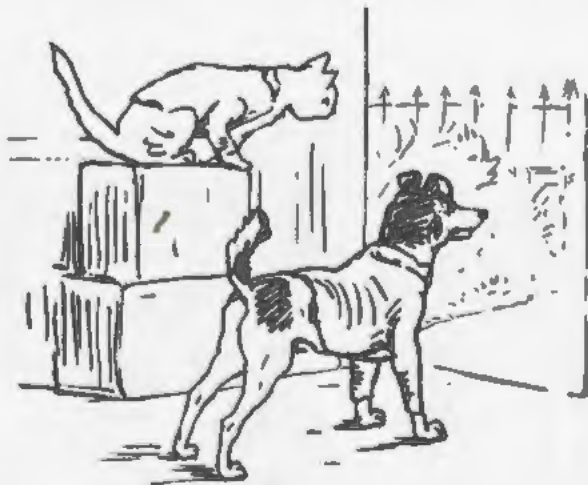
Терьер лаял и лаял, пока не охрип. Но полицейский не обращал на Терьера никакого внимания. У него были глаза-бусинки, а шлем пришит к голове нитками.

В конце концов, когда Терьер в который раз с лаем выскочил из-за бочки, в магазине уже никого не было. Полицейский исчез.

Но конверт — остался.

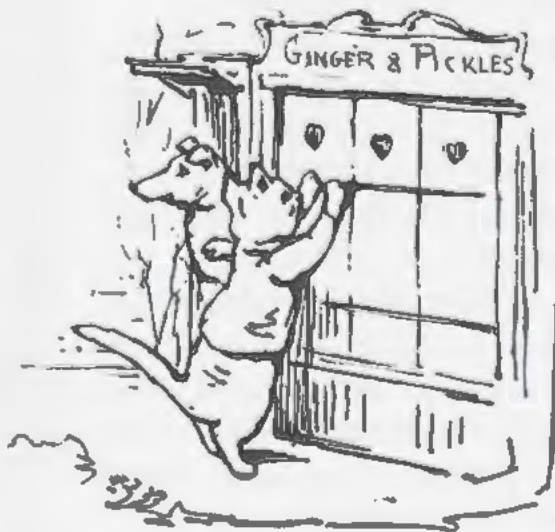
— Как ты думаешь, он пошёл за настоящим, живым полицейским? — спросил Терьер. — Боюсь, что в конверте повестка в суд.

Они заперли дверь, закрыли ставни и ушли. Но остались в здешних краях. Признаться, некоторые из местных жителей надеялись, что они переберутся куда-нибудь подальше.

— Нет, — сказал Мурьер, распечатав конверт, — это сборы и налоги. Мы должны уплатить три фунта девятнадцать шиллингов и одиннадцать пенсов.

— С меня довольно, — сказал Терьер. — Давай закрывать лавку.

Мурьер обосновался за деревней — в поле, где много кроликов. Я не знаю, чем он занимается, но выглядит хорошо — даже растолстел и вполне доволен жизнью.

Заккрытие деревенского магазина доставило много неудобств. Тереза Коттер тотчас подняла цены на полпенса, а в кредит, как и раньше, она продавать не желала.

А Терьер стал лесным сторожем — он охраняет зверей.

Правда, раз в неделю в деревню приезжали на своих двуколках мясник, торговец рыбой и булочник Тимоти. Но ведь невозможно питаться только крекерами, печеньем и сдобными булочками, даже если эти булочки такие вкусные, как у Тимоти!

А вскоре в деревне свой магазин открыли сони — там мистер Джон Дремаус с дочерью продавали свечи и мятные леденцы. Но свечи у них были слишком длинные и толстые. Мыши предпочитали свечи поменьше. А одну такую приходилось тащить впятером.

Кроме того, в тёплую погоду эти длинные свечи скрючивались и быстро гасли. А мисс Дремаус отказывалась принимать их обратно.

— Я тут, знаете, так пригрелся, — всякий раз говорил Джон Дремаус, сладко зевая.

Конечно же, так торговля не ведётся.

Когда же огорчённые покупатели приходили с жалобами к мистеру Дремаусу, он не желал вылезать из постели.

Поэтому все очень обрадовались, когда увидели большое объявление, которое выставила пеструшка Энни Пенни, — она заново открывала свой магазин:

«В день открытия —
НЕБЫВАЛАЯ РАСПРОДАЖА!
Любой товар у Энни
Вы купите за пенни!
Накопите пенни!
Приходите к Энни!»

И в самом деле, объявление было заманчивое.

В день открытия магазин ломился от покупателей. Толпы мышей накинудись на ящики с печеньем.

Энни Пенни ужасно волновалась, подсчитывая медяки. Но, как и прежде, ничего не давала в долг — требовала оплату наличными; зато её никто не боялся.

В новом магазине Энни Пенни много замечательных товаров. Для каждого найдётся что-то по душе.

Сказка
про
миссис Мыштон
~

1910

Посвящается маленькой Нелли.

Жила-была лесная мышь, и звали её Маусина Мыштон. Она жила в насыпи под живой изгородью.

Какой у неё был удивительный дом!

Длинные коридоры вели к погребам и кладовым, где она хранила запасы зерна и орехов. А по стенам тянулись корни живой изгороди.

В её доме была кухня, гостиная, буфетная и чулан. И ещё у миссис Мыштон была спальня. Там, в глубине, она соорудила кровать и отделила её занавеской — чтобы не беспокоили.

Маусина Мыштон была ужасной чистюлей, всё время подметала песчаные полы и вытирала пыль.

Иногда в коридоре ей попадался случайно залетевший жучок.

— Ножки-то надо вытирать, а то наследил как! Кыш отсюда! — говорила миссис Мыштон, потрясая совком.

А однажды к ней забрела старушка в красном плаще в горошек.

— Дайте водицы напиться, миссис Мыштон!

— О чём вы думаете, матушка Божья Коровка? Быстрее летите на небо! Там ваши детки кушают конфетки!

Так она спровадила Божью Коровку.

А то как-то раз зашёл укрыться от дождя большой жирный паук.

— Можно у вас отсидеться, миссис Мыштон?

— Уходи, наглый паук! Тебя только пусти, потом неделю оттирай от стен твою липкую паутину!

Так она прогнала паука. И он торопливо спустился из окна по тонкой длинной нити.

Однажды миссис Мыштон отправилась в дальнюю кладовую за вишнёвыми косточками и семенами чертополоха к обеду.

Шаркая по коридору, Маусина поводила усами, принюхивалась и поглядывала на пол.

— Вроде бы мёдом пахнет. Откуда, скажите на милость? А вот и следы чьих-то грязных ножек...

Вдруг за углом она увидела Джима Шмелли.

— Дззз! Джжж! — сказал Джим.

Миссис Мыштон строго поглядела на него. «Жаль, что не взяла метлу», — подумала она.

— Здравствуй, Джим Шмелли. Вообще я собиралась к тебе зайти, купить воска. Но ты-то что у меня делаешь? И почему ты всегда влетаешь в окно? Разве у дома нет дверей? И зачем жужжишь и зудишь? — начала сердиться миссис Мыштон.

— Дззз! — раздражённо прожужжал в ответ Джим Шмелли.

Он продвинулся бочком вперёд и скрылся в кладовой.

Там обычно хранились жёлуди. Но сейчас их не было: миссис Мыштон съела последний ещё в канун Рождества. Зато было полно мусора — сухого мха.

Миссис Мыштон решила расчистить кладовую и принялась вытаскивать мох. Из него высунулись три пчелы и свирепо зажужжали.

— Я комнат не сдаю, мне постояльцы не нужны! — сказала сквозь зубы миссис Мыштон. — Вон отсюда!

— Ж-ж-ж-ж!

— Кто мне поможет их выставить?

— Ж-ж-ж!

— Только не мистер Жабсон, он никогда не вытирает ноги.

Тяжело вздохнув, миссис Мыштон решила заняться пчёлами после обеда.

Вернувшись в гостиную, она услышала чей-то громкий кашель: это был сам мистер Жабсон!

Он сидел в кресле-качалке, уперев ноги в каминную решётку, — шевелил пальцами и улыбался во весь рот.

Мистер Жабсон жил в канаве под изгородью, в очень грязной и мокрой канаве.

— Как поживаете, мистер Жабсон? Помилуйте, да вы насквозь промокли!

— Спасибо, спасибо, вы очень любезны, миссис Мыштон! Я вот посижу и подсушусь.

Мистер Жабсон сидел и улыбался. С его сюртука капала вода. Миссис Мыштон тяжело вздохнула и пошла за тряпкой.

Мистер Жабсон сидел очень долго — так долго, что пришлось спросить, не желает ли он пообедать.

Вначале миссис Мыштон предложила ему вишнёвые косточки.

— Спасибо, вы очень любезны, миссис Мыштон. Жевать только нечем, зубов нет! — сказал мистер Жабсон.

Он широко разинул рот: и в самом деле у него не было ни одного зуба.

Тогда миссис Мыштон предложила ему семена чертополоха.

— Тили-тили-тили-бом! — сказал мистер Жабсон и дунул: — Пуф-пуф-пуф!

Пушинки чертополоха разлетелись по всей комнате.

— Спасибо, вы очень любезны, миссис Мыштон! Чего бы я, честно говоря, хотел, — это мёда!

— Боюсь, что мёда у меня не найдётся, мистер Жабсон, — сказала миссис Мыштон.

— Тили-тили-тили-бом, миссис Мыштон! — улыбаясь, пропел мистер Жабсон. — А чем тогда у вас пахнет? Я ведь пришёл к вам на запах мёда.

Мистер Жабсон неспешно встал из-за стола и принялся отпирать дверцы шкафов и выдвигать ящики.

Миссис Мыштон ходила за ним с тряпкой и вытирала с пола гостиной большие мокрые следы.

Убедившись, что в шкафах мёда нет, мистер Жабсон двинулся по коридору.

— Послушайте, мистер Жабсон, вы там застрянете!

— Тили-тили-тили-бом, миссис Мыштон!

В начале мистер Жабсон протиснулся в буфетную.

— Тили-тили? Тили-бом? Нет мёда? Нет мёда, миссис Мыштон?

В сушилке для посуды спрятались три мокрицы. Две удрали, но самую маленькую он сцапал.

Потом мистер Жабсон вломился в соседнюю с буфетной кладовую. Там лакомилась сахаром мисс Барбара Баббити. Потревоженная бабочка тотчас выпорхнула в окно.

— Тили-тили-тили-бом, миссис Мыштон. Да у вас полно гостей!

— Я их не приглашала! — ответила Маусина Мыштон.

Они двинулись дальше.

— Тили-тили-тили...

— Дззз! Джжжж!

За углом мистер Жабсон увидел Джима и схватил его, но тотчас отпустил.

— Не люблю шмелей из-за щетины, — объяснил мистер Жабсон, вытирая рот рукавом пиджака.

— Сгинь отсюда, жаба! — взвизгнул Джим Шмелли.

— Я сойду с ними с ума! — воскликнула миссис Мыштон.

И заперлась в погребке с орехами.

Тем временем мистер Жабсон занялся пчелиным гнездом — он тащил его из комнаты, не обращая внимания на укусы.

Когда миссис Мыштон отважилась выйти из укрытия, никого уже не было. Но грязь кругом была ужасная.

— Просто невиданный беспорядок. И мох, и чертополох, и липкие пятна от мёда, и грязные следы ног и ножек... Во что превратился мой дом!

Она собрала мох и остатки воска. Потом взяла несколько прутиков и укрепила их в дверях, чтобы парадный вход стал поуже.

— Теперь уже мистеру Жабсону не пролезть!

Из чулана миссис Мыштон принесла жидкое мыло, тряпку и новую щётку.

Но Маусина Мыштон так устала, что не могла ничего делать. Она на минутку присела в кресло и задремала. А потом перебралась в постель.

— Когда же у меня снова будет чисто? — прошептала несчастная миссис Мыштон.

На другой день ни свет ни заря Маусина принялась за весеннюю уборку. Уборка продолжалась две недели.

Она подметала, мыла и скоблила. Натёрла воском мебель и начистила песком оловянные ложки.

Когда всё стало безукоризненно чистым, миссис Мыштон устроила праздник и пригласила пятерых мышей, а мистера Жабсона не позвала.

Но он учуял вкусные запахи и вскарабкался на насыпь. Однако протиснуться в дом не сумел.

Но мистер Жабсон ничуть не обиделся. Гости миссис Мыштон подавали ему желудёвые чашечки, наполненные медвяной росой, прямо через окно.

Мистер Жабсон сидел на солнышке и приговаривал:

— Тили-тили-тили-бом! Ваше здоровье, миссис Мыштон!

Тим Коготок

1911

Посвящается всем моим маленьким друзьям,
с которыми я незнакома, а также Монике.

Жил да был маленький, с большим пушистым хвостом, толстенький Тим Коготок. Сам он был серый, а курточку носил красную. И была у него жена, белочка Бетси. Они жили высоко на дереве в сухом гнезде, крытом листьями.

— Белочка моя, — однажды сказал Тим Коготок. Он сидел на ветке, покачивая хвостом, и улыбался: дул приятный ветерок. — Орехи поспели, пора готовить запасы на зиму.

— У нас такое уютное гнездо! — ответила белочка Бетси, утепляя мхом толстые стены, сплетённые из веточек. — Мы будем спать всю зиму напролёт.

— Но за зиму мы отоощаем, — заметил предусмотрительный Тим Коготок, — и весной, когда проснёмся, есть будет нечего.

Тим Коготок и Бетси прискакали в орешник и видят — белки уже готовят запасы. Коготок снял курточку, повесил на сучок, и они принялись собирать орехи в стороне от других белок.

Каждый день по нескольку раз Коготок и Бетси приходили в орешник, набивали мешки орехами и оттаскивали их в погреба, устроенные в полых пнях недалеко от гнезда.

Когда погреба заполнились, Тим и Бетси стали сбрасывать орехи в узкое дупло — высоко на дереве, в котором прежде жил дятел. Орехи скатывались вниз, тихонько перестукиваясь: трык-трык-трык.

— Как потом их доставать? — спросила Бетси. — Дупло такое узкое, словно щёлочка в копилке... Ни мне, ни тебе не пролезть никак!

— Не тревожься раньше времени, любовь моя. Пройдёт зима, и к весне я похудею, — ответил Тим Коготок.

Ах, сколько орехов они запасли! Недаром Тим и Бетси выбирали для своих погребов и кладовых лишь такие деревья и пни, какие можно было легко запомнить.

А те белки, что прятали орехи в земле, часто теряли свои запасы: они попросту забывали, где их зарыли.

Самым забывчивым в лесу был Сильвер — с серо-серебристым хвостом. Он принялся было копать, но забыл, где его тайник. Копнул в одном месте, копнул в другом, но наткнулся на чужой погребок.

— Сейчас получишь на орехи! — закричали хозяева погребка, и Сильверу здорово досталось.

Тут все белки бросились проверять: целы ли их запасы? В лесу поднялся шум и гвалт:

«КЭК! КЭК! КЭ-ЭК!»

И вот досада... На шум слетелась стайка птичек — они перелетали с куста на куст, отыскивая зелёных гусениц и паучков и распевали песенки. Птички были разные, и песенки у них были разные.

Вор, воришка, рыжий бок
Мой ограбил погребок, —

пела одна птичка.

А другая напевала:

Шишку, жёлудь и грибок
Положу я в погребок!

Белки прислушались. Первая птичка перелетела на куст, где Коготок и Бетси, не обращая на других внимания, связывали свои мешки, и снова запела:

Вор, воришка, рыжий бок
Мой ограбил погребок!

Тим Коготок не отвечал и продолжал делать своё дело. А птичка и не ждала ответа, она просто насвистывала свою песенку — и только.

Но белки поверили птичке-свистунье. Они набросились на Тима Коготка, стали царапать его и опрокинули мешок с орехами. Птичка испугалась и улетела.

А Тим Коготок вырвался и бросился к своему гнезду. За ним неслись рассерженные белки и кричали:

Вор, воришка, рыжий бок
Мой ограбил погребок!

Тима Коготка поймали, потащили куда-то наверх — по случайности к его дуплу-хранилищу — и запихнули в узкую щель. Белкам пришлось потрудиться, чтобы протолкнуть толстячка в тесное дупло, и ему чуть не переломали рёбра.

— Пусть сидит там, пока не признается, — объявил Сильвер и крикнул в дупло:

Вор, воришка, рыжий бок
Мой ограбил погребок!

Тим Коготок ничего не ответил. Оглушённый падением с высоты, он лежал на куче орехов — тех самых, что собрали и спрятали они с белочкой Бетси.

А Бетси подобрала мешки и пошла домой. Дома она заварила чай и стала терпеливо ждать мужа, но Тим Коготок всё не возвращался. Целый вечер прождала его Бетси и всю ночь напролёт, а наутро пошла к орешнику, где накануне они собирали орехи. Но сердитые белки прогнали её прочь.

Бетси бродила по лесу и звала:
— Тим Коготок! Где ты?

А тем временем Тим Коготок только-только пришёл в себя. Он лежал в крохотной постели, заботливо укрытый мхом. Его мучила жажда. Было темно — словно под землёй. Тим Коготок кашлял и постанывал: болели намятые бока. Послышался шорох, и со свечой в руке появился рыженький, полосатый бурундук — ростом он был вдвое меньше Тима.

— Как вы себя чувствуете? — спросил бурундук.

— Прескверно, — признался Тим Коготок.

— Наденьте-ка этот ночной колпак, — сказал бурундук. — А я принесу вам воды и чего-нибудь поесть. Тревожиться не о чем, мой друг, погреба полны. Удивительно — в последнее время сверху часто падал ореховый град. И ещё я недавно нашёл большой тайник с орехами.

Тим Коготок поведал ему свою историю, чем весьма развеселил бурундука.

Недельку-другую Коготку надо было отлежаться. А гостеприимный хозяин, бурундук Бруно, закармливал его вкусными орехами.

— Как же я выберусь из дупла? Мне же надо худеть! — тревожился Тим Коготок.

— Ну ещё орешек, не отказывайтесь, скорлупу я расколю...

Тим Коготок всё толстел и толстел...

А белочке Бетси приходилось теперь трудиться одной. Она больше не сбрасывала орехи в дупло дятла: с самого начала она не понимала, как потом до них добраться. Бетси стала прятать орехи под старым деревом, и, перестукиваясь, они катились всё вниз, вниз, вниз. Однажды Бетси высыпала особенно большой мешок орехов, и под корнями кто-то запищал. А в следующий раз оттуда торопливо выбралась рыженькая, полосатая особа в белом передничке — жена бурундука.

— Гостиная уже доверху завалена вашими орехами, а они всё катятся и катятся с лестницы. Мой муж Бруно не выдержал и ушёл из дому. В чём я провинилась перед вами? Зачем вы сыплете орехи мне на голову?

— Простите, мадам, я не думала, что здесь живёт кто-то, — смутилась белочка Бетси. — Признаться, мой муж Тим Коготок тоже пропал... А вы знаете, где Бруно?

— Я-то знаю, где Бруно, — ответила Бренда, жена бурундука. — Мне птичка рассказала.

Она привела белочку Бетси к дереву, где прежде жил дятел. Они поднялись к дуплу и прислушались. Там, в глубине, кто-то щёлкал орехи. Потом два голоса, высокий и низкий, запели:

Однажды поссорились мы
с муженьком.

Дон, дили-дидл, дон!

Ах, ерунда, что за беда,

Кто с этим не знаком!

И ночь проходит, и день за днём.

Дон, дили-дидл, дон!

Мы славно жили, но мал наш дом,

Двоим было тесно в нём.

— Дупло узкое, но пролезть вы сможете, — сказала белочка Бетси.

— Это да, — согласилась Бренда. — Вот только Бруно, мой муж, кусается!

Внизу опять взялись за орехи, и снова два голоса, высокий и низкий, запели:

И ночь проходит, и день за днём,
Дон, дили-дидл, дон!

Тогда белочка Бетси просунула голову в дупло и позвала:

— Коготок! Ты здесь?

— Это ты, Бетси? Не может быть!

Тим Коготок вскарабкался наверх и, высунувшись из дупла, поцеловал белочку Бетси в нос: Коготок так растолстел, что и не пытался вылезти наружу.

Бурундук Бруно был не слишком толст, но не пожелал подниматься наверх. Он только хмыкнул и пробормотал:

— Бурун-бурун!

Миновало две недели... А потом налетел сильный ветер и сломал дерево, да ещё хлынул дождь. Без крыши в ореховом погребе стало сыро и неудобно. Зато Тим Коготок сразу выбрался, раскрыл зонтик и пошёл домой.

А бурундук Бруно ещё неделю провёл под открытым небом, невзирая на дожди. Хотя приятного в этом было мало.

Вскоре в лесу появился огромный медведь. Он задумчиво бродил и что-то вынюхивал... Уж не орехи ли?

Тогда-то и Бруно заторопился
домой.

Дома стало ясно: у бурундука
Бруно — насморк. Приятного
в этом было ещё меньше.

С того времени белочка Бетси и Тим Коготок
всегда запирают кладовую на замок.

А птичка-свистунья, как увидит бурундука Бруно и жену его Бренду, то всякий раз насвистывает:

Вор, воришка, рыжий бок
Мой ограбил погребок!

Но до сих пор никто не признался.

Сказка
про
мистера Вилмиса

1912

Посвящается маленькому Франсису —
будущему лэрду Улвы.

Жили в лесу два недобрых господина. Один из них был барсук Артур Брук, другой — мистер Виллис, с лисьими жёлтыми глазами.

О мистере Виллисе нельзя было услышать ни одного хорошего слова. И кролики терпеть его не могли: морщились, учуяв за полмили. Мистер Виллис носил рыжие лисьи бакенбарды и часто переезжал с места на место, поэтому кролики никогда не знали, где его ждать.

Случалось, на несколько дней он устраивался в хижине из хвороста, повергая в панику семейство старика Кроллета... Потом, всё бросив, перебирался на озеро, в дупло старой ивы, распутивая диких уток и водяных крыс.

А всю зиму до ранней весны он проводил в логове, спрятанном под Геркулесовой Скалой, высоко на Бычьей Круче.

Он почти не бывал дома, хотя домов у него было с полдюжины.

Когда мистер Виллис съезжал с квартиры, она не всегда пустовала — случалось, туда вселялся Артур Брук, не спрашивая на то разрешения.

Артур Брук был приземистый, толстый и неуклюжий господин с небритым щетинистым лицом и вечной ухмылкой до ушей. И привычки у него были нехорошие.

Артур Брук поедал червей, лягушек и осиные гнёзда; ночью при луне шатался по окрестностям и что-то выковыривал из земли. А под утро ложился спать, не разувшись. Так до вечера и спал — в башмаках.

Укладывался он, как правило, в постель мистера Виллиса, поэтому и не видел нужды раздеваться, хотя одежда его была изрядно грязной.

В голодную пору Артур Брук не гнушался и пирогами с крольчатиной — пёк их сам и на начинку пускал нежных молоденьких крольчат. Как ни странно, но он дружил со стариком Кроллетом, — оба недолюбливали злонаправных выдр и хищного мистера Виллиса и часто затрагивали эту острую, болезненную тему.

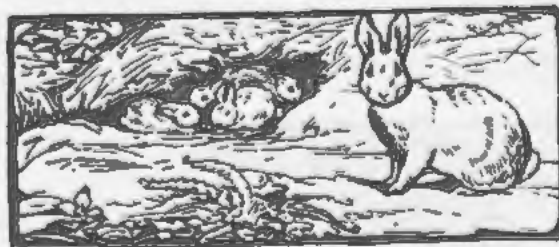
Мистер Оливер Кроллет Старший был очень стар. Закутавшись в тёплый шарф, он выбирался из норки погреться в лучах весеннего солнца и выкурить трубку, набитую кроличьим табаком.

Он жил с молодым семейством своего сына Оливера Кроллета

Младшего. Невестка Пампушка наплодила столько деток, что соседи оставили надежду запомнить их имена и называли всех просто пампушатами.

Как-то раз Олли с женой ушли по делам, и мистер Кроллет Старший остался в доме один с малышами.

Маленькие крольчата-внучата лишь недавно впервые открыли свои глазки и только-только научились брыкаться. Они лежали в неглубокой ямке на мягкой подстилке из кроличьего пуха и сена, чуть поодаль от входа в кроличий дом. Но мистер Оливер Кроллет Старший совершенно про них забыл.

Он сидел на солнышке и дружески беседовал с Артуром Бруком, который проходил мимо с мешком, мотыгой, служившей ему вместо лопаты, и капканами на кротов. Артур Брук горько жаловался, что перестал находить фазаньи яйца, и обвинил

мистера Виллиса в воровстве. А пока барсук спал зимним сном, выдры передовили всех лягушек.

— Уже две недели не могу пообедать как подобает, — вздохнул Артур Брук. — Мне нечего есть, представьте, я уже перешёл на земляные орехи! Чего доброго, придётся жевать собственный хвост или, ещё хуже, стать вегетарианцем!

Шутка была не слишком смешная, но она развеселила Кроллета Старшего — барсук был ужасно толстый, низенький, да ещё и ухмылялся во весь рот.

— Ах, Артур, Артур! — рассмеялся старый мистер Кроллет. — Отчего бы вам не зайти ко мне, не пропустить стаканчик, другой клеверного вина, что делает моя невестка Пампушка? А на закуску я попотчую вас ломтиком домашнего кекса.

Артура Брука не пришлось уговаривать, он живо протиснулся в кроличью нору.

Мистер Оливер Кроллет Старший выкурил ещё одну трубку, а Артуру Бруку предложил сигару, свёрнутую из капустного листа, — она оказалась такой крепкой, что у Артура Брука рот разъехался до ушей, и густой дым наполнил нору. Мистер Оливер Кроллет Старший покашливал и посмеивался, а Артур Брук пыхивал сигарой и ухмылялся.

Вот так мистер Кроллет посмеивался и покашливал, покашливал да посмеивался и даже зажмурился от едкого капустного дыма...

Когда Олли с Пампушкой вернулись, мистер Кроллет Старший проснулся. Артур Брук исчез, и вместе с ним пропали все крольчата!

Мистер Кроллет не желал признаваться, что пускал кого-то в кроличий дом. Но в гостиной стоял стойкий запах барсука, который с другим не спутаешь, и на песке виднелись глубокие круглые следы. Старик впал в немилость. Пампушка поджала уши и отхлестала его по щекам.

Олли Кроллет тотчас двинулся вдогонку за Артуром Бруком.

Угадать его путь было нетрудно: барсук потопал вверх, оставляя следы на извилистой лесной тропинке. Он шёл не спеша — здесь выдрал мох и багульник, там выкопал ямку, чтобы вытащить корень собачьего плевела, а вот поставил капкан на крота. Дорогу пересекал ручеёк. Олли перемахнул через него, не замочившись: глинистый берег хранил чёткие отпечатки тяжёлых лап барсука.

Тропинка вела к недавней вырубке, здесь торчали дубовые пеньки со свежими побегам и колыхалось целое море гиацинтов. Тут Оливера остановил какой-то запах: пахло *отнюдь* не цветами!

Чуть поодаль стояла хижина мистера Виллиса, сделанная из хвороста, и, судя по всему, хозяин был дома. Об этом говорил не только лисий запах — на крыше дымилось дырявое ведро, приспособленное вместо трубы.

Олли Кроллет сел столбиком и насторожённо повёл усами. Было слышно, как в хижине упала на пол тарелка и послышались неразборчивые слова. Но барсука там быть не могло, и следовало двигаться дальше. Олли топнул ногой и поспешил дальше.

Он остановился только по другую сторону леса. Он правильно угадал путь Артура Брука. На ограде Олли Кроллет снова увидел следы барсука и ещё заметил нитки мешковины, зацепившиеся за колючки терновника.

Олли перелез через забор и оказался на лугу. Здесь ему попался капкан на крота, видимо недавно поставленный, — значит, Олли шёл по верному следу. Близился вечер. Из нор выбирались кролики — подышать вечерней прохладой. Один — в голубой курточке — охотился за одуванчиками.

- Дорогой кузен! Питер Пуш! — крикнул ему Олли Кроллет.
- Что случилось, Олли? — спросил Питер, услышав его тревожный голос. — Кто тебя обидел? Коты из коттеджа? Или Гай Горнотай?
- Нет, не они! Это Артур Брук, он побросал в мешок моих детишек и унёс. Ты не видел его с моими малышами?
- Артура Брука? А сколько их в мешке, Олли?
- Семеро, Питер, и все близняшки! Ну, не проходил он здесь? Говори быстрее, пожалуйста!
- Проходил, проходил... минут десять назад. Он сказал, что у него там гусеницы. Но для гусениц они слишком сильно брыкались.
- Так куда он пошёл? В какую сторону, кузен?
- Постой, не сбивай меня с мысли. Итак, у него был мешок, в мешке какая-то живность... Я видел, как он ставил капкан на крота. Дай подумать, кузен. Давай-ка Расскажи всё снова, с самого начала.

Ничего не поделаешь, пришлось рассказывать. Когда Олли закончил, Питер Пуш задумчиво проговорил:

— К старости у дядюшки Кроллета, как ни прискорбно, острота мысли сильно притупилась. Но в этой истории я усматриваю два обстоятельства, которые подают нам надежду. Во-первых, нам известно, что детишки живы, а во-вторых, мы знаем, что Артур Брук не так давно съел кусок кекса. Значит, он ляжет спать сытым и оставит крольчат на завтрак.

— Так куда он пошёл?

— Ясно куда. Только успокойся, милый Олли. Раз мистер Виллис засел в своей хижине из хвороста, значит, Артур Брук потопает к другому дому мистера Виллиса, на Бычью Кручу. Догадаться нетрудно, он спрашивал, не передать ли чего моей сестре Плюшке, когда будет проходить мимо её дома.

Плюшка вышла замуж за чёрного кролика Алека Роланда и жила теперь тоже на Бычьей Круче.

Питер Пуш спрятал одуванчики и пошёл вместе с перепуганным отцом семейства. Они пересекли одно поле, другое, третье и стали подниматься в гору по отчётливым следам барсука. Было видно, что каждую дюжину яров барсук останавливался, чтобы перевести дух, и опускал мешок на землю.

— Похоже, Артур Брук совсем выдохся. Мы наступаем ему на пятки, судя по запаху. Какой противный тип! — заметил Питер Пуш.

Солнце ещё грело, его косые лучи скользили по горным пастбищам. Вверх по дороге у входа в свой дом сидела Плюшка, перед ней резвились четверо или пятеро подрастающих крольчат, один чёрный, остальные коричневые.

— Да, я видела, как Артур Брук проходил стороной... — сказала Плюшка.

— Муж дома? — спросил сестру Питер Пуш.

— Вот что вспоминается мне ещё... Артур Брук останавливался передохнуть разок-другой. Он похлопывал по мешку, подмигивал мне и довольно похохатывал...

— Быстрее, Питер, пошли! — воскликнул Олли Кроллет. — Он сейчас превратит крольчат в начинку! И испечёт пирог с крольчатиной!

Кузены снова стали подниматься в гору.

— Алек Роланд был дома, — заметил Олли. — Из норы торчали его чёрные уши. Но почему-то не вышел к нам...

— Они живут почти у самых скал и не хотят ссориться с соседями. Ничего не поделаешь, дорогой кузен!

Когда лес на вершине Бычьей Кручи был уже рядом, кролики насторожились. Высоченные деревья вставали между громадными каменными глыбами: вот тут мистер Виллис и устроил для себя ещё одно жилище. Спрятанный под нависшей скалой и густым кустарником, его дом стоял прямо над крутым обрывом. Кролики пробирались вперёд, тревожно вслушиваясь в шорохи и вглядываясь в заросли.

Дом был похож на пещеру, ветхий свинарник и тюрьму одновременно. Тяжёлая дубовая дверь была на замке.

В закатном солнце окна горели красным пламенем, но огня в кухне не было. Когда кролики заглянули в окно, они увидели холодный очаг с аккуратно сложенным сухим хворостом.

Олли Кроллет облегчённо вздохнул.

Но то, что стояло на кухонном столе, вызывало содрогание. Это было большое блюдо для пирогов с голубым ивовым узором. К счастью, оно было пустым. Рядом лежал большущий нож для резки мяса и ещё топорик.

С того края, где стоял стул, была постелена скатерть, а на ней виднелись вилка с ножом, тарелка, стакан, соль и горчица — словом, стол был полностью сервирован для ужина на одну персону.

Олли с Питером прижали носы к стеклу. Никого не было видно в доме. В кухне царила тишина, даже часы не тикали.

Кузены поползли по камням к другой стороне дома. Там было сыро, дурно пахло и густо рос колючий терновник.

Кролики дрожали от страха и волнения.

— Вот где страсти-мордасти! — вздохнул Олли. — Бедные мои крольчата! Наверно, я больше вас не увижу!

Они подобралась к окну в спальню. Оно было заперто, как и кухонное. Но судя по некоторым признакам, его недавно открывали: свисала оборванная паутина, и на подоконнике остались свежие отпечатки грязных лап.

В спальне было так темно, что вначале они ничего не увидели, но из комнаты доносился громкий размеренный храп. Глаза постепенно привыкали к темноте; вскоре не осталось сомнений, что храп исходил из постели мистера Виллиса — там кто-то спал, свернувшись под одеялом.

— Он улёгся в ботинках, — прошептал Питер.

Дрожащий Олли оттащил Питера от окна.

Артур Брук по-прежнему громко храпел на кровати мистера Виллиса. Никого из кроличьего семейства не было видно.

Кузены опять вернулись к дверям дома и попробовали подцепить задвижку на кухонном окне. Они даже просунули ржавый гвоздь между рамами, но всё было тщетно.

Кролики присели рядышком под окном, перешёптываясь и прислушиваясь к шорохам.

Через полчаса над лесом возшла луна и залила холодным ясным светом и дом под Геркулесовой Скалой, и кухонное окно. Но увы, похищенных крольчат нигде не было видно!

Лунный свет упал на лезвие ножа, блеснул на блюде для пирогов и лёг светлой дорожкой на грязном полу.

Эта дорожка упёрлась в железную дверцу кирпичного очага — духовку старого образца — раньше их топили хворостом.

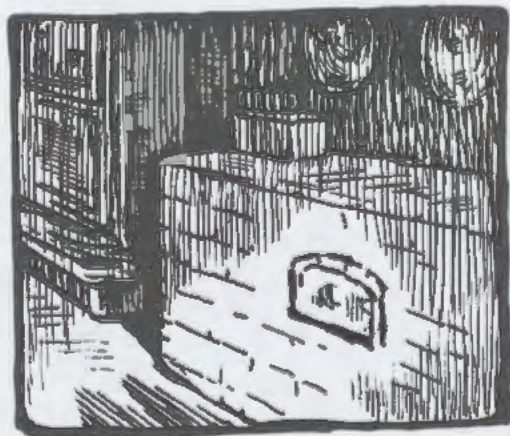
Но тут Питер и Олли заметили, что всякий раз, как они пытались открыть окно, железная дверца подрагивала в ответ. Значит, малыши были живы — только заперты в духовке!

Олли Кроллет так запрыгал от радости, что чуть не разбудил Артура Брука, торжественно храпевшего в постели мистера Виллиса.

Впрочем, открытие было не столь уж утешительным. Окно никак не поддавалось, а крольчата, хоть и были живы, сами не могли выбраться из духовки, они ещё даже не умели ползать — такие они были маленькие.

Олли с Питером долго шептались и наконец решили прорыть подземный ход. Они начали копать на склоне чуть пониже дома, между двумя скалистыми выступами, надеясь проложить ход в кухню. Но пол там покрывала такая грязь, что нельзя было угадать, земляной он или из плиток.

Они копали и копали час за часом. Большие камни мешали прокладывать прямой туннель, но к исходу ночи кролики уже были под полом кухни. Олли теперь лежал на спине и работал лапами, выгребая землю сверху. Когда Питер совсем стёр когти, он вытолкал песок из прорытого хода и выбрался наружу. Светало, всходило солнце, внизу в лесах голосили сойки.

Из тёмного туннеля показался и Олли Кроллет — вытряхнул песок из ушей и вытер лапой лицо.

С каждой минутой над вершиной холма солнце грело всё сильнее. В долине, словно море, разлился густой белый туман, в молочном мареве виднелись лишь золотистые макушки деревьев.

И снова снизу, с покрытых туманом полей, донёсся раздражённый крик сойки и тотчас следом — резкий лай лисицы!

Тут кролики совсем потеряли голову! Они бросились в свой подземный ход и спрятались в глубине, прямо под кухней мистера Виллиса. Глупее ничего нельзя было придумать.

А мистер Виллис поднимался к Геркулесовой Скале в самом дурном расположении духа. Во-первых, он разбил тарелку. Винить тут он не мог никого, кроме себя, но тарелка была тонкого фарфора, последняя из обеденного сервиза, который достался ему от бабушки, миссис Рыжелии Виллис. Да комары доняли вконец. И ещё не удалось поймать фазаниху, сидевшую на яйцах. А яиц и было-то всего пяток, из них два тухлых. Ночь для мистера Виллиса прошла безрадостно.

Обычно, когда у него портилось настроение, мистер Виллис переезжал на другую квартиру. Теперь он отправился на озеро, в дупло старой ивы, но там оказалось сыро, и что того хуже — выдры бросили под дерево дохлую рыбину. Мистер Виллис не выносил вида и запаха чужих отбросов, своих он, правда, не замечал.

Поднимаясь в гору, он заметил следы барсука — их с другими не спутаешь. Так бесцеремонно раздирал мох только Артур Брук.

Мистер Виллис яростно ударил тростью о землю и выругался: он понял, куда держал путь Артур Брук. Раздражение мистера Виллиса нарастало с каждым шагом, вдобавок его злила приставучая сойка. Птица перелетала с дерева на дерево и дразнилась:

— Ли-ис, ли-ис, кис-кис!

Из-за неё вся округа могла узнать, что где-то рядом крадёт лисица или кошка. Один раз, когда сойка с криком пронеслась над его головой, он даже щёлкнул зубами и рывкнул.

Мистер Виллис неслышно приблизился к дому, сжимая в руке большой ржавый ключ, и втянул носом воздух — бакенбарды его ошетинились. Дом был заперт, но хитрый лис заподозрил чьё-то присутствие. Он повернул ржавый ключ в замке — кролики слышали лязг из подземного хода. Мистер Виллис осторожно открыл дверь и вошёл.

Вид кухни мистера Виллиса, представший глазам мистера Виллиса, привёл в бешенство мистера Виллиса. И стул мистера Виллиса, и блюдо для пирогов мистера Виллиса, и его нож, и вилка, и горчица, и соль, и скатерть, которую он оставил в буфете, несомненно, всё это было приготовлено к завтраку или ужину для мерзкого Артура Брука.

К счастью, мистер Виллис не учуял кроликов, их запах перебивал смешанный запах свежей земли и грязного барсука.

Всё внимание мистера Виллиса занимал теперь шум — глубокий, равномерный, ворчливо-похрапывающий, и шум этот шёл из его собственной спальни.

Мистер Виллис только заглянул в спальню сквозь щёлку приоткрытой двери и тотчас выбежал из дома. Рыжие бакенбарды ещё больше встопорщились, и меховой воротник взъерошился от ярости.

В течение последующих двадцати минут мистер Виллис то на цыпочках крался в дом, то торопливо выбегал из дома. Раз за разом он пробирался всё дальше и дальше — прямо в спальню. Выбежав из дома, он скрёб землю от ярости. А в спальне его не радовал неприятный оскал зубов барсука.

Артур Брук лежал на спине, разинув пасть до ушей, словно ухмыляясь. Он мирно храпел, но один его глаз был не совсем закрыт..

Мистер Виллис входил в спальню — и выходил. Дважды он приходил с тростью и один раз с угольным совком. Но потом передумал и унёс их обратно.

Когда мистер Виллис унёс угольный совок и снова вернулся в спальню, он увидел, что Артур Брук сдвинулся немного набок, но спал, казалось, даже крепче. Барсук был чудовищно ленив, он нисколько не боялся мистера Виллиса, просто ему было удобно в этом доме и не хотелось никуда перебираться.

Мистер Виллис опять вернулся в спальню, на этот раз с бельевой верёвкой. Минуту-другую он внимательно наблюдал за Артуром Бруком и прислушивался к храпу. Храп и в самом деле был очень громкий, но как будто вполне естественный.

Мистер Виллис повернулся спиной к кровати и снял задвижку с окна. Окно скрипнуло, он тотчас обернулся и посмотрел на спящего. Артур Брук моментально зажмурил открытый глаз. Храп продолжался.

А мистер Виллис явно что-то затеял, при этом он сильно нервничал (ведь кровать стояла между окном и дверью в спальню). Он приоткрыл окно и, держа в руке крюк, привязанный к верёвке, положил её на подоконник.

Артур Брук храпел со знанием дела. Мистер Виллис постоял минуту, посмотрел на него и снова вышел из комнаты.

Тогда Артур Брук открыл оба глаза, глянул на верёвку и ухмыльнулся. За окном слышался какой-то шум. Артур Брук тут же зажмурился.

Мистер Виллис вышел через переднюю дверь и двинулся к задней стене дома. По дороге он споткнулся прямо над кроличьей норой. Если бы он знал, кто в ней сидит, он бы мигом выгудил обоих кузенов. Он чуть не придавил их, провалившись одной ногой в подземный ход. К счастью, он подумал, что эту ямку выкопал для него подлый Артур Брук.

Мистер Виллис взял с подоконника верёвку, на секунду прислушался и привязал её одним концом к дереву.

Артур Брук следил за ним через окно правым глазом. Пока ещё он не разгадал замысел мистера Виллиса.

А мистер Виллис сходил к роднику, наполнил ключевой водой огромное ведро и, пыхтя, притащил его в спальню.

Артур Брук воодушевлённо храпел, фыркающая от усердия.

Мистер Виллис поставил ведро у кровати, взялся за крюк, привязанный к верёвке, и застыл в нерешительности, снова вглядываясь в лицо Артура Брука. Тот храпел с такой силой, что казалось, его вот-вот хватит удар, но ухмылялся он уже не так широко.

Мистер Виллис ловко вскочил на стул у изголовья, при этом его задние лапы оказались в опасной близости от барсучьих зубов.

Затем он потянулся вверх и перекинул крюк через раму, на которой должен был висеть полог. (Перед тем как покинуть дом на долгое время, мистер Виллис обычно снимал занавески и убирал их в шкаф. Покрывало и постельное бельё — тоже. Артур Брук возлежал под одеялом на голом матрасе.)

Стоя на шатком стуле, мистер Виллис внимательно посмотрел вниз: Артур Брук и впрямь был непревзойдённым соней!

Казалось, ничем нельзя было нарушить его крепкий сон, даже шуршанием скользящей по одеялу верёвки.

Мистер Виллис благополучно спустился со стула и попробовал снова влезть на него, теперь уже с полным ведром. Он хотел подвесить ведро на крюк над головой Артура и с помощью верёвки, протянутой через окно, устроить тому нечто вроде душа.

Но, будучи от природы тонконогим господином (хотя и мстительным, и даже носившим рыжие бакенбарды), ему не под силу было поднять полное ведро на такую высоту. И он чуть не грохнулся на пол.

Храп усилился и стал оглушительным. Артур Брук дёрнул задней ногой под одеялом, но, как и прежде, продолжал спать безмятежным сном.

Мистер Виллис и ведро спустились со стула без происшествий. Тщательно поразмыслив, он перелил воду в таз и кувшин. Пустое ведро отнюдь не было тяжёлым, и его легко удалось прицепить над головой Артура Брука.

Да, такого сони ещё не бывало! А мистер Виллис то и дело влезал на стул и слезал, слезал и влезал.

Он зачерпывал кувшином воду, поднимался с ним на стул и выливал воду в ведро. Ведро наполнялось и раскачивалось как маятник. Изредка выплёскивалась капля-другая, но Артур Брук по-прежнему равномерно храпел и крепко спал — если не считать приоткрытого правого глаза.

Наконец приготовления были завершены. Ведро было наполнено доверху, и под его тяжестью натянулась верёвка, привязанная за окном к дереву.

— Какая грязь будет у меня в спальне! — горестно вздохнул мистер Виллис. — Но всё равно я ни за что не лягу в свою постель без предварительной генеральной уборки.

Мистер Виллис бросил последний взгляд на барсука и тихо вышел из дома, прикрыв дубовую дверь. Кролики слышали его шаги над подземным ходом.

Он побежал к дереву и стал отвязывать верёвку для того, чтобы ведро свалилось на Артура Брука.

— Моего гостя ждёт приятное пробуждение, — пробормотал мистер Виллис.

Но стоило ему выйти, как Артур Брук тотчас вскочил; быстро скатал халат мистера Виллиса в рулон, положил на матрас, накрыл одеялом и, широко ухмыляясь, тоже покинул комнату.

Барсук пришёл на кухню, не спеша развёл огонь, вскипятил чайник — видимо, приготовление пирога с крольчатиной он отложил на потом.

Взявшись за верёвку, мистер Виллис обнаружил, что узел под тяжестью ведра затянут слишком крепко — не развязать. Пришлось разгрызать. Он грыз почти полчаса. Наконец верёвка оборвалась и вы-

рвалась у него из пасти едва не вместе с зубами, а он отлетел в сторону и сильно ударился головой о землю.

А в спальне хлынул ливень, громом загрохотало по полу ведро.

Но не было ни крика, ни стога. Мистер Виллис был озадачен: он замер и насторожил уши. Потом заглянул в окно. Потоки воды стекали с кровати, пустое ведро закатилось в угол.

На кровати под одеялом лежало что-то мокрое, расплющенное посередине, словно ведро свалилось ему прямо на живот. Голова была скрыта под мокрым одеялом, но это что-то больше не храпело.

Не слышалось ни шороха, ни звука, только — кап-кап-кап — стекала вода с матраса.

Полчаса любовался этим зрелищем мистер Виллис, глаза его горели.

Затем он подпрыгнул от радости и так расхрабрился, что постучал в окно, но под одеялом никто не шелохнулся.

Да, нечего сомневаться, вышло даже лучше, чем он ожидал: ведро свалилось на старину Брука и пришибло беднягу насмерть!

— Закопаю мохнорылого в ямку, которую он вырыл для меня, — пробормотал мистер Виллис. — Выстираю скатерть

и разложу на траве, солнце её отбелит. Одеяло вынесу просушить и проветрить. Кровать как следует продезинфицирую, прокалю сковородкой с угольками и прогрею бутылкой с горячей водой. Возьму жидкое мыло, и хозяйственное мыло, и всякое-всякое мыло, и соду, и щётку, и персидский порошок от клопов, и карболку от запаха. Протестирую и ещё пожгу серу. Вначале углублю ямку для могилки, — рассуждал мистер Виллис, спеша на кухню за лопатой. — А потом выволоку этого малого в одеяле.

Он открыл дверь...

За кухонным столом мистера Виллиса восседал, ухмыляясь, Артур Брук. Из чайника мистера Виллиса он наливал чай в чашку мистера Виллиса. Артур Брук был совершенно сухой. Он взял чашку с горячим-прегорячим чаем и выплеснул его на мистера Виллиса.

Мистер Виллис тотчас бросился на Артура Брука.

Вотчаянной схватке они перебили всю посуду. Каждый раз, когда полка или стул с треском падали над кроликами, они ждали, что пол вот-вот провалится.

Кролики выбрались из подземного хода и притаились в кустах среди больших камней, с волнением прислушиваясь к происходящему в доме. А там шло сражение. Крольчата за железной дверцей тряслись от страха, но можно сказать, им повезло, что они были заперты в духовке.

Всё было перевёрнуто вверх дном, лишь кухонный стол остался на месте.

Были перебиты глиняные горшки и фарфор.

Стулья были сломаны, окно разбито, со стены упали часы, в воздухе летали клочки волос, выданные из рыжих бакенбард мистера Виллиса. Уцелели только камин и каминная решетка.

С камина попадали вазы, с полки — жестяные банки, с крюка в камине сорвался кипящий чайник. Артур Брук влез ногой в горшок с малиновым джемом. А мистер Виллис ошпарил себе хвост кипятком.

Когда с крюка сорвался чайник, Артур Брук, по-прежнему ухмыляясь, одолевал мистера Виллиса — выкатывал его как бочку за дверь.

Теперь они рычали и катались на лужайке, пока не сцепились в клубок и не покатались под гору, ударяясь о валуны.

С тех пор Артур Брук и мистер Виллис едва здороваются.

Из кустов вышли Питер Пуш и Олли Кроллет.

— Ну, давай, Олли! Беги за малышами! А я покараулю у дверей.

Но Олли Кроллет боялся:

— Вдруг они вернуться!

— Нет, не вернуться.

— Вернутся.

— Но как страшно они ругаются! Должно быть, свалились в камеломню.

И всё же Олли медлил.

— Ну, беги, не бойся, — торопил его Питер Пуш. — И не забудь закрыть духовку, а то он сразу заметит пропажу.

Да, много чего в тот день произошло на кухне мистера Виллиса!

Тем временем дома, в кроличьей норе, все пребывали в тревоге и ожидании.

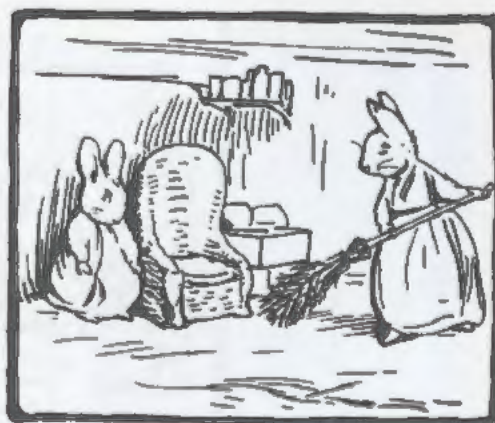
Мистер Оливер Кроллет Старший поругался за ужином с Пампушкой. Оба провели бессонную ночь и снова повздорили за завтраком. Мистер Кроллет больше не отпирался, что это он пустил гостя в кроличью нору, но отказывался отвечать на Пампушкины вопросы и упрёки. День прошёл в тягостном ожидании.

Мистер Оливер Кроллет Старший надулся, забился в угол и забаррикадировался креслом. А Пампушка унесла его трубку и спрятала табак. Чтобы дать выход своим чувствам, невестка сделала полную перестановку мебели и устроила генеральную уборку. Она только-только её закончила. Укрывшись за креслом, старый Кроллет с опаской ждал её следующего шага.

Тем временем, нервно подрагивая хвостом в густом облаке пыли, Олли Кроллет пробирался по разгромленной кухне мистера Виллиса. Он открыл железную дверцу духовки, протянул руку и наткнулся на что-то тёплое и дрожащее. Он бережно вытащил пушистые комочки и вернулся к Питеру Пушу.

— Они у меня! Теперь бежим? Спрячемся?

Питер Пуш насторожил уши: лесное эхо ещё доносило отголосок далёкого сражения.

— Тронулись! — наконец сказал он.

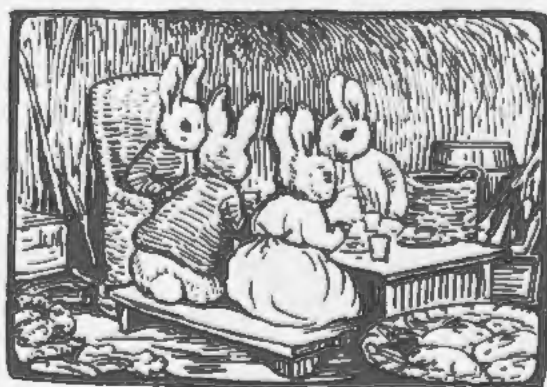
Пять минут спустя с Бычьей Кручи промчались два запыхавшихся кролика. Они несли, а местами тащили мешок волоком... Пум-пум-пум... — прыгал мешок по траве. Они благополучно домчались до дома и влетели в кроличью нору.

Мистер Оливер Кроллет Старший вздохнул с великим облегчением, а Пампушка подскочила от радости, когда Питер и Олли явились с молодым поколением. Крольчата были изрядно помяты и очень проголодались. Их накормили и уложили спать. Скоро они совсем пришли в себя.

Старик Оливер был прощён. Ему подарили новую длинную трубку и большую пачку кроличьего табака. Он долго отказывался, но в конце концов всё же принял подарки.

Пампушка усадила всех обедать. И тогда Питер Пуш и Олли Кроллет рассказали о своих приключениях. Было немного жаль, что они не дождались окончания сражения между Артуром Бруком и мистером Виллисом и не могли рассказать, чем закончилась битва под Геркулесовой Скалой.

Поросёнок Хью

1913

Сказка о рождественском поросёнке.
Посвящается Сесили и Чарли.

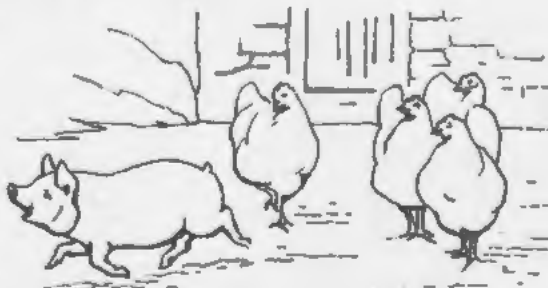

У старенькой тётушки Салли было восемь детишек. Четырёх девочек звали Фина, Элен, Пенелопа и Пегги, а четырёх мальчиков — Александр, Хью, Гарри и Чинарик. К несчастью, Чинарик попал в переделку и лишился хвоста.

У поросят был отличный аппетит.

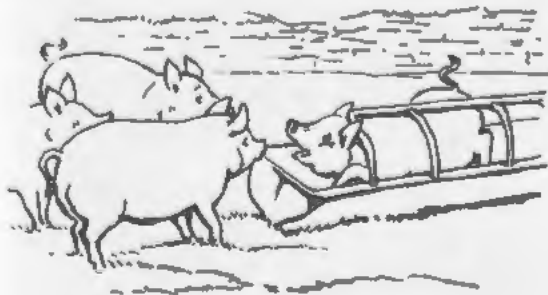
— Да, похрюпать мы любим, — говаривала тётушка Салли, с гордостью оглядывая своё семейство.

Как-то раз я услышала пронзительный визг — это Александр застрял между прутьями кормушки. Мы с тётушкой Салли вытащили его за задние ноги.

Тогда же в корзине с выстиранным бельём мы нашли какую-то грязную хрюшку.

— Это ещё кто такая? — сердито проворчала тётушка Салли.

С поросёнком Гарри тоже приключилась беда: во время купания он проглотил кусок мыла.

В поросячем семействе все малыши — розовые или розовые с чёрными пятнышками, а эта совсем чёрная. Её окунули в кадку с тёплой водой, потёрли щёткой, и из почерневшей воды вышла сияющая розовощёкая Элен!

Как-то раз я пошла в сад и обнаружила там Пегги и Фину: они выдёргивали морковку. Я их отшлёпала и вытащила за уши с грядок. Пегги вырывалась и пыталась кусаться.

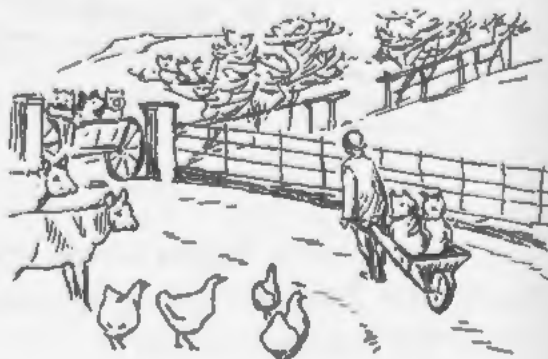
— Тётушка Салли, — сказала я наконец. — Вы дама уважаемая, но ваше молодое поколение воспитанностью не отличается. Пенелопой и Хью вы можете гордиться, но остальные то и дело попадают в какие-то истории.

— Ваша правда! — вздохнула тётушка Салли. — А как молоко хлещут — вёдрами! Просто беда! Хоть вторую корову заводи.

Так что красавицу Пенелопу я, пожалуй, оставляю дома — помогать по хозяйству, а с другими придётся расстаться. Всё равно четыре поросёнка и четыре хрюшки — многовато! Что и говорить, — снова вздохнула тётушка Салли, — без лишних ртов еды у нас будет больше.

Гарри и Фина уехали в тачке, а Чинарик, Элен и Пегги укатили в двуколке.

Последние два поросёнка, Хью и Александр, должны были отправиться на рынок пешком. Мы им почистили сюртучки, завили хвостики и простились с ними у ворот.

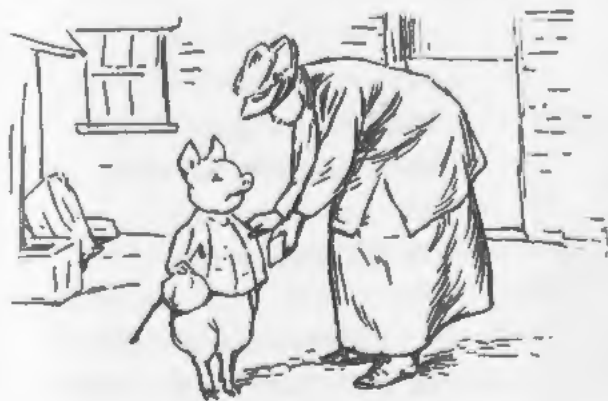
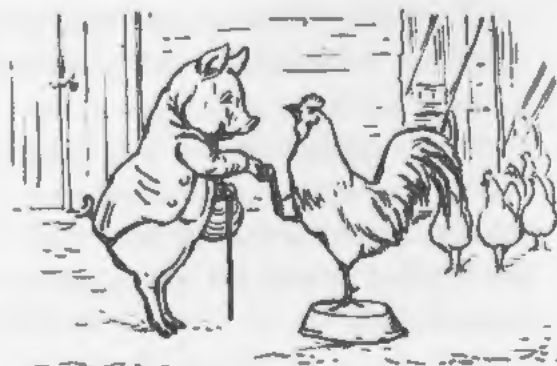
Тётушка Салли приложила к глазам большой носовой платок, потом наклонилась к поросёнку Хью и, роняя слёзы, утёрла ему нос, а затем передала платок Пенелопе.

— Хью, сынок, — со вздохом сказала тётушка Салли, — вы с Александром пойдёте на рынок. Возьми брата за руку. Не перепачкай свой воскресный костюм и не забывай вовремя высмаркивать нос. — С этими словами тётушка Салли взяла у Пенелопы платок и снова всем поочерёдно вытерла носы. — Берегитесь капканов, держитесь подальше от курятников, помните, что яичницу часто жарят с ветчиной и что ходить нужно только на задних ножках.

Хью не был плаксой, но, когда он посмотрел на мать, по его щеке скатилась большая слеза.

— Александр, — обратилась к другому поросёнку тётушка Салли, — возьми за руку своего брата Хью, вы идёте на рынок. Следите за указателями дорог и мильными камнями и не подбирайте селёдочные кости.

Поросёнок Хью слушал очень внимательно, а Александр — с безнадёжно легкомысленным видом. Документы я положила им в жилетные карманы и пришила булавками, чтобы не потерялись.

— Запомните, — добавила я внушительно, — что, если вы пересечёте границу графства, обратно дороги не будет. Александр, не отвлекайся. Вот две лицензии, каждая даёт право одному поросёнку идти на рынок в Ланкашире. Послушай, Александр, эти бумаги мне выдал полицейский, и получить их было не так уж просто.

Тётушка Салли выдала поросятам по узелку с едой и по восемь мятных леденцов в бумажных фантиках, на которых были написаны поучительные наставления на все случаи жизни. С этим поросята и отправились в путь.

Они прошли мимо, Хью бежал ровной рысцой, а Александр скакал от одной стороны дороги к другой. Он приплясывал, щипал брата и напевал:

Эта свинка шла на рынок,
Эта — дома без ботинок,
Эта съела пять котлет,
А у той котлеты нет.

Эта плачет: — Где я? Где?
Неужели быть беде?
Где дорога, где мой дом —
За рекою? За холмом?

Он допел и тут же начал
снова:

Эта свинка шла на рынок,
Эта — дома без ботинок,
Эта съела пять котлет...

Послушай, Хью, — воскликнул Александр, — давай посмотрим, что нам приготовили на обед!

Братья расположились под деревом и развязали узелки. Александр проглотил свой обед в одну секунду, с леденцами он уже давно покончил.

— Хью, дай, пожалуйста, один из твоих «наставительных», — попросил Александр.

— Я хотел бы придержать их на случай чрезвычайных обстоятельств... — неуверенно возразил Хью.

Александр заливисто расхохотался и уколол брата булавкой, которой была пришпилена его лицензия. Хью шлёпнул его по щеке, Александр уронил булавку и попытался тогда вытащить булавку из жилета Хью — при этом все бумаги перепутались.

Хью отчитал Александра.

Но они быстро помирились и снова тронулись в путь, напевая:

Том на дудочке играл,
Поросёнка Том украл.
Пела дудочка в руке:
«За холмами, вдалеке».

— Позвольте, позвольте, юные господа! Кто украл поросёнка? Позвольте взглянуть на ваши лицензии, — вдруг неожиданно сказал полицейский.

Братья столкнулись с ним за поворотом.

Хью вынул свою лицензию, а Александр, порывшись в карманах, протянул полицейскому какую-то смятую бумажку.

— «Две с половиной унции леденцов за три фартинга», — прочитал полицейский. — Это ещё что? Это не лицензия.

У Александра вытянулась мордочка: он потерял лицензию.

— У меня была лицензия! — закричал он. — Честное слово, господин полицейский!

— Разумеется, вас бы не отправили на рынок без лицензии. Я провожу вас до вашей фермы, мне как раз по пути. Извольте следовать за мной.

— А можно мне вместе с вами вернуться обратно? — спросил Хью.

— Не вижу причины, юноша. Ваши бумаги в полном порядке.

Поросёнку Хью совсем не хотелось продолжать путь одному, к тому же начал накрапывать дождь. Но никто в здравом рассудке не вступает в пререкания с полицией: Хью дал брату мятный леденец, а потом долго смотрел ему вслед, пока поросёнок и полицейский не скрылись из виду.

Вот так и закончились приключения Александра. Уже настал час вечернего чая, когда полицейский постучал в дом. Мы открыли: позади полицейского стоял мокрый пристыжённый поросёнок. Я отдала Александра соседям — он скоро привык к новому месту и жил-поживал, не зная печали.

А огорчённый поросёнок Хью продолжал путь в одиночестве, пока не пришёл к перекрёстку с указателем дорог: «На рынок в Городок — 5 миль», «Туда, за холмы, — 4 мили», «На ферму Салли — 3 мили».

Поросёнок Хью расстроился: сегодня он не успеет добраться до рынка и заночевать в Городке, а ярмарка уже завтра. Просто ужас сколько времени он потерял из-за легкомысленного Александра!

Он бросил печальный взгляд на дорогу, уходящую за холмы, и под дождём, застегнувшись на все пуговицы, двинулся по той, что вела на рынок в Городок. По правде говоря, ему совсем туда не хотелось. Он с отвращением думал о том, как будет стоять один в рыночной толчее и все будут глазеть на него, оценивая, и в конце концов его наймёт какой-то верзила-фермер.

— Эх, был бы у меня свой садик-огородик, я бы картошку посадил, — мечтательно вздохнул Хью.

Он сунул озябшую лапу в правый карман и нащупал свою лицензию, сунул другую лапу в левый карман и обнаружил ещё одну бумагу — лицензию Александра! Поросёнок взвизгнул и, не раздумывая, помчался обратно, надеясь догнать брата с полицейским. По ошибке он повернул не туда, потом ещё и ещё раз и совсем заблудился. Темнело, свистел ветер, деревья кряхтели и постанывали.

Поросёнок Хью испугался и жалобно пробормотал:

Заблудился... Где я? Где?
 Неужели быть беде?
 Где дорога, где мой дом —
 За рекою? За холмом?

Проплутав целый час, он выбрался из леса на пригорок. Луна вышла из облаков, и поросёнок увидел совершенно незнакомые места.

Дорога проходила по широкой вересковой долине, в лунном свете поблёскивала речушка, а в туманном далеке вставали холмы.

Хью заметил деревянный сарайчик и направился к нему.

— Очень похоже на курятник... Но что же делать? — пробормотал вымокший, продрогший и ужасно уставший поросёнок, пробираясь внутрь.

— Яичница с ветчинко-ко-кой! С ветчинко-ко-кой! — квохтала курица на насесте.

— О-короко-ко! Окорок-о-ко! С окоро-ком! — возражал ей петух.

— На рынок, коко! Рынко-ко-ко! Ярмарка-а-а! — квохтала белая несушка, сидевшая рядом с петухом.

Поросёнок Хью весьма встревожился и решил уйти на рассвете. А пока что он заснул вместе с курами.

Не прошло и часа, как все проснулись. Хозяин, мистер Томас Дудит, пришёл с фонарём и большой корзиной, чтобы отловить поддюжины птиц и поутру отвезти на рынок. Он схватил белую несушку, сидевшую рядом с петухом, и бросил в корзину. Вдруг его взгляд упал на забившегося в угол поросёнка Хью.

— Ага, вот ещё один! — только и сказал мистер Дудита, схватил поросёнка за загривок и швырнул в корзину. А сверху побросал ещё пять грязных кур — они ца-рапались и кудахтали:

— Куд-куда? Куда? Куда?

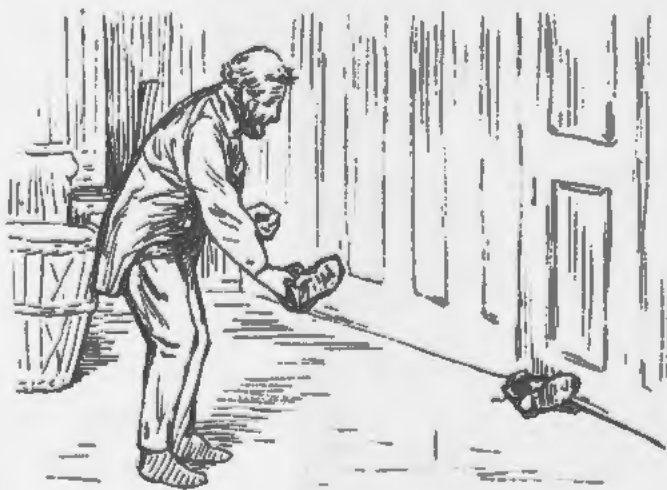
Корзина с шестью птица-ми и поросёнком была от-нюдь не лёгкой ношей, ми-стер Дудита нёс её под гору, спотыкаясь и стучаясь о неё коленом. Куры чуть не разодрали поросёнка в клочья, но Хью всё-таки уберёт документы и леденцы под одеждой.

В конце концов корзину бросили на пол в кухне, крышку открыли и поросёнка вынули. Хью поднял глаза: над ним склонился чрезвычайно уродливый пожилой господин с ухмылкой до ушей.

— Во всяком случае этот пришёл сам, — сказал мистер Дудита, выво-рачивая карманы поросёнка.

Он затолкнул корзину в угол, набросил на неё мешок, чтобы куры утихли, поставил чайник на огонь и расшнуровал ботинки.

Поросёнок пододвинул к очагу низкий трёхногий та-бурет и присел на краешек, робко протянув лапы к огню. Мистер Дудита снял ботинок и швырнул его в дальний угол кухни.

Послышался какой-то при-глушённый звук.

— Заткнись! — рявкнул ми-стер Дудита.

Поросёнок Хью наблюдал за ним, греясь у очага.

Мистер Дудита снял второй ботинок и швырнул туда же. Снова раздался загадочный звук.

— Когда ты утомишься?! — раздражённо проговорил мистер Дудита.

Хью сидел на самом краешке трёхногого табурета, боясь пошевелиться.

Мистер Дудита достал крупу из буфета и принялся варить кашу. Из угла то и дело доносились какие-то звуки.

«Кажется, тот, кто сидит в углу, тоже хочет каши», — подумал поросёнок, но он был слишком голоден, чтобы обращать внимание на посторонние звуки.

Мистер Дудита разложил кашу в три тарелки: для себя, для Хью, а третьей тарелку, покосившись на поросёнка, запер в буфет. Хью без возражений съел свой ужин.

После ужина мистер Дудитл полистал календарь фермера и ощупал поросёнка: для копчения грудинки сезон уже прошёл, и ему стало жаль каши, которую съел Хью. Да и куры уже видели этого поросёнка...

Он взглянул на остатки копчёного свиного бочка и неуверенно посмотрел на поросёнка.

— Можешь лечь на ковре, — сказал мистер Томас Дудитл.

Поросёнок Хью спал как убитый.

На следующий день потеплело. Утром мистер Дудитл снова сварил кашу. Заглянув в буфет, фермер проверил, сколько осталось крупы, — казалось, он остался недоволен.

— Тебе, наверно, скоро в дорогу? — спросил он поросёнка.

Хью не успел ответить: у ворот свистнул сосед, который согласился подвезти на рынок мистера Дудитла с курами. Мистер Дудитл заторопился, подхватил корзину и велел поросёнку закрыть за ним дверь.

— И не суй свой пороссячий нос куда не следует. А не то вернусь и сдеру с тебя шкуру! — пригрозил мистер Дудитл.

Поросёнку пришло в голову, что, если бы он *тоже* попросил подвезти его, то успел бы на рынок.

Но он не доверял Томасу Дудитлу.

Неторопливо закончив завтрак, Хью огляделся: всё в доме было закрыто. В крошечной кухне у чёрного хода он нашёл ведро с картофельными очистками. Очистки поросёнок съел, а в ведре вымыл тарелки от каши.

За работой он напевал:

Том на дудочке играл,
Поросёнка Том украл.
Пела дудочка в руке:
«За холмами, вдалеке».

Выходите, люди-звери,
Дудка дует в окна, двери.
Пойте, рыбины в реке,
«За холмами, вдалеке»!

Вдруг тихий, приглушённый голос стал подпевать:

Туда, за холмы, где дороги спят,
Ветер сорвёт-унесёт мой бант!

Хью поставил на полку тарелку, которую вытирал полотенцем, и прислушался.

Обождая некоторое время, поросёнок прошёл на цыпочках к большой кухне и осторожно заглянул. Там никого не было.

Выждав ещё какое-то время, Хью подошёл к запертому стенному шкафу и прижал нос к замочной скважине. Внутри было тихо.

Ещё немного обождая, поросёнок взял мятный леденец и подсунул под дверь шкафа. Леденец тотчас исчез.

В продолжение дня поросёнок подсунул под дверцу все остальные шесть леденцов.

Когда мистер Дудита вернулся, поросёнок сидел у очага: он подмёл каминную плиту и поставил на огонь котелок с водой; кашу он сварить не мог: крупа была заперта в буфете.

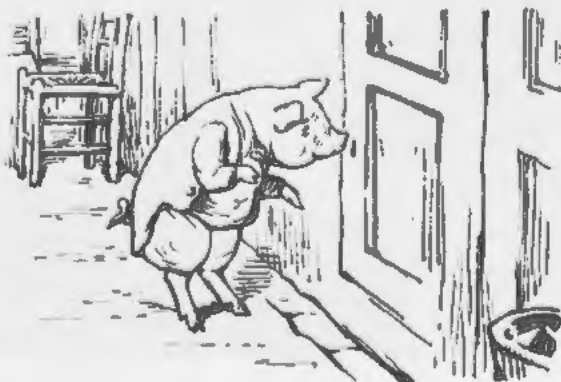
Мистер Дудита был очень приветлив: похлопал поросёнка по спине, сварил много каши и даже забыл запереть ящик, где хранилось мясо. Он повернул ключ в замке стенного шкафа, но не прикрыл дверь как следует — и рано пошёл спать. Да ещё наказал поросёнку ни в коем случае не будить его раньше двенадцати.

Поросёнок Хью сидел у огня, поедая свой ужин.

Вдруг у него за спиной прозвучал тихий голосок:

— Меня зовут свиночка Нэнси. Сварите мне ещё каши, пожалуйста!

Поросёнок Хью подскочил от неожиданности и обернулся.

У него за спиной стояла очаровательная чёрная свинка беркширской породы и улыбалась. У неё были блестящие, чуть навывкате глазки, двойной подбородочек и вздёрнутый носик.

Она кивнула на недоеденный ужин поросёнка — он торопливо протянул ей свою тарелку и бросился к буфету за крупой.

— Как вы сюда попали? — спросил Хью.

— Да краденая я, — ответила Нэнси с набитым ртом.

Поросёнок и себе накладывал кашу без лишнего стеснения.

— Ради чего? — спросил Хью.

— Ради ветчины, копчёной корейки, сала, — бодро ответила свиночка Нэнси.

— Почему же вы не бежите отсюда? — воскликнул Хью в ужасе.

— После ужина непременно, — решительно сказала Нэнси.

Поросёнок Хью сварил ещё каши и украдкой наблюдал, как она ест.

Свиночка прикончила вторую тарелку, встала и огляделась, словно приготовилась в дорогу.

— В темноте идти нельзя, — сказал Хью.

Нэнси задумалась.

— А днём вы найдёте дорогу домой? — спросил Хью.

— Я знаю, что белый домик, где я живу, виден с холмов за рекой. А вам в какую сторону, мистер?

— На рынок. У меня две свиные лицензии. Я мог бы проводить вас до моста, если позволите, — смущённо сказал поросёнок, сидя на краешке трёхногого табурета.

Нэнси принялась благодарить его и засыпала столькими вопросами, что он уже не знал, как на них отвечать. Тогда Хью решил закрыть глаза и притвориться спящим. Нэнси притихла. Вдруг сильно запахло мятой.

— Я думал, что вы их съели, — открыв глаза, сказал поросёнок.

— Только краешки обгрызла, — ответила свиночка Нэнси, стоя у огня и с любопытством изучая поучительные наставления на фантиках.

— Лучше бы вы их убрали подальше, а то он учует их сквозь пол, со второго этажа, — встревожился поросёнок.

Нэнси положила липкие леденцы в карман.

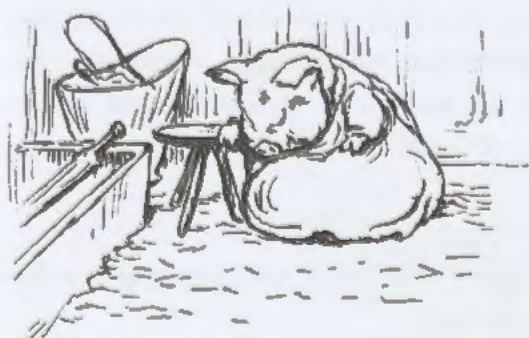
— Спойте что-нибудь! — потребовала она.

— Извините, пожалуйста... У меня болит зуб, — испуганно пробормотал поросёнок.

— Тогда я спою, — сказала свиночка Нэнси.

Хью сидел, прикрыв глаза, и наблюдал за ней.

Она раскачивалась на табуретке, отбивая такт, и тихо пела приятным хрипловатым голоском:

Было три сына у тётушки Хрю.

Они говорили «ням-ням» и «хрю-хрю».

«Ням-ням» означало «а где же еда?».

«Хрю-хрю» — это так, пустяки, ерунда.

Она удачно спела ещё один куплет, только с каждым словом кивала головой всё ниже, и её блестящие глазки закрывались:

Вот так поживали, всё время жевали:
То булку, то клевер, то тётушкин веер.
И вдруг разучились «ням-ням» говорить
И стали худеть на глазах и хандрить.

- Худели-худели и больше не ели.
Не ели, не ели, совсем похудели...
И к лучшим они обращались врачам,
Но так и не вспомнили слово «ням-ням»...

Нэнси всё сильнее клевала носом, пока не съехала с табурета на коврик у очага.

Поросёнок Хью подошёл на цыпочках и укрыл её вышитой салфеткой.

Сам он боялся ложиться спать и остаток ночи просидел, слушая верещание сверчков, а наверху трубно храпел мистер Дудитл.

Рано утром, перед рассветом, поросёнок приготовил свой дорожный узелок и разбудил свиночку Нэнси. Она сразу заволновалась, ей было немного страшно.

— Но ведь темно! Как мы пойдём? — беспокоилась она.

— Уже прокричал петух, надо успеть до того, как выйдут куры из курятника. Они будут кричать во всё горло: «Куда? Куда?» И несущки сразу же донесут на нас мистера Дудитлу.

Свиночка Нэнси снова села и расплакалась.

— Пойдёмте, Нэнси! Надо немного привыкнуть к темноте, и всё будет видно. Идёмте! Я слышу, как они квохтут!

Ни разу в жизни ни одной курице Хью не сказал «кшшш»! Он был миролюбивый поросёнок. Но он не забыл, как вели себя куры в корзине.

Он тихо-тихо открыл дверь и так же тихо закрыл её за собой, когда они вышли. Сада вокруг дома не было, всю зелень ободрали куры. Держась за руки, поросёнок и свинка побежали через грязное поле к дороге.

Взошло солнце, когда они шли через вересковую пустошь: вначале ярко осветились вершины холмов, затем солнечные лучи поползли вниз по склонам — в тихие зелёные долины, где белые домики сидели в своих садах, как в гнёздышках.

— Это Вестморленд, — сказала свиночка Нэнси. Она выпустила руку поросёнка и принялась танцевать и петь:

Том на дудочке играл,
Поросёнка Том украл.
Пела дудочка в руке:
«За холмами, вдалеке»!

— Идёмте, Нэнси, нам надо успеть дойти до моста, прежде чем проснутся люди.

— Поросёнок, зачем вы хотите попасть на рынок? — спросила Нэнси.

— Вовсе я не хочу, я хочу сажать картошку.

— Дать вам леденец? — спросила свиночка.

Хью сердито отказался.

— Ваш бедный зубик всё ещё болит? — спросила Нэнси.

В ответ Поросёнок недовольно хрюкнул.

Нэнси положила леденец в рот и пошла по другой стороне дороги.

— Свиночка Нэнси, держитесь ближе к забору, там кто-то пашет, он может нас заметить.

Свиночка Нэнси снова перешла дорогу, и они торопливо зашагали под гору к границе графства.

Вдруг поросёнок остановился: послышался скрип колёс.

Навстречу, ниже по дороге, неспешно катилась двуколка.

В ней сидел бакалейщик и читал газету, спущенные поводья хлопали по спине лошади.

— Выньте конфету изо рта, Нэнси, нам, возможно, придётся бежать. И не говорите ни слова. Положитесь на меня... А ведь до моста-то рукой подать! — воскликнул бедный поросёнок, чуть не плача.

Он взял свиночку Нэнси под руку и пошёл, сильно припадая на одну ногу.

Когда они поравнялись с двуколкой, лошадь фыркнула и шарахнулась в сторону — бакалейщик оторвался от газеты и натянул поводья, а кнут опустил на землю.

— Здорóво! Вы-то куда направились?

Поросёнок рассеянно поглядел на него.

— Никак оглохли? На рынок идёте?

Поросёнок медленно кивнул.

— Я так и подумал. А ярмарка уже закончилась. Лицензии у вас есть?

Поросёнок внимательно разглядывал заднюю ногу лошади: в подкове застрял камень.

Бакалейщик щёлкнул кнутом:

— Документы! Свиные лицензии!

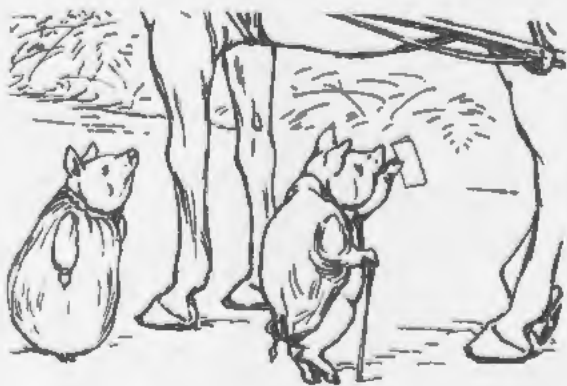
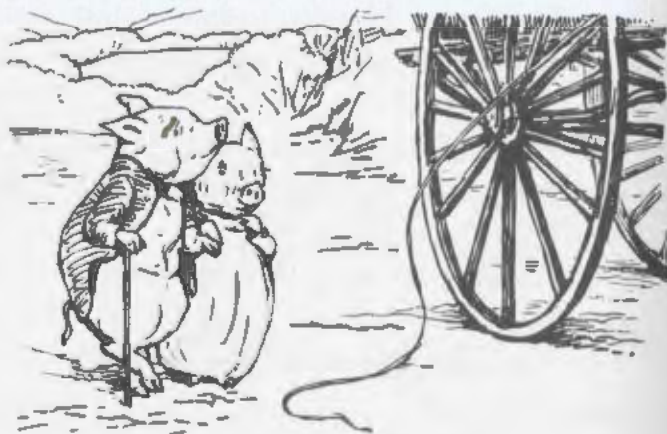
Поросёнок покопался в карманах и протянул бумаги: бакалейщик прочитал, что там было написано, но остался недоволен.

— Эта свинья с вами — молодая леди. Значит, её зовут Александром?

Свиночка Нэнси открыла рот... и закрыла, а поросёнок закашлялся.

Бакалейщик перевернул газету и стал водить пальцем по колонке объявлений:

— «Пропавшая, краденая или заблудшая. Вознаграждение — 10 шиллингов». — Он с подозрением посмотрел на свиночку Нэнси. Потом он приподнялся и свистнул пахарю. — Обождите меня здесь, пока я съезжу и спрошу его кое о чём, — сказал бакалейщик, берясь за вожжи. Он знал, что свиньи запросто могут дать дёру, но хромые-то не бегают!

— Ещё рано, Нэнси, он может оглянуться, — предупредил Хью спутницу.

Бакалейщик оглянулся: две свинки смиренно стояли посреди дороги. Потом он посмотрел на копыта лошади, лошадь тоже хромала: ему ещё придётся выбить камень из подковы — на это уйдёт время...

— Ну, Нэнси, понеслись! — воскликнул поросёнок Хью.

Никогда ещё свиньи не бежали так быстро, как эти двое!

Они с визгом мчались вниз по склону белого холма — к мосту.

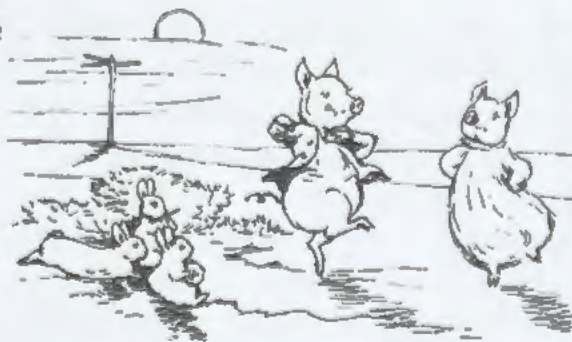
Нэнси неслась, подпрыгивая на бегу, платице её развевалось, а ножки топали: топ-топ-топ.

Они бежали, бежали, бежали, у подножия холма свернули с дороги и помчались прямо по зелёной траве, мимо камышовых зарослей, добежали до прибрежной гальки, —

и дальше — вон туда — к реке,
и по мосту — рука в руке —
быстрее,
Хью и Нэнси!

И за холмами, вдалеке —
там, за холмами, вдалеке
танцуют
Хью и Нэнси!

Сказка
про
Джонни
Горожанина

1918

Посвящается Эзопу.

Деревенский мышонок Вилли попал в город совершенно случайно. А дело было вот как.

Раз в неделю садовник укладывал овощи в плетёную корзину и оставлял у ворот. Потом за ней приезжала двуколка.

Однажды Вилли пробрался в корзину между прутьями, налопался зелёного гороху и крепко заснул.

Он проснулся в испуге: корзину качнуло, её подняли и поставили на двуколку. Повозка дёрнулась, цокнули копыта — и остановилась. В повозку побросали тяжёлые свёртки, тюки и узлы. Двуколка тронулась и покатила — трюх-трюх-трюх, милья за мильей, перетряхивая баклажаны и огурцы, среди которых дрожал от страха Вилли.

Наконец двуколка остановилась, корзину отнесли в дом и поставили на пол. Повариха дала вознице монетку в шесть пенсов, захлопнула дверь, и двуколка укатилась, грохоча по мостовой. Но тишина всё не наступала: за окнами стучали колёса экипажей, лаяли собаки, кричали мальчишки, хохотала повариха, вверх-вниз по лестнице топала служанка и, как паровоз, свистела канарейка.

Городской шум до смерти напугал Вилли, привыкшего к тишине в деревенском саду.

А повариха откинула крышку корзины и принялась доставать из неё овощи.

Тут Вилли и выпрыгнул наружу.

— Мышь! — взвизгнула повариха. — Кошку сюда! Кочергу! Сара, тащи кочергу!

Вилли не стал дожидаться, когда появится Сара с кочергой, и бросился бежать вдоль стены. Он сразу же нашёл щёлку, юркнул в неё и провалился куда-то вниз.

Пролетев с полфута, он плюхнулся прямо на праздничный стол, накрытый для званого обеда, и разбил три рюмки. За столом — во фраках, при белых галстуках — сидели мыши.

— Это ещё кто такой? — возмутился Джонни Горожанин. Но он быстро узнал земляка — оба были с одной фермы, только Вилли родился в саду, а Джонни Горожанин — на кухне, в шкафу.

Джонни церемонно представил своего друга из деревни девяти уважаемым гостям с длинными хвостами. К сожалению, у деревенского мышонка хвостик был несолидный. Джонни Горожанин и его друзья сразу же это подметили. Но они были слишком хорошо воспитаны, чтобы делать кому-то замечания. Впрочем, один из гостей всё же спросил, не случалось ли Вилли побывать в мышеловке.

Обед состоял из восьми блюд. Ничего такого-эдакого не подавалось, но обед был по-настоящему изысканный.

Вилли впервые видел все эти блюда и потому боялся к ним даже прикоснуться. Но ему очень хотелось есть и очень хотелось держаться, как принято в обществе.

Непрерывный шум сверху так тревожил Вилли, что он нечаянно уронил тарелку на пол.

— Не беспокойся, это не наши тарелки, — сказал Джонни Горожанин, когда Вилли кинулся собирать осколки. — Скоро принесут десерт, — пригубив вина, добавил он. — Что-то наши мальчики задерживаются.

И немудрено! Всякий раз после подачи очередного блюда мышата-официанты мчались наверх, на кухню, и устраивали там весёлую беготню. То и дело они с хохотом и визгом скачивались вниз по лестнице. С ужасом Вилли узнал, что там, наверху, за ними гоняется кошка.

Ему стало дурно, и у него совсем пропал аппетит.

— Отведай желе, — заботливо предложил Джонни Горожанин.

— Мне больше ничего не хочется, спасибо, — вяло поблагодарил Вилли.

— Нет? Может, тебе прилечь? Я готов предложить тебе самую лучшую постель — исключительно для дорогих гостей — в диванной подушке. Там есть дырочка, чтобы забраться внутрь.

К сожалению, от дивана несло кошкой, и Вилли предпочёл провести тревожную ночь в камине, спрятавшись за решёткой.

Следующий день был во многом похож на первый.

Был подан завтрак — великолепный завтрак для мышей, которые привыкли завтракать беконом. Но Вилли с детства питался одними корешками и салатом.

Весь день Джонни Горожанин и его друзья шумно веселились за плинтусом, а вечером бесстрашно вышли из подполья. Когда служанка Сара их увидела, она оступилась на лестнице и уронила поднос. Чашки, ложки, чайник и сахарница со звоном полетели на ступеньки. И, забыв про свой страх перед кошкой, мыши кинулись подбирать крошки, сахар и джем.

Всё было так непривычно, что Вилли мечтал снова оказаться дома, на солнечном пригорке, в тишине и покое. Городской шум не давал ему спать, еда не шла впрок. За несколько дней он исхудал и осунулся.

— Что-то ты неважно выглядишь, — заметил Джонни Горожанин и стал допытываться почему. А потом спросил про деревенский сад: — По-моему, там довольно скучно. Что ты делаешь, когда идёт дождь?

— Когда идёт дождь, сижу в песчаной норке и грызу пшеничные зёрна из осенних запасов. А выглянешь — по лужайке прыгают дрозды, вороны и мой друг дрозд Робин. Но какая красота, когда снова выходит солнце! Я очень люблю наш сад и цветы — розы, гвоздики, анютины глазки... И никто там не шумит, только поют птицы и жужжат пчелы, а на лугу пасутся овечки.

— Кошка идёт! — воскликнул Джонни Горожанин.

Они быстро спрятались в угольном ящике и продолжили разговор.

— Признаться, я несколько разочарован, Вилли, — сказал Горожанин. — Мы изо всех сил старались тебя развлечь.

— Большое спасибо, Джонни, вы все были очень добры ко мне. Но я чувствую себя здесь прескверно.

— Должно быть, твои зубы и желудок непривычны к городской еде. Вот что... залезай-ка ты в корзину и возвращайся домой.

— Неужто это возможно? — радостно пискнул Вилли.

— Разумеется. Мы могли отправить тебя домой в той же корзине ещё на прошлой неделе, — раздражённо проговорил Горожанин. — Разве ты не знаешь, что каждую субботу пустую корзину отвозят обратно в деревню?

И вот Вилли попрощался с новыми друзьями, приготовил на дорогу кусочек печенья и увядший капустный лист, незаметно забрался в корзину и после долгой тряски благополучно прибыл в свой любимый сад.

..Иногда по субботам он подходил к стоявшей у ворот плетёной корзине — залезать в неё больше не хотелось. Но и из корзины никто не вылезал, хотя Джонни, кажется, обещал, что приедет в гости.

Миновала зима. Вилли вышел из норки погреть хвостик на солнышке, понюхать фиалки и молодую весеннюю траву.

Он уже почти забыл, что когда-то ездил в город...

И вдруг на песчаной тропинке, в фиолетовом фраке, остроносых лакированных штиблетах, в безукоризненно белых носках и белом галстуке, с кожаным саквояжем в руке, появился мышонок Джонни Горожанин!

Вилли встретил его с распростёртыми объятиями.

— Как я рад тебя видеть! — воскликнул деревенский мышонок. — Ты приехал в самое лучшее время года. Пообедаем травяным пудингом, а потом погреемся на солнышке.

— Гм! Сыровато здесь у вас, — заметил Джонни Горожанин.

Хвост он держал под мышкой, чтобы не волочить по земле и не перепачкать в грязи.

Вдруг он вздротнул:

— Какой ужасный рёв!

— Ах это? — не сразу понял Вилли. — Просто-напросто корова. Пойду спрошу у неё молока. Это самая безобидная тварь. Но если она вздумает вздремнуть, лучше отойти в сторону. А то придавит брюхом невзначай. Ну, как там твои друзья?

Джонни Горожанин не стал распространяться о друзьях, но рассказал, почему приехал в самом начале весны, а не позже, когда погода устоится. Дело в том, что хозяйева на Пасху уехали к морю и наказали поварихе потравить мышей. Повариха устроила генеральную уборку... В доме появилось четверо котят... Кошка сожрала канарейку...

— Винят нас, но я-то знаю, кто это сделал, — повторил Джонни Горожанин. — А что теперь затахтело?

— Обыкновенная механическая косилка. Весьма полезная штука... Накосит травы для твоей постели. По-моему, тебе всё-таки лучше переехать в деревню, Джонни.

— Гм... Посмотрим, подождём до следующего вторника. Пока хозяев нет, корзину возить не будут.

— Вот увидишь, тебе больше не захочется возвращаться в город, — сказал Вилли.

Но Джонни уехал. Уехал с самой первой корзиной.

— Не поминай лихом, дружище, — сказал он, — слишком уж у вас тихо!

На вкус и на цвет товарищей нет...
А вот я люблю деревню — в точности как Вилли!

Содержание

Сказка про Питера Пуша	5
Сказка про бельчонка Тресси и его хвост	19
Глостерский портной	35
Сказка про Олли Кроллета	49
Сказка про двух нехороших мышей	65
Сказка про миссис Туфф	81
Сказка про пирог с мясом	97
Сказка про мистера Мак-Квакила	115
Сказка про злого-презлого кролика	127
Сказка про миcс Пусси	135
Сказка про котёнка Тома	143
Сказка про Клару Кряквуд	155
Сказка про Криса Усача, или Рулет-мурлет....	169
Пампушата	193
Терьер и Мурьер	205
Сказка про миссис Мыштон	219
Тим Коготок	231
Сказка про мистера Виллиса	247
Поросёнок Хью	277
Сказка про Джонни Горожанина	305

Литературно-художественное издание

ДЛЯ ДЕТЕЙ ДО ТРЕХ ЛЕТ

ПОТТЕР Элен Беатрис

ВСЁ О КРОЛИКЕ ПИТЕРЕ

Иллюстрации Беатрис Поттер

Перевод с английского *Михаила Гребнева*
Стихи в переводе *Дины Крупской*

Дизайн обложки **Т. С. МУДРАК**

Ответственный редактор **В. С. РЯБЧЕНКО**
Художественный редактор **М. В. ПАНКОВА**
Технический редактор **Е. С. ГУСЕВА**
Корректор **Л. А. ЛАЗАРЕВА**
Верстка **А. А. КОМАРОВСКОГО**

Подписано в печать 15.01.18.

Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.

ID 19287. Заказ № 1136/18.

ООО «РОСМЭН».

Почтовый адрес:

127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес:

117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу:*

www.rosman.ru

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:

(495) 933-70-73; 933-71-30;

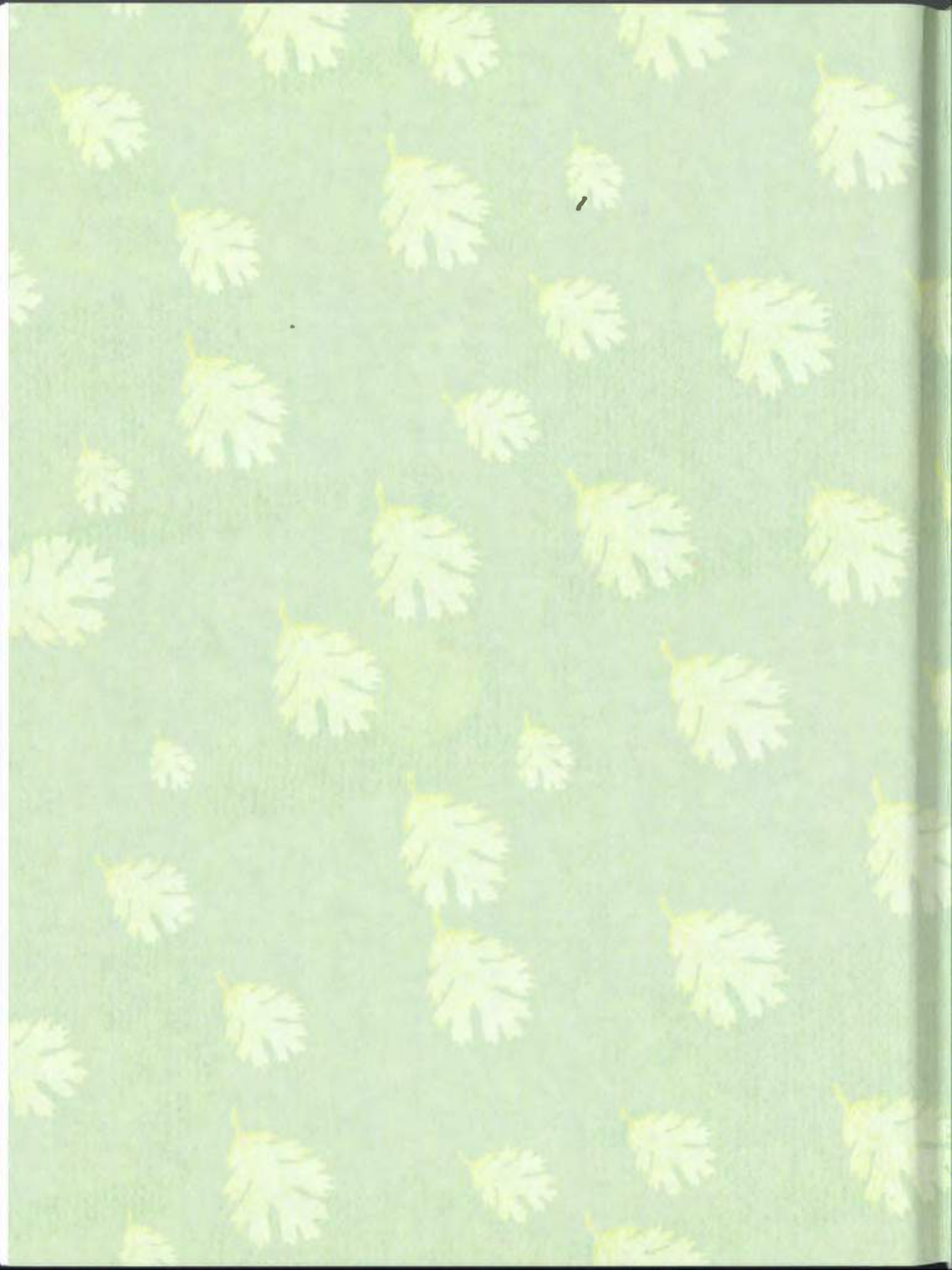
(495) 933-70-75 (факс).

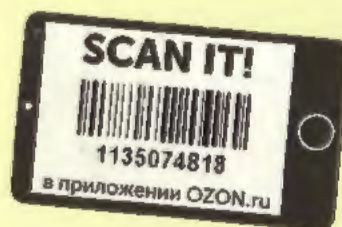

Дата изготовления: февраль 2018 г.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 0+

ISBN 978-5-353-06115-1

9 785353 061151